

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Кобо Абэ

СОЖЖЕННАЯ
КАРТА
ТАЙНОЕ
СВИДАНИЕ
ВОШЕДШИЕ
В КОВЧЕГ

«ИНОСТРАНКА»

Азбука-классика

Кобо Абэ

**Сожженная карта. Тайное
свидание. Вошедшие в ковчег**

«Азбука-Аттикус»

1964, 1977, 1980

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Сожженная карта. Тайное свидание. Вошедшие в ковчег / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус», 1964, 1977, 1980 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-21002-8

Кобо Абэ — один из самых блистательных писателей Японии, звезда послевоенного японского авангарда. Его книги читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Продолжатель традиций Достоевского, Эдгара Аллана По, Франца Кафки и Альберто Моравиа, предтеча Харуки Мураками, в каждом своем романе он творит сюрреалистическую реальность, которая переформатирует читательскую картину мира, искажает — или проясняет — читательские призмы восприятия и всякий раз совершенно ошеломляет. Недаром еще один известный японский автор Кэндзабуро Оэ назвал Абэ крупнейшим писателем за всю историю литературы. Три романа, вошедшие в этот сборник, — истории о потерях: отправившись на поиски других людей или себя самого, человек теряет убежище, близких или же себя. Эти романы — о красоте, уродстве и вообще о странности человеческой души и ее столкновении с чуждостью непонятного, бесконечно сложного и порой враждебного мира.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-21002-8

© Кобо Абэ, 1964, 1977, 1980
© Азбука-Аттикус, 1964, 1977, 1980

Содержание

Сожженная карта	6
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Кобо Абэ

Сожженная карта. Тайное свидание. Вошедшие в ковчег

Kobo Abe

MOETSUKITA CHIZU

Copyright © 1980 by Kobo Abe

MIKKAI

Copyright © 1977 by Kobo Abe

NAKOBUNE SAKURAMARU

Copyright © 1964 by Kobo Abe

Russian translation rights arranged with the estate of Kobo Abe
through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

All rights reserved

Перевод с японского Владимира Гривнина

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 1982, 1985, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Сожженная карта

Город – замкнутая бесконечность. Лабиринт, в котором ни за что не заблудишься. Это карта только для тебя, все районы на ней имеют одинаковые номера.

Поэтому, даже если ты и собьешься с пути, – заблудиться не сможешь.

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПЕРСОНАЛЬНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ ЧАСТНОГО СЫСКОНОГО АГЕНТСТВА

Заявление о розыске

Цель заявления – найти местонахождение пропавшего. Имя пропавшего – Хироси Нэмуру. Пол мужской. Возраст 34 года. Занятие – начальник отдела торговой фирмы «Дай-нэн». Пропавший – муж заявительницы. С тех пор как он исчез 6 месяцев назад, никаких известий от него не поступало. Доверяю ведение дела по розыску, готова предоставить все имеющиеся сведения.

Поручаю вам ведение этого дела. Оплату всех расходов, связанных с розыском, беру на себя. Обязуюсь хранить в тайне полученные от вас данные, не разглашать их и не использовать во зло.

Имя заявительницы: Хару Нэмуру (Подпись)

2 февраля 1967 года

Выжав сцепление, переключаю скорость. Для двадцатисильной малолитражки такой подъем – чрезмерная нагрузка.

Дорога не асфальтированная, а покрытая грубым бетоном, и, видимо, для того чтобы предотвратить скольжение, через каждые десять сантиметров в нем прорезаны узкие бороздки. Но пешеходам от этого пользы мало. К тому же пыль и крошки от стирающихся на шершавом бетоне покрышек постепенно забили все неровности, и в дождливый день, если ботинки на резине, да еще старые, идти по такой дороге – дело, наверно, нелегкое. Видно, она рассчитана на автомашины. Бороздки через каждые десять сантиметров, по всей вероятности, могут сослужить им службу. Не исключено, что они эффективны и для отвода воды в кювет, когда талый снег и грязь забивают водостоки.

Впрочем, все эти ухищрения напрасны, так как машин здесь совсем мало. Из-за отсутствия тротуара во всю ширину дороги, поглощенные беседой, не обращая ни на что внимания, идут несколько женщин с сумками в руках. Посигналив, проезжаю между женщинами. И в тот же миг резко торможу. Из-за поворота внезапно вывернулся мальчишка на роликах и несется прямо на машину, завывая как сирена.

Слева – крутая стена, сложенная из камней. Справа – почти отвесный обрыв, начинающийся сразу же за низким, лишь для видимости, металлическим ограждением и глубоким кюветом. Побледневшее лицо мальчишки, который, пытаясь ухватиться за ограждение, растянулся поперек дороги. Ничуть не лучше и мое состояние – сердце подпрыгнуло к самому горлу и бешено забилося там. Я начал было опускать стекло, собираясь обругать мальчишку, но под осуждающими взглядами женщин, дружно устремленными на меня, смешался и отказался от своего намерения. Пожалуй, лучше оставить его в покое. Не хватает мне еще влипнуть в историю: разозлю женщин, и они взвалят на меня вину за ссадины, которые получил мальчишка. И они ведь не побоятся дать ложные показания. А обстоятельства мои сейчас таковы, что я должен быть чист как стеклышко.

Нажал на акселератор. Нещадно чадя, машина медленно, с трудом двинулась вперед. И сразу же поворот. В зеркале уплывают в сторону женщины, участливо обступившие мальчишку, который не разбился в кровь, костей не поломал – в общем, остался цел и невредим, – и вместо них появляется белесое небо, похожее на погасший телевизионный экран. Неожиданно дорога становится ровной. Срезав вершину холма, забетонировали большую площадку – теперь тут конечная остановка автобуса. Неподалеку стоит скамейка, прикрытая от дождя навесом, телефонная будка, а рядом с кирпичным барьерчиком, ограждающим то, что летом превратится, возможно, в цветочную клумбу, даже фонтанчик для питья. Потом снова начинается крутой, хотя и короткий подъем. И тут же огромный плакат, небрежно выкрашенный в желтый цвет, наподобие дорожного знака: «Без особого разрешения въезд автомашин в жилой район воспрещен». Игнорируя это основательно сооруженное, с иероглифами, четко выписанными специально нанятым человеком, почти оскалившее клыки повеление, одним духом беру остаток подъема.

И сразу же пейзаж резко меняется. Прямая белая дорога кажется бесконечной, продолжающейся в белесом небе. На глаз ширина ее метров десять. Оба тротуара отделены от дороги полосами увядшего газона, обнесенного невысокой оградой, и, видимо потому, что увядание не одновременно, желтая трава перемежается зеленой, странно подчеркивается перспектива. И в самом деле, хотя справа и слева стоит всего по шесть домов – четырехэтажных, шесть квартир на каждом этаже, – создается иллюзия бесконечности. Лишь фасады домов выкрашены в белый цвет, торцы же заляпаны грязно-зеленой краской, и такая пестрота, видимо, еще больше оттеняет определенную геометрическую особенность пейзажа. Дорога служит как бы осью, по обеим сторонам которой раскинулись крылья жилого района, причем в ширину застройка больше, чем в глубину, и, видимо для лучшей освещенности, дома стоят в шахматном порядке, отчего влево и вправо взгляд наталкивается на сплошные белые стены, подпирающие молочно-белый небесный свод.

Пронзительно плачет оставленный без присмотра в красной коляске ребенок, укутанный с головой в пеленку. Мимо него на серебристо поблескивающем легком велосипеде с переключением скоростей, громко смеясь, проносится мальчишка с посиневшими от холода щеками. На первый взгляд улица оживленная, но на фоне этого пейзажа, далекого, точно смотришь в перевернутый бинокль, люди почему-то кажутся какими-то фантастическими существами. Впрочем, если прижиться здесь, все, возможно, будет восприниматься иначе. Пейзаж все удаляется и становится прозрачным, точно его вообще не существует, и только моя фигура возникает в нем, как на проявляющемся негативе. Достаточно уж того, что узнаешь сам себя. Ведь пеналы, в которых по порядку разложены абсолютно одинаковые жизни, сколько бы сотен этих семей ни было, представляют собой застекленные рамки с вставленными в них портретами членов семьи.

Хигаси, 3–12. Хигаси – Восток – означает правую сторону улицы. Третий номер означает третий от меня дом, выходящий на улицу. Двенадцать – номер квартиры на втором этаже, в левом крыле дома. В промежутках между газонами в ряд стоят таблички с надписью: «Вход воспрещен», «Стоянка запрещена», но я, не обращая на них внимания, остановил машину у дома. Вещи – небольшой черный чемоданчик со всем необходимым, своего рода реквизитом. Длина – пятьдесят, ширина – сорок, толщина – меньше двадцати сантиметров... крышка твердая и ровная, так что чемодан всегда можно использовать вместо стола, а кроме того, около ручки незаметно вмонтирован микрофон и там же устройство, позволяющее, не открывая чемодана, включать находящийся в нем магнитофон. Помимо этого, ничего примечательного в чемодане нет. Можно лишь упомянуть, что он обтянут искусственной замшей, сильно потертой от долгого употребления. Ко дну чемодана по углам предусмотрительно прикреплены металлические накладки. В общем, типичный чемодан коммивояжера. Такой вид чемодана вполне устраивал меня, но, с другой стороны, иногда и мешал.

Вдруг в лицо ударяет ветер, колющий, как осколки льда. Беру чемодан, пересекаю тротуар и вхожу в темный прямоугольник, прикрытый узким козырьком. Вбегаю вверх по лестнице – звук шагов напоминает постукивание по пустой железной бочке. В два ряда восемь почтовых ящиков... на полоске бумаги, прикрепленной клейкой лентой, под выведенной белой краской цифрой «12» можно прочесть написанное мелко от руки «Нэмуру»... может быть, заранее начать внутренне подготавливать себя, не спеша поднимаясь по лестнице?... и тогда, как только я узнаю, что нужно клиенту, сразу же приступлю к исполнению роли, которую он потребует от меня... такова уж наша работа – создавать впечатление, что тебе все ясно, но в этом, как ни странно, шаблонов не бывает.

Белая металлическая дверь с темно-зеленым наличником. Белая кнопка звонка на треснутой пластмассовой крышке. Косо отдергивается угол шторы, прикрывающей окошечко величиной с открытку, прорезанное посередине двери на уровне лица, слышится звук снимаемой цепочки, ручка поворачивается, и тяжело, точно в ней тонна веса, дверь открывается. Слабый запах горящего керосина. Женщина открывает дверь в два приема: сначала чуть-чуть, потом почти настежь, – и, отступив на шаг, я вижу, что прижимает руки к груди. Она стоит против света, и лицо ее трудно рассмотреть, но я вижу, что женщина гораздо моложе, чем я предполагал. Из-за того что она маленького роста, шея кажется длинной и тонкой, и, будь здесь хоть чуточку темнее, я бы, пожалуй, принял ее за ребенка.

Протянув визитную карточку, представляюсь сдержанно, на манер банковского служащего. Правда, сам я ни разу не видел, как здороваются банковские служащие, но их манера здороваться представлялась мне смесью учтивости и безграничной самоуверенности, на что способен лишь человек, не испытывающий ни малейшего смущения. В данном случае это не было спектаклем, рассчитанным на то, чтобы вызвать доверие клиентки. Поскольку я пришел по ее просьбе, мне нет нужды навязывать свой товар. Но если хочешь сохранять дистанцию между собой и клиентом, подобная манера держаться лучше всего. Такова уж профессия – все равно на тебя часто смотрят с подозрением. Перед теми, кто ненавидит змей, не следует разыгрывать представление со змеями.

Женщина говорит хриплым голосом, точно шепчет. Не из-за волнения – у нее, видимо, от природы такой голос. И очень странная манера говорить, – кажется, будто она все время сосет леденец; это почему-то умиротворяет меня, я вздыхаю с облегчением. Так открывается занавес моих полутемных служебных обязанностей в этой полутемной прихожей.

Сразу же слева маленькая кухня, она же столовая. Дальше отгороженная тяжелой портьерой общая комната, она же гостиная. Комната, примыкающая к ней справа, если смотреть от прихожей, – спальня.

В гостиной, у самого входа, круглая керосиновая печь, в которой дрожит кольцо голубого пламени. Посреди комнаты круглый стол. Почти до пола свисает скатерть из пластика с напечатанным на ней кружевным узором. Половина левой стены занята книжными полками, другая половина – окном. На стене, против двери, вырезанная, наверно из журнала, репродукция картины Пикассо, на которой изображена женщина, одновременно смотрящая влево и вверх. Судя по тому, что литография заключена в рамку, она, несомненно, рассчитана на то, чтобы привлечь внимание гостей. Рядом с ней, гораздо больших размеров, – чертеж, мотор в разрезе. Чертеж мотора рассечен прямыми линиями и снабжен какими-то надписями красной шариковой ручкой. Слева от окна – треугольная полочка для телефона. В углу у противоположной стены, граничащей с соседней комнатой, – стереопроектор, явно самодельный. Над ним динамики, под прямым углом прикрепленные к стене, один против другого. Не уничтожается ли стереоэффект от того, что они взаимно гасят звук? Мне предложен стул, стоящий спинкой к проектору. Попросив прощения за то, что вынуждена оставить меня в одиноче-

стве, женщина, видимо, чтобы приготовить чай, раздвинула портьеру и скрылась на кухне. От движения воздуха запах керосина исчез и появился запах косметики, оставленный женщиной.

Как только она скрылась за портьерой, сразу же все, вплоть до ее образа, стало расплывчатым, неуловимым. Я противлюсь этому. Еще раз принимаю и, убедившись, что запаха табака, запаха мужчины нет, закуриваю. Отвернув свисающий до пола конец скатерти, убеждаюсь, что под столом нет ничего подозрительного. И все-таки какое-то странное ощущение. Зимой солнце садится рано, и оконное стекло стало окрашиваться в пурпурный цвет, но все же еще не пришло время зажигать электричество. Присмотревшись, еще даже можно различить валяющийся под телефонной полочкой черный колпачок от авторучки. Я, несомненно, видел эту женщину, но... во всяком случае, когда она предложила мне сесть и мы оказались друг перед другом через стол на расстоянии меньше чем в два метра... так и не могу взять в толк, почему же все-таки образ ее так сразу расплылся. Ведь вот уже четыре года я занимаюсь подобными делами. У меня уже выработалась привычка, даже совсем бессознательно, рефлекторно, схватывать характерные особенности человека, которого я увидел, и тут же мысленно рисовать его портрет, а в случае необходимости моментально восстанавливать его в памяти. К примеру, тот мальчишка на роликах... пальто темно-синее, суконное, со слишком широким воротником, кое-где порванное... шарф серый, шерстяной... туфли белые, парусиновые, внешние углы глаз опущены, волосы жесткие, растрепанные, брови образуют почти прямую линию, под носом краснота. К счастью, дорога шла круто в гору, тормоз сработал, и все кончилось благополучно, но, будь подъем вдвое положе, а лошадиных сил в машине вдвое больше, как бы резко я ни тормозил, все равно бы не успел и правая нога мальчишки, который выставил ее, изо всех сил стараясь повернуть влево, чтобы избежать столкновения с машиной, обязательно оказалась бы под колесами. Хорошо еще, если бы отделался переломом. Мальчишка, потерявший из-за роликов устойчивость, при столкновении с автомобилем отлетел бы в сторону и ударился головой о металлическое ограждение. И даже если бы не раскроил себе череп, легко мог сломать шейные позвонки. Закатившиеся глаза, изо рта, из ушей, пенясь, течет сверкающе-чистая красная кровь... и меня бы сейчас здесь, конечно, не было...

За портьерой звон посуды... но не фарфора, а стекла... в такое время года вряд ли это будет холодное питье... но угостит ли она меня чем-нибудь алкогольным?... вряд ли... то, что обычно начинается чуть позже, – это всегда сцена непреодолимой печали, хотя степень ее бывает разная... наверно, готовит мне чашку зеленого чая, и, конечно, у нее все из рук валится... неслышные движения женщины... монотонный звук льющейся из крана воды... если все пойдет как обычно, она немного повздыхает, а потом пристанет с разговорами и будет болтать без умолку через портьеру – это ее не остановит; а я, прекрасно понимая причину этого – больная находит утешение уже в том, что выслушивают ее жалобу, – охлаждаю ее пыл, начав обсуждать расходы, в общем, буду играть довольно неприглядную роль – ничего другого мне не останется, но...

Женщина, которую я не могу вспомнить... женщина, точно фокусник, взмахом портьеры стершая свое лицо... неужели оно настолько лишено индивидуальности?... но хотя лица ее я и не могу вспомнить, зато о ее одежде в состоянии написать целое исследование. Проникнув сквозь одежду, вполне можно представить себе ее тело. Не скажешь, что худая, сложена пропорционально, изящна. Кожа, наверно, гладкая, правда не особенно белая, спина определенно покрыта нежным пушком. Впадина вдоль позвоночника глубокая, ровная. Возраст – да, ничего не скажешь, она более зрелая женщина, чем показалось сначала в темной прихожей, – но все равно ее девичья фигура, с грудью не большой, но и не маленькой, выглядит удивительно законченной, очень подходящей для новейших модных танцев, требующих подвижного тела. Мне удалось так далеко зайти в своем воображении, что казалось, если мысленно сделать еще один шаг и представить себе, какие черты лица подходят этому телу...

Если строить догадки, опираясь только на воображение, у нее должно быть привлекательное лицо, четко очерченное, очень подвижное... так я безуспешно пытался нарисовать портрет, но ничего не получалось... что-то бледное и невыразительное, как подтек на стене, может быть покрытое веснушками, всплывало в памяти... но если отвлечься от лица, то, например, волосы, прическу могу вспомнить... черные, сравнительно мягкие, струящиеся через гребень, длинные распущенные волосы, скрывающие левую половину чистого лба... падающий из окна свет создает вокруг головы золотистый ореол – наверно, потому, что она не пользуется маслом для волос... чистый лоб... да, высокий, очаровательный лоб... до него только и удалось добраться. В чем дело?... может быть, женщина сознательно не дает прочесть выражение своего лица?... или за время краткого пребывания в комнате она продемонстрировала пять-шесть выражений, причем абсолютно разных?... уж не скрывает ли она чего-то?... а если так – порученное дело потребует от меня гораздо больше хитрости и изворотливости, чем я предполагал... скоро уже три минуты, как она ушла на кухню... только распалила мое воображение, с нетерпением закурываю вторую сигарету... закуривая, встаю и, обойдя стол, останавливаюсь у окна...

Окно с частыми переплетами, но, поскольку они алюминиевые, тонкие, видно из него хорошо. Прямо перед окном, через выложенный бетонными плитами десятиметровый тротуар, – северная стена дома Хигаси, 2. На темной гладкой стене лишь пожарная лестница, окон нет. Внизу слева далеко видна широкая улица, по которой я приехал сюда. Прижавшись лицом к стеклу, можно увидеть и мой автомобиль. Если же подойти вплотную к книжной полке, слева от окна, дорога в другую сторону видна до самого спуска, и, поскольку эта перспектива под углом примерно в тридцать градусов пересекается с торцом соседнего дома, тротуар виден лишь до противоположного конца дома 2.

Примерно посредине, между тем местом, откуда я смотрю, и моей машиной, растерянно замигали ртутные лампы уличных фонарей. Наверно, какая-то неисправность, и автоматический выключатель реагирует на нее. А может быть, просто пришло время их зажигать. Прохожих стало несравненно больше, и не только женщин, возвращающихся с покупками, но главным образом мужчин, спешащих с работы домой. Наверно, подошел автобус. Если смотришь сверху вниз, ясно осознаешь, что люди – шагающие животные. Кажется даже, что они не столько шагают, сколько, борясь с земным притяжением, усердно тащат свой мешок из мяса, набитый внутренностями. Все возвращаются. Приходят туда, откуда ушли. Уходят для того, чтобы прийти обратно. Прийти обратно – цель, и, чтобы сделать толстые стены наших домов еще толще и надежней, уходят запастись материалом для этих стен.

Но изредка появляется человек, который уходит и не возвращается...

- Итак, каковы ваши предположения? Рассказывайте по порядку все, что вспомните.
- Нечего рассказывать. У меня просто нет никаких предположений.
- Достаточно того, что вы вспомните. Даже если вы не располагаете никакими доказательствами и подтверждениями...
- Угу... Ну тогда спички...
- Что такое?
- Спичечный коробок... в кармане плаща вместе со спортивной газетой лежал коробок спичек, взятый в каком-то кафе, но...
- О-о, это интересно... – Снова разглядываю лицо с моментально исчезающим выражением – лицо, приводящее меня в замешательство, и снова чувствую себя неудобно. Лицо, которому бы очень пошла легкая улыбка в границах робкого равновесия, поразительно безмятежно, будто исчезновение мужа превратилось в источник успокоения. Уж не потому ли, что из-за горя и отчаяния, длящихся полгода, пружина, приводившая в движение волю, лопнула, утонула в безграничной отрешенности? А может быть, черты ее лица – не исключено, что она

красавица, – как-то сместились, точно я смотрел на нее сквозь нефокусированную линзу. – Если рассматривать этот спичечный коробок как улику...

– Да нет... просто он лежал в кармане плаща.

– Видите ли. Если вы подтвердите свое заявление, которое вы нам подали, мы, естественно, немедленно начнем розыск. Но я хочу еще раз объяснить, что внесенный вами задаток составляет недельные расходы по розыску и, если за это время нам не удастся найти вашего мужа, гонорар, предусмотренный при успешном завершении розыска, вы платить не будете. Но и внесенные в качестве задатка тридцать тысяч иен также не будут возвращены. В случае же продолжения розыска придется внести еще тридцать тысяч иен. Помимо этого, вы должны будете оплатить текущие расходы...

– Расписаться здесь?

– Но учтите, сведения настолько скудны, что розыск может оказаться безрезультатным. Это моя профессия, и мне, в общем-то, все равно, но подумайте, не выбрасываете ли вы на ветер тридцать тысяч иен. Может быть, у вас есть какие-нибудь пожелания? За кем конкретно мы должны, по-вашему, следить, где, по-вашему, мы должны искать?..

– Если бы я знала... – Женщина отрицательно покачала головой и, глотнув, точно пробуя на вкус, пиво, от которого я отказался, так как был за рулем: – Да вот взять хоть, к примеру... того человека – возможностей, казалось бы, у него сколько угодно... а у кого ни спрашивал, говорят, причину понять не могут...

– Возможностей?

– По работе...

– Вы что ж, сами занимались розыском? Прошло-то уже полгода...

– Да, мой брат...

– А, это тот, который подошел к телефону. Он так разговаривал, будто считает себя вашим доверенным лицом. В таком случае кратчайший путь – поговорить с самим братом.

– Но я не знаю точно, где он живет...

– Ну это уж слишком. Тот, кто ищет пропавшего без вести, сам пропал без вести! Заколдованный круг какой-то.

– Брат не пропадал без вести. Раз в три дня он обязательно звонит мне... я все мечтаю, хоть бы муж по телефону позвонил. Я бы тогда перестала жить в постоянном страхе... ужасно тяжело – ведь не знаешь, что его к этому побудило.

– Но я не заметил, что вы живете в таком уж страхе.

– Странно, правда? Привычная выдержка, видимо.

– Вы, значит, все поручили брату, а сами ничего не предпринимали?

– Я ждала. Из дня в день, из дня в день...

– Ждали, и больше ничего?

– Брат был против, да и я боялась оставлять надолго дом.

– Почему?

– А вдруг, как раз когда меня не будет дома, вернется муж? Что он будет делать?... разминемся мы, и все...

– Теперь объясните, почему брат был против.

– Видите ли... – Выражение лица женщины становилось все более далеким, расплывчатым, веснушки под глазами похожи на вуаль, обволакивающую ее сон. – Брат, во-первых, из-за того, о чем я сказала, ну и потом у него были какие-то свои соображения... кроме того, у меня самой и сил бы не хватило... но мне уже стало невольно ждать... и поэтому брат наконец уступил, и я решила обратиться к вам...

– Вы много пьете?

Женщина, удивленно посмотрев на меня, подняла от стакана бутылку, из которой она машинально доливала пиво, и покачала головой, точно разговаривала сама с собой.

– Иногда, после того как мужа не стало, я только жду и вижу сны наяву... странные сны, будто я гонюсь за ним... будто неожиданно он появляется сзади и начинает щекотать меня... И хотя я понимаю, что это сон, смеюсь, смеюсь от щекотки, и на душе у меня становится как-то странно... необычные сны...

– Да, мне, пожалуй, следовало бы встретиться с вашим братом.

– Как только он мне позвонит, я ему передам... но, знаете ли, он ведь не стремится к встрече с вами.

– Почему?

– Как бы это лучше сказать... в общем, мне так кажется, а объяснить как следует не могу...

– Видите ли, мне нужны сведения. Ясно? Я не собираюсь копаться в жизни вашего брата. Я хочу одного – получить необходимые сведения. Если я с самого начала буду делать то, что уже сделано им, то потрачу в два раза больше времени. Конечно, если вы хотите этого, что ж, у меня возражений нет.

– Я рассказала все, что знаю. А что я должна еще сказать?

– О своих подозрениях.

– Ну что же мне делать? Сколько бы вы ни спрашивали, я ничем помочь не могу, нет их у меня.

– Ладно... – Я решил отступить. – Тогда, может быть, вы мне расскажете все по порядку.

– Все очень просто. До удивления просто... так вот... – Женщина легко поднялась со стула, подбежала к окну и поманила меня рукой. – Вон там... видите, шагах в десяти от того фонаря... ну, люк между тротуаром и газоном... там сразу же пропали его шаги... Почему?... Почему там?... Ведь ему там абсолютно нечего было делать...

Темная дорога... слишком темная дорога... слишком белая дорога, где-то вдаль соединяющаяся с молочным небом, дорога в долине, утонувшей на дне неба, окрашенного ртутными уличными фонарями... От фонаря прохожу десять шагов и носком ботинка нащупываю крышку люка... здесь, кажется, как раз и пропали *его* шаги...

Заброшенная, всеми покинутая долина времени, где не только женщин, которые вышли купить продукты на ужин, но даже и красные детские коляски и мальчишек на велосипедах – всех точно вымело темнотой, а служащие, те, что прямой дорогой возвращаются домой, уже успокоились, разложенные по пеналам, тем же, которые по дороге заглядывают кое-куда, возвращаться еще слишком рано... я останавливаюсь... как раз здесь пропали *его* шаги.

Прорываясь в промежутки между домами, дует ветер. Поток холодного ветра, ударяясь об острые углы зданий, завывает на таких низких тонах, что ухо не может уловить их. И хотя ухо не может уловить их, стон этого огромного органа пронизывает все тело. Оно покрывается мурашками, кровь застывает, и застывшая кровь, влившись в сердце, превращает его в красный ледяной мешочек в форме сердца. Выщербленный асфальтовый тротуар. Белое пятно на газоне – разорванный и выброшенный старый мяч. Труп растрескавшейся дороги, на которой ни живой души, хотя она и освещена ртутным фонарем, отчего даже мои запыленные ботинки кажутся позолоченными. По этой дороге никогда не дойдешь, куда тебе нужно.

Полгода назад был как раз август – еще самый разгар жаркого лета. Асфальт был вязким, как резина, а вокруг фонаря кружился рой мошкары. Газон – зеленая речушка, на которой ветер поднимает рябь; на дне ее утонул разорванный мяч, и если приходилось идти вот так, топя, то не потому, что мерзли ноги, а чтобы разогнать тучи комаров, поднимающихся из люка... Если *он* остановился как раз здесь... нет, нет, последний раз *он* проходил тут, когда было еще утро... раннее утро, когда фонари закрыли глаза, мошкара забила в свои гнезда в корнях травы и черная долина, сорвав с себя одежду, снова превратилась в белую горбатую улицу, сливающуюся с небом, а может быть, это было удивительное утро, и сверкало голубое

небо, потому что дул сильный юго-западный ветер, – та самая трагическая минута, когда по сигналу первого удара сердца города ключи в сотнях пеналов, с разницей не больше чем в пять минут, повернулись и толпа служащих, непохожих друг на друга, но и неразличимых, как водяной вал, вырвавшаяся из открытой плотины, заливает улицу во всю ее ширину...

– Да, действительно, точно полчища крыс во власти чар... есть такая сказка, разве вы не знаете ее?.. – Женщина, пытаясь, видимо, показать ширину улицы, разводит, насколько возможно, руки, и глаза ее увлажняются – может быть, из-за пива, ведь она выпила целую бутылку, и, переводя глаза с одной руки на другую, бормочет: – Ух ты, темно-то как, – быстро встает и зажигает свет и тут же скрывается на кухне и продолжает говорить в том же тоне, но теперь уже через портьеру: – Не только тротуары, даже мостовая битком забита... да к тому же еще все бегут, чтобы не опоздать на автобус...

– Но ведь в часы пик на автобус надеяться рискованно.

– Конечно. – Женщина возвращается, держа в руке новую бутылку пива. – Потому-то им и приходится еще быстрее бежать.

Поставив бутылку на стол, она неожиданно поворачивается к окну. Когда в комнате зажегся свет, на улице стала ночь. В окне отражается литография Пикассо. Женщина, будто чем-то напуганная, резко задергивает штору, и тогда лимонный цвет, закрывший половину стены, преобразует комнату. Цвет лимона, но не свежего, а слегка увядшего от долгого лежания на витрине магазина. Лишенная хозяйина, казавшаяся заброшенной, комната благодаря этому лимонному цвету ожила. Будто ей не хватало не пропавшего *его*, а просто лимонного цвета. Над книжной полкой оказалась вышитая кошка. Под чертежом мотора обнаружилась полочка для безделушек – на ней лежат вязаные ажурные перчатки. Комната, которой очень идет лимонный цвет. Женщина, которой очень идет лимонный цвет. Комната женщины. Комната для женщины, отрезанная от всего мира вместе с жизнью женщины. Я чуть склоняю голову набок. Шестая сигарета. Женщина пьет вторую бутылку пива. Все очень подозрительно.

От фонаря всего лишь десять шагов в сторону спуска. Около маленького люка, находящегося на границе с газоном. Не смешиваясь с толпой служащих, бегущих по улице, точно их гонят, *он* медленно шел, задумавшись, по краю этого тротуара. Проходившие рядом видели *его* своими глазами, и, хотя в самом деле были последними, кто видел *его*, может ли этот факт иметь какое-нибудь значение?

– Чем бежать к автобусу, на который все равно нельзя надеяться, разумнее было бы с самого начала рассчитывать на метро и идти спокойно, да и дорога туда под гору. Тем более что в то утро он ведь условился о встрече на станции S. Правда, если ехать прямо в фирму – автобусом удобнее...

– А встречей он пренебрег.

– Пренебречь – значит совершить запланированное действие, продиктованное волей.

– Тогда что-то другое. Скажу иначе. Ну как бы это лучше выразиться?..

– А ведь за три дня до этого он ездил на машине, верно?

– Да, но из-за какой-то поломки поставил ее, как мне сказал, на ремонт.

– А теперь эта машина?..

– Действительно... куда же она девалась?.. – Удивленные, широко открытые глаза женщины никак нельзя было назвать невинными. – Брат наверняка должен бы знать...

– Опять брат. Но, к сожалению, я не имею возможности встретиться с этим братом...

– Видите ли... брат есть брат... пригласить вас – это была как раз мысль брата... поэтому мне бы хотелось, чтобы вы верили ему. Просто брат такой уж человек... – И, сразу же оживившись: – Знаете, а он не пренебрег встречей, ничего подобного... это уж точно... есть доказательства... да, да, я вспомнила... в то утро, не успел он выйти, как сразу же вернулся... я думаю, это очень важно... после того как спустился по лестнице, и минуты не прошло... за

скрепкой... он отобрал часть документов, которые обещал передать на станции S., и решил, что лучше всего сколоть их скрепкой...

– Значит, вы спрашивали его, зачем он вернулся?

– Да, возможно. – Женщина слегка улыбнулась, обнажив зубы, но не смогла спрятать таившийся в глазах испуг. – Я всегда сама с собой разговариваю... простите... такая у меня привычка... когда разговариваешь сама с собой, сколько ни повторяй одно и то же, никто слова не скажет... так вот эта скрепка, пустяк вроде бы... я тоже так всегда думала... но то, что он вернулся, чтобы взять ее, – разве это не доказательство, что он намеревался выполнить свое обещание встретиться?... все меня спрашивают, и я в конце концов привыкла повторять это...

– Все?

– Ну да, мои собеседники, когда я разговариваю сама с собой... но вот эта скрепка, какая же она бессердечная... чтобы скалывать документы, она, может быть, и подходит, но ведь скрепкой или еще чем-то нужно сколоть мое самое большое, самое важное желание... понимаете?..

Я медленно иду, останавливаюсь, поворачиваю обратно и снова иду... выщербленный асфальтовый тротуар... от угла дома 3 – тридцать два шага... поднимешь голову – точно зачарованные, зовущие на праздничное шествие, которое никогда не наступит, стоят ряды фонарей, похожие на немигающие искусственные глаза. Тусклые прямоугольники светящихся окон – удаляющиеся фигуры, давным-давно отказавшиеся от праздника. Снова иду, подняв воротник, – ветер, как мокрая половая тряпка, бьет по щекам...

Если целиком поверить надеждам женщины или ее разговору, который она ведет сама с собой, тогда в промежутке этих тридцати шагов таится какое-то странное происшествие, может быть, здесь он устроил тайник... и таким путем отказался не только от встречи на станции S., но и вообще от людей, смело перешагнул пропасть, которая не позволит ему вернуться назад...

– Ладно. Все же, если дать волю воображению, кое-что представить себе можно. К примеру – вы только не расстраивайтесь, – шантажист, воспользовавшийся какой-то оплошностью вашего мужа... к примеру, бывшая любовница или ребенок, рожденный от него любовницей... это часто бывает... ошибки молодости, которые не удалось похоронить, неожиданно появляются, как призраки, – в этом нет ничего удивительного... да к тому же еще и август... призраки больше всего любят гулять в это время. Нет, это, конечно, не значит, что призраками бывают одни только женщины. Не менее вероятным претендентом на такую роль может оказаться и соучастник давней растраты, теперь уже превратившийся в дряхлого старика. Ну или, к примеру, он получил привет от бывшего преступника, за день до этого выпущенного из тюрьмы... кстати, вам ничего не известно о каком-нибудь человеке, неоднократно попадавшемся на шантаже и арестованном по доносу вашего мужа? Не исключено, разумеется, что западню ему подстроил и совершенно незнакомый человек. Дело в том, что в последнее время невероятно участились случаи интеллектуальных преступлений. Стали распространенными такие, например, бандитские действия: совершенно незнакомому человеку от своего имени тайно страхуют жизнь, а потом сбивают автомобилем. Правда, в этом случае очень трудно соблюсти все требования закона, так как, если при обнаружении трупа личность погибшего не будет установлена, не удастся получить ни сзна. Нет, поскольку от полиции никаких сведений не поступало, пожалуй, нужно будет исключить смерть от несчастного случая или преступление, имитирующее смерть от несчастного случая. Если же произошло убийство, то труп может оказаться в бочке из-под цемента где-нибудь на дне моря... и в этом случае расследование затянется... нужно будет хорошенько расспросить его товарищей... может быть, замешана какая-то контрабандистская организация, может быть, группа фальшивомонетчиков...

Женщина, отпив до половины второй стакан, отодвинула его. Она сидела неподвижно, глядя, как лопаются пузырьки пены, превращаясь в мутный осадок. Что она, задумалась, рассердилась, а может быть, просто замечталась? Слегка оттопыренная нижняя губа. Нижняя губа еще совсем детская, казалось, не отвыкшая от груди. Маленький, задорно вздернутый носик.

– Нет, сильнее всех этих шаек может оказаться самый ничтожный, буквально выеденного яйца не стоящий случай. Дьявол не дремлет. Вот подлинная история. Директор отделения банка, слывший педантом даже среди педантичных своих товарищей – банковских служащих, в день ухода на пенсию пошел смотреть стриптиз и неожиданно потерял голову из-за танцовщицы. У нее была привычка, не обращая внимания на окружающих, сколько бы народу вокруг ни было, грызть ногти. И в перерывах между выходом на сцену, где она исполняла некое подобие танца, беспрерывно грызла ногти, и, может быть, поэтому никому не нравилась и не пользовалась никаким успехом. Но вышедшему в отставку директору отделения банка как раз и понравилась ее привычка грызть ногти. Он приходит туда три дня подряд, потом передает ей любовное письмо. На четвертый день везет ее обедать, все как будто очень хорошо, но на пятый – катастрофа: в комнате женщины оба кончают жизнь самоубийством. Лезвием безопасной бритвы. Чем вещество тверже, тем легче оно разлетается на куски – таков закон.

Выражение лица женщины по-прежнему не изменилось. Пена в стакане почти растаяла. Сбоку пена напоминает джунгли, сфотографированные с самолета. Что видит женщина? Вдруг – может быть, это свет так лег – вдоль нижнего века наливается что-то, напоминающее полоску блестящего бесцветного лака... Слеза? Я теряюсь... это не входит в мои планы...

– Единственное, о чем я хотел еще спросить, – это о том случае со скрепкой... как вы говорили, скрепка, возможно, служит доказательством, что он всерьез думал о документах... но ведь тогда он, как и договаривался, должен был пойти на станцию S., чтобы передать их, верно? Видимо, здесь уже какая-то другая проблема. Она, разумеется, имеет отношение к содержанию этих документов, но все же...

– Это никому не известно.

Ее ответ легко вернулся ко мне, как отскачивший мяч, в ее голосе слышались нотки, которых не было раньше, до того, как она замолчала.

– Но документы, видимо, необходимы были фирме?

– Да нет, ничего серьезного в них, я думаю, не было.

– Мне нужно не ваше мнение, а факты. Ну хорошо, об этих документах узнаю завтра в фирме... никак не укладывается это у меня в голове... могу понять, что у вас нет никаких предположений, – вопрос сугубо личный, и тут уж ничего не поделаешь, но я просто не могу представить себе, как человек, который настолько любит порядок, не оставил ничего – ни записок, ни дневников, ни визитных карточек, ни адресов – в общем, ничего, что помогло бы напасть на след. Здесь какое-то противоречие. У вас нет никаких предположений, и на этом основании вы утверждаете, что исчезновение было совершенно неожиданным, но все указывает на обратное. Мне кажется, в данном случае вполне уместна поговорка: летящая птица следа не оставляет.

– Но ведь случай со скрепкой действительно произошел, и, кроме того, он не притронулся к чековой книжке...

– Скрепка, скрепка, скрепка... послушайте же, ну почему вы не допускаете мысли, что это был продуманный маневр, чтобы заставить вас так подумать? Может быть, таким способом он хотел в последний раз тайком сказать вам *до свидания*...

– Едва ли... все время, пока я искала скрепку, он чистил ботинки и насвистывал странный мотив.

– Странный?

– Какая-то рекламная телевизионная песенка...

– Перестаньте. Вы вольны сами себе лгать, но меня-то обманывать какая польза.

– По правде говоря, было, пожалуй, кое-что... боюсь, что телефонная книжка...

Она впервые поворачивает голову к углу комнаты, где стоит телефон, и уже начинает было грызть ноготь большого пальца, но тут же поспешно прижимает сжатый кулак к губам. Хотела скрыть, но ничего не получилось. Старается бороться с дурной привычкой, но все равно на краях ногтей, специально покрытых толстым слоем лака, белые следы от зубов... Женщина виновато улыбается.

– Значит, была телефонная книжка?

– Можно ее так, пожалуй, назвать... нажмешь на нужную букву, раз – и переплет сам откидывается... черной эмалью покрыта... вот такой примерно величины... да, да, она всегда лежала вон на той полочке...

– Она пропала одновременно с исчезновением мужа?

– Нет, скорее всего, ее унес брат. Брату не удавалось заставить меня сидеть и ждать, ничего не предпринимая. Однако, сколько он ни разузнавал, ничего, что могло бы навести на след, обнаружить не удавалось, и поэтому он решил прекратить поиски. Но если бы эта телефонная книжка вечно маячила перед глазами, для меня стало бы невыносимым сидеть сложа руки. А брат был против. Не хотел, чтобы я влезала в такое опасное дело.

– Опасное?

– У каждого человека одна карта жизни. Много-то зачем... брат так говорит... а мир – это лес, густые заросли, кишасшие дикими зверями и ядовитыми гадами, и пробираться сквозь них можно, только когда твердо уверен в безопасности...

– В общем, раньше, чем вымыть руки, продезинфицируй мыло, это он имеет в виду?

– Вот именно... действительно такой характер у него, у брата... вернувшись домой, он без конца суетится: и руки вымоет, и горло прополощет...

– Но все же прошу вас: позвоните прямо сейчас брату.

На лицо женщины вдруг упала серая тень. Нет, вернее, поднялся занавес и выглянул настоящий цвет лица. Впервые поддавшийся настройке взгляд. Тихо поглаживая пальцами край стола, она беззвучно встала, зашла в узкое пространство за стулом, отчего в лимонной шторе образовалась небольшая впадина. Женщина, напоминающая человека, пойманного с поличным... напряженная поясница, сопротивляющаяся тяжести... снимает трубку, не заглянув в записную книжку, набирает номер и пальцем, которым набирала номер, тербит штору... гибким пальцем, будто лишенным суставов... видимо, привычка крутить в руке все, что ни попадется... может быть, эту привычку она выработала, чтобы отучиться грызть ногти?.. Штора тихо качается, и кажется, будто она тоже слегка опьянела... но есть здесь и черно-желтый знак: «Внимание, опасность...»

– Действительно, – женщина говорила хриплым шепотом, обращаясь к кому-то, возникшему перед ее мысленным взором, – прилипла эта привычка разговаривать сама с собой... и ведь верно, первым, от кого я это услышала, был он... я сначала и не поверила... сразу после того, как он беззаботно насвистывал... чувство, которое я тогда испытала, можно назвать испугом... странно, никто не подходит... наверно, нету дома...

– Куда вы звоните?

– Прямо туда...

– Человеку, который последним видел его? Оставьте, пожалуйста. Там сыты по горло вашими звонками. И, кроме того, прошу я вас совсем не об этом телефонном звонке.

Она испуганно, точно нечаянно схватила гусеницу, кладет трубку.

– Ну а кому же?

– Мы ведь договорились – брату.

– Брату бесполезно. Видите ли...

– Мне нужна карта – пусть не одна, пусть десять, двадцать. Единственная фотография и единственный потерянный коробок спичек – ну что они могут дать? Моя профессия – этим я отличаюсь от вас – вынюхивать опасности. И в заявлении, которое вы только что подписали,

ясно сказано: вы подтверждаете, что готовы представить все сведения. Я думаю, вас никто не заставлял обращаться к нам.

- Брат знает. Нет ничего, что могло бы помочь вам, – он сам тщательно все проверил...
- Ну и самонадеянность. Тогда зачем же вы меня наняли?
- Потому что я не в силах больше ждать.

Действительно, ждать невыносимо. И тем не менее я продолжаю ждать. Я медленно иду, останавливаюсь, поворачиваю обратно и снова иду... время от времени подходит автобус и слышится нестройное постукивание каблучков, но все равно не видно ни души... не только ни души, невозможно обнаружить ни пропасти, ни разлома, ни магического круга, ни таинственного входа в подземный переход – ни малейшего намека хоть на что-нибудь подобное не обнаружить... есть лишь отчаявшаяся в ожидании темная, пустая перспектива... и стонущий, точно больной, февральский ветер...

А ведь было утро, половина восьмого, самое незамутненное время... время, подобное дистиллированной воде, когда не может произойти ничего таинственного... что же таинственного могло произойти с одним из начальников отделов фирмы по продаже горючего? Может, от него потихоньку избавились, а может быть, он тайно встречается с глупой заявительницей? В общем, с какой стороны ни подходи, невидимый в любом случае невидим. Кто не хочет, чтобы его видели, и сам не намерен смотреть. Тот, кто хочет смотреть, уже видим. Я пристально всматриваюсь только туда. Тусклый прямоугольник лимонного окна... окна комнаты, где я только что побывал. Эта лимонная штора верно служит женщине, чтобы не впускать тьму, она смеется надо мной, мерзнувшим во тьме. Но все равно предал женщину ты. Заставляешь ее ждать. Заставляешь ждать до такого часа.

Торопливо приближаются шаги, будто кто-то наступает только на каблучки, и тогда я впервые отрываю взгляд от лимонного окна. Неуверенная женская походка, сбивчивое постукивание запоздалых высоких каблучков, раскачивающийся сбоку бумажный пакет... белому пальто, отделанному мехом у ворота и рукавов, не спрятаться и в темноте... делает вид, что не обращает на меня внимания, но обмануть не удастся. Напряженный, точно в доспехах, торс, повернутый в мою сторону... а что, если взять и повалить ее на газон?... она будет лежать безмолвно, подобно изваянию, и делать вид, что лишилась чувств, – это уж точно... белое пальто слишком бросается в глаза, поэтому, может быть, стоит засыпать ее опавшими листьями, покрывающими траву?... погребенная под листьями неподвижная женщина... и под этими листьями обнаженная женщина, снаружи остаются лишь руки и ноги... налетает ветер, и открывается лицо... и лицо это превращается неожиданно в лицо той самой женщины за лимонной шторой... поднимается еще более сильный ветер и сдувает с нее оставшиеся листья... но тогда вместо предполагаемого обнаженного тела возникает черная пустота... прямо под фонарем тень женщины в белом пальто прочертила окружность, а потом, разрастаясь и разрастаясь, растаяла в темноте... руки и ноги тоже исчезли, и осталась лишь пустота, подобная бездонному колодцу...

Ощущение, будто вместо ботинок влез в холодное рыбье брюхо. Но подожду еще с полчаса. Если только мое предположение верно... даже мысли не хочу допустить, что оно ошибочно... скоро на той шторе обязательно появится тень склонившейся женщины. С ней у меня все будет иначе, чем с той женщиной под листьями. Не я буду выбирать, выбирать будет она сама.

Я с самого начала был твердо уверен – если она захочет позвонить по телефону, стул будет ей мешать, и ей придется принять именно эту позу. Она станет боком к окну, и свет будет падать так, что голова окажется чуточку срезанной. Штора редко соткана из толстых ниток, и поэтому нечего опасаться, что тень сквозь нее не будет видна. Лишь бы наступил этот момент – тогда ждать стоит, хоть и холодно. С кем она будет разговаривать по телефону? Ясно... конечно же, с тем, кого она называет братом, с этим подозрительным типом. Станный

человек, если о нем говорят, что местожительство его невозможно установить, из-за того что он добрый, умный, самоотверженный, слишком глубоко все обдумывающий... выступая от имени заявительницы, в ответственный момент поручает переговоры спивающейся женщине, которая грезит наяву, корчится от смеха, будто ее щекочет какой-то воображаемый мужчина, разговаривает сама с собой... безответственный опекун, не желающий казать лица...

Ладно, пусть будет так. У меня нет ни малейшей необходимости доискиваться, правдивы ли слова заявительницы. Такова моя профессия, и я сколько угодно буду служить клиенту – пусть лжет, лишь бы деньги платил. Но если не знать хотя бы в общих чертах планы клиента, невозможно как следует исполнить даже роль болвана. Или, скорее, учесть все так же трудно, как исполнять роль болвана. Ну и, кроме того, существует еще и то, что именуется чувством собственного достоинства. Роль болвана – прекрасно, но когда с тобой сознательно обращаются как с болваном, – это затрудняет общение. Мне заплатили тридцать тысяч иен, следовательно, хотят, чтобы сфера моей деятельности была ограничена тридцатью тысячами иен.

Поставив чемодан к ногам и потирая о бока руки, засунутые в карманы пальто, я не отрываю глаз от лимонной шторы. Вверх по склону, со скрежетом, будто вот-вот развалится на куски, поднимается такси и, разрезая тьму, скрывается между домами. Подожду по крайней мере, пока оно не вернется. Но если и до тех пор не появится тень, которую я ожидаю... это невозможно... слишком уж подозрителен этот братец... для разумного человека было бы гораздо логичнее и естественнее, вместо того чтобы отдаляться, с самого начала постараться сблизиться.

До ушей, точно вздох земли, донесся, будто перекатываясь по бесконечным трубам, далекий звук резко захлопнутой стальной двери. Где-то в воздухе пронесся жалобный собачий вой. Захотелось помочиться. Тело охватила дрожь, кажется, терпению пришел конец. Показалось, что, искрясь, идет снег, но, видимо, это галлюцинация из-за того, что слишком напрягаю зрение в темноте. Закрываю глаза – снег все равно продолжает падать. Но еще труднее, чем в этот снег, поверить в...

Возвращается такси, теперь уже свободное. Так во что же трудно поверить?... было столько всего, во что трудно поверить, что я уже не помнил, что собирался ставить под сомнение... видимо, даже способность мыслить и та застыла... окно лимонного цвета, за которым ничего не изменилось... стеклянный шарик, по ошибке вложенный в рот вместо леденца... лучше бы не стараться так, изо всех сил... Помочившись, беру чемодан и возвращаюсь к машине... рев мотора... если все идет, как я предполагал, то этот звук, предназначавшийся для заявительницы, теперь кажется отвратительным, раздражает меня... да, если утверждать, что это факт, то нужно именно с этого факта начинать.

Истертый рекламный коробок спичек и фотография. На карте слишком много белых пятен. И потому-то я не должен наобум закрашивать эти белые пятна. Я ведь не страж закона.

Донесение

12 февраля. 9 часов 40 минут. Посетил место, откуда появился коробок спичек. От дома заявительницы примерно в двадцати минутах ходьбы, если направиться в сторону станции S. по улице, где ходит автобус, с таким расчетом, чтобы станция метро в конце спуска оставалась справа, то слева окажется платная стоянка автомашин, а сразу же наискосок вывеска «Камелия», выведенная такими же иероглифами, как на этикетке спичечного коробка. Самое обычное кафе, всего на восемнадцать мест. Кроме хозяина, одна официантка. Возраст – примерно 22 года. Полноватая, круглолицая девушка, с маленькими глазками и следами от угрей на лбу. Девушка в модных чулках, любящая броско одеваться, но абсолютно ничем не примечательная. В общем, не она объект расследования. На двери объявление: «Требуется официантка». Я подумал, что либо их не хватает, либо одна из официанток в течение месяца должна уйти, и решил исподволь выведать у хозяина. Оказалось, что мои предположения ошибочны – про-

сто нужна официантка для нового заведения. Я показал фотографию пропавшего без вести, описал особые приметы, но и хозяин и официантка в один голос засвидетельствовали, что не имеют о нем ни малейшего представления и, уж во всяком случае, он не постоянный посетитель. (Примечание. Стоимость кофе 80 иен.)

...Утром я был с похмелья. Поэтому хотя и выпил две чашки кофе, но поставить в счет плату за обе постеснялся и решил записать одну.

На основании этого нельзя, конечно, утверждать, что в донесении о кафе «Камелия» есть какие-то серьезные упущения. И сильно помятый спичечный коробок, и его стершаяся этикетка, и неудобное местоположение кафе – все это точно согласовывалось со словами хозяина, что *он* не был постоянным посетителем, ну что можно еще к этому добавить?

Ободранная стена с незаделанными следами перестроенных полок. Прикрепленная к стене цветная фотография какой-то кофейной плантации в Южной Америке. На ее загнутых углах толстым слоем лежит пыль – человек, повесивший фотографию, безусловно, забыл о ее существовании. Судя по тому, что на ней все в широкополых шляпах, там, видимо, ослепительно-яркий день, а здесь – выжимки белесого февральского солнца, запутавшиеся в сетчатой шторе, да красный огонь керосиновой печки, чадающей под выцветшей пальмой. Вдобавок, кроме меня, нет ни одного посетителя, мрачная девица склонилась у стойки над иллюстрированным журналом, да и хозяин со сморщенным лицом, будто чихнуть собирается, не обращая на меня внимания, лениво протирает столы и каждый раз, покончив с очередным столом, выглядывает на улицу и глубоко, протяжно вздыхает. Если что и можно к этому добавить, то только объявление: «Впереди тупик». Дальнейшие домыслы – такое же дурацкое занятие, как исследование фотографии кофейной плантации с помощью лупы. Не только он – любой, не успев сесть за этот столик, первым делом подумает: какое счастье, что есть место, куда можно возвратиться. Во всяком случае, в моем донесении нет ни грана лжи.

Когда хозяин подошел к соседнему столику, я, захлопнув чемодан, поднялся. Кафе – узкое и длинное – тянется вдоль улицы, и хозяин, чтобы дать мне дорогу, вынужден, втиснувшись между столами, ждать, пока я пройду. При каждом шаге из щелей между половыми досками проступает черный жир. Протянув двести иен девице, поднявшей недовольное лицо от журнала, и ожидая сдачу, я решил отказаться и от посещения клиентки. Я столько раз повторял себе это, пора бы привыкнуть. Но может быть, встретиться с братом? Ничего не случится, если я попытаюсь выяснить, что же, в конце концов, представляет собой этот человек. А сейчас, хотя интересы обоих как будто совпадают и писать об этом в донесении не стоит, тем не менее не исключено, что обстоятельства вынудят его снять маску и между ними произойдет разрыв. Формальной заявительницей является женщина, и с ее братом я никакими обязательствами не связан.

Красный телефон-автомат у кассы, захватанный грязными руками вплоть до отверстий в диске. Набрав номер своего агентства, связываюсь со справочным отделом. Прошу зайти в районное управление по месту прописки женщины до замужества и в домовую книгу срочно выяснить все, касающееся ее брата. При этом я достаточно громко, чтобы слышали хозяин и официантка, произнес теперешнюю и девичью фамилию женщины. Но с их стороны не последовало никакой реакции. То, что ее не последовало, видимо, естественно. Даже если бы мои самые худшие предположения подтвердились, совсем не обязательно, чтобы они поддерживали связь, пользуясь настоящими именами.

Хозяин, кряхтя, убирает посуду с моего стола. Слыша за своей спиной голос девушки, у которой еще сохранился кантоский выговор¹, я выхожу на улицу. Молочно-мутное небо – и в то же время яркое. Перед самым кафе, почти касаясь друг друга, снуют огромные автобусы.

¹ Диалект японского языка на востоке острова Хонсю. – Здесь и далее примеч. перев.

Воспользовавшись тем, что поток на мгновение прервался, я перехожу через дорогу и направляюсь к автостоянке. На ограждающей ее колючей проволоке в ряд висят три объявления:

«Платная стоянка. Один час – семьдесят иен. За длительное пользование – скидка».

Внизу красными иероглифами обозначен номер телефона.

«Прямо туда». Реклама гостиницы, куда указывает метровая рука.

Почти закрывая всю сторожку при въезде: «Контора частных такси Ханава».

Платя семьдесят иен сторожу с подбитым глазом, чуть ли не верхом сидевшему на жаровне, я подумал, что нужно не забыть и их включить в донесение, и спрятал в бумажник квитанцию со штампом. Оборачиваюсь. Сетчатая штора, будто черная тушь, закрасила окно «Камелии», и в нем отражается уличная толчея у аптеки напротив. На карнизе второго этажа появилась толстая, как свинья, кошка и медленно идет по нему. Пройдя пять-шесть шагов, она неожиданно исчезает. У самого конца карниза торчит высокая труба бани, и из нее вьется легкий, прозрачный дымок. По привычке начинаю доставать фотоаппарат, но необходимости в этом нет. Каким доказательством может служить место, куда вторично попасть невозможно?

Моя машина третья в левом ряду. Она спряталась в глубине, и я не сразу ее нахожу. Когда наконец показался ее сплюснутый нос, от сторожки, хрустя галькой, ко мне поспешно подошел человек.

Потребует дополнительную плату?..

Человек широко улыбается и без всякого стеснения, медленно, сверху вниз скользит по мне глазами. Противный взгляд у этого типа. От широко развернутых, хотя и костлявых плеч пальто ниспадает вниз отвесно, а у карманов – может, в них что-то вложено? – прямая линия круто ломается. Выражение лица недовольное, несмотря на фальшивую улыбку, – может быть, из-за слишком длинных волос на висках? Характерная походка – виляет бедрами, будто специально привлекает к ним внимание. Агрессивный вид, возможно потому, что глаза посажены слишком близко.

– Вы... не из сысского агентства?

Запоминающийся голос. Не то чтобы заикается, но какой-то неясный выговор, точно рот полон слюны. А может быть, и в самом деле? Тот голос, который по телефону от имени женщины попросил заняться розыском. Человек продолжал улыбаться, но сразу же вызвать у меня ответную улыбку ему не удалось. Было тут и замешательство, было – и это главное – досадное чувство поражения.

Откровенно говоря, я почти не надеялся встретиться с этим человеком. Может быть, потому, что напрасно простоял прошлой ночью, лишь околел, ничего не дождавшись. Мне начало даже казаться, что вряд ли этот человек действительно брат женщины, больше того, я стал сомневаться вообще в его существовании. Нанять человека, чтобы он вместо тебя позвонил по телефону, – проще простого. И если допустить, что брат действительно существует, положение от этого не меняется. Он тоже человек-невидимка, и в этом несколько не уступает *ему*, пропавшему без вести, и вынужден прибегнуть к этому детскому притворству только потому, что совершил нечто постыдное. Отрепетированный спектакль, заставляющий подозревать соучастие в преступлении. Так думал я, уже готовый чуть ли не махнуть на все рукой. В общем, все разыгрывается как по нотам: меня незаметно втягивают в нечто пахнущее преступлением.

Да, но ведь есть еще и этот спичечный коробок. Вне всякой связи с кафе «Камелия» в самом коробке, я чувствовал, есть для меня что-то непонятное. В этом истертом коробке лежали два вида спичек с разными головками.

Спички с белой головкой и спички с черной головкой.

Опасное предчувствие: если переусердствуешь в подозрениях, хочешь не хочешь, начнешь ощупью продвигаться вперед по сплошному белому пятну карты. Но я не должен поступать опрометчиво, чтобы не дать этому человеку почувствовать свои колебания. Это-то я понимал. Расходы оплачиваются в первую очередь с целью защиты интересов клиента, а выяснение истины – дело второстепенное.

Я махнул на все рукой. Действительно махнул, и было бы лишним говорить мне о том, чтобы я спокойно реагировал на этого человека, появившегося сразу после того, как я с похмелья влил в себя изрядное количество кофе.

Я еще не успел ответить, а молодой человек уже наседали, указывая подбородком на кафе.

– Какой-нибудь урожай собрали? Вот случайность так случайность... ну ничего, я думаю, мы найдем с вами общий язык.

– Случайность? – спросил я непроизвольно тоном допроса.

– Действительно случайность. – Он повернулся так, что почти касался моей машины. – Я ведь и в самом деле за вами по пятам не хожу. Иначе мы поменялись бы ролями.

– А как вы меня узнали?

Собеседник на миг бросил взгляд на мои ботинки и, точно потешаясь:

– Ведь вы-то меня сразу узнали, верно? Тот же случай.

Узнал, по его необычному голосу. К тому же слишком явно подстроенное совпадение места и времени. Есть ли у этого самозваного братца что-нибудь общее с сестрой? Маленькая в сравнении с широкими плечами головка. И эти плечи тоже, видимо, появились благодаря портняжному искусству и вате. Глухой голос, точно воспалились голосовые связки. Холеная кожа, наводящая на мысль, что человек он ловкий и оборотистый. Сказать, что совсем не похож на сестру, нельзя, но ведь все люди более или менее похожи друг на друга. Лицо с застывшей враждебностью, которому абсолютно чужда улыбка. Сухой взгляд человека, ни разу в жизни не видевшего сны, не мечтавшего. Ко всему еще отвратительная манера употреблять высокопарные выражения, что совершенно не соответствовало его виду: во всяком случае, он создавал вокруг себя совсем другую атмосферу, чем его сестра. Но все-таки он по-прежнему доверенное лицо клиентки, и мне незачем ссориться с ним. Однако какая же это колоссальная ошибка – считать, что подачкой в тридцать тысяч иен можно купить и привязанность человека тоже...

– Вчера вечером я, естественно, рассчитывал, что мне удастся встретиться и с вами, но представьте себе мое недоумение, когда оказалось, что разыскивать, собственно, мне придется двоих.

Мужчина, поглаживая рукой в перчатке металлический зажим дворника, снова заглянул мне в лицо:

– У вас очень густая борода. Даже завидно. А у меня борода совсем не растет – реденькая. Может, виноваты гормоны?

– Мне было очень трудно с ней... она вам сестра?.. Упорно стоит на своем: ничего, мол, не знаю, никаких подозрений нет... а как коснешься какого-нибудь важного вопроса, говорит, что все знает брат... ну а где же брат?... опять не знает... и единственное, на что она еще способна, – сидеть в одиночестве и пить пиво. Похоже, она просто не хочет, чтобы разгадали причину исчезновения ее мужа...

– Да, у вас голова работает. Все верно. Хотя, в общем, еще рано говорить, что все удастся выяснить.

Мой собеседник, сохраняя улыбку в уголках губ, расстегивает на пальто две верхние пуговицы и, откинув белый шарф, отворачивает лацкан пиджака. Значок величиной с ноготь большого пальца, в форме правильного треугольника с закругленными углами, покрытый голубой эмалью с серебряным ободком. В середине – выпуклая серебряная буква S. Причем буква необычной формы – одна ломаная линия, на первый взгляд напоминает молнию. А может быть, и в самом деле это не S, а молния?

К сожалению, я еще никогда не видел такого значка, но сразу же понял, что он показал его специально, рассчитывая запугать меня. Понял, но не подал виду.

– Надеюсь, знаете, что это за значок? – Мой собеседник быстро запахнул пальто. – Мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось предвзятое мнение. Муж сестры по-настоящему порядочный человек... И знаете, как бы это лучше сказать, он вовсе не бродяга какой-то. Вы должны именно это как следует уяснить...

– Мне бы как раз и хотелось, чтобы вы, ничего не утаивая, рассказали обо всем, что могло бы помочь розыскам.

– Утаивать? Ну это вы зря. – Снова короткий, скрипучий смешок. – Это уж сестра, наверно, опять все ужасно преувеличила.

– Но ведь если бы это не был запланированный уход из дома, *ему* не удалось бы исчезнуть, не оставив ни малейших следов.

– Может быть, действительно запланированный... – Мужчина резко понизил голос, потупился и, постукивая носком ботинка по крышке: – В этом мы с сестрой несколько расходимся, что ни говорите – женщина. Для нее невыносима мысль, что ее вышвырнули, точно рваную тряпку. Ей хочется видеть совсем другую причину. Женщина. Что-нибудь совершенно необъяснимое, похожее на сказку... но, посудите сами, как можно объяснить необъяснимое?... и вот она обращается к вам, хотя чувства ее я понимаю...

– Бывают случаи потери памяти. Что вы об этом думаете?

Мужчина с безразличным видом еще раз пнул крышку и, точно оценивая машину, стал обходить ее кругом.

– Да... об этом я тоже думал. Даже советовался с врачом. Судя по тому, что сказал врач...

– Может быть, вернемся снова в «Камелию» и выпьем кофе?

– Зачем?

– Как «зачем»? Просто я порядком продрог.

– Ах вот оно что. – И, пробираясь боком в узкую щель между машиной и оградой и медленно подходя ко мне: – Видите ли, я страдаю сильными головокружениями... а у вас что, там еще дела какие-нибудь остались?

– Нет, это был пустой номер.

– Так вот этот врач говорил, – он вытягивает вперед обе руки и делает у самой моей груди движения, будто разминает невидимую глину, – действительно существует два вида потери памяти... один из них – исчезновение из памяти того, что имело место в прошлом, а то, что происходит в настоящем, ну как бы это сказать?..

– Не теряется способность рассуждать...

Может быть, из-за того, что я, слишком внимательно слушая, подался к нему, я вдруг почувствовал сильный запах из его рта и невольно сделал шаг назад, а мой собеседник чуть склонился, заглядывая в машину.

– Да-да... способность рассуждать... ну а еще один вид – нарушение и этой способности рассуждать... в конце концов человек превращается в кретина. Поэтому в первом случае он, как бы став новым человеком, может жить среди незнакомых ему людей. Обычно через два-три месяца память восстанавливается. Проблема возникает в том случае, если человек в результате этой болезни становится полным кретином. Но такие люди сразу же берутся полицией под наблюдение... сверят по картотеке покинувших дом лиц, о которых сделано заявление, и тут же обнаружат, верно? Ну а тот человек и водительские права, и вообще все документы, в отличие от нас, простых смертных, всегда носил с собой...

– Выходит, что вы тоже придерживаетесь версии запланированного исчезновения?

– Трудно сказать. Не ребенок вроде бы – уходить из дому без всякой причины, это, знаете ли...

– Если побег тщательно подготовлен, тогда действительно никаких следов не остается. Но, судя по тому, что мне удалось узнать вчера вечером, есть еще кое-какие неясности... посудите сами, телефонная книжка со специальным устройством для открывания на нужной букве, она у вас, да?

Я надеялся застигнуть его врасплох, но он и бровью не повел.

– А, вот вы о чем. Ну, таких вещей сколько угодно. Дневник, например, визитные карточки, лежавшие в его столе... – С рассеянным видом он смотрит в небо, и тогда вздуваются, зажав кадык, хорошо развитые мускулы, как на шее жареной целиком птицы. – Но, знаете, с тех пор прошло уже больше полугода. И все это время я не сидел сложа руки. Хватается за все без разбора, наверно, потому, что бестолковый, думаете вы, но... я потратил на это много времени и денег... ладно, если понадобится, я вам когда-нибудь все объясню. Но, по совести говоря, я не хочу, чтобы на эти вещи вы попусту тратили время. Просьба моя – это результат серьезного анализа всех моих неудач. Так вот, не могу ли я просить вас снова все взвесить как следует, заново все пересмотреть.

– К чему вы мне это говорите? Одна фотография, один спичечный коробок – это все равно что искать улицу, не имеющую названия.

– Я бы этого не сказал. – Сняв перчатку, он с силой стал тереть глаз, пыль в него, что ли, попала. – Я тоже прекрасно знаю, что ходить в это кафе – пустая трата времени. Но вот что интересно, размышляя о том, что это за кафе, куда вы собирались пойти на разведку, я вдруг подумал: а что, если тот самый спичечный коробок, ради которого вы туда пошли, на самом деле куплен не в этом кафе, а, к примеру, здесь, на стоянке?.. Мне это кажется вполне вероятным. Так вот, человек этот весьма ловкий и искусный, что касается машин, он был первоклассным автомехаником, имел даже диплом... благодаря своей ловкости он раздобыл где-нибудь почти даром старую развалину, привел ее в порядок и ездит на ней, занимаясь ремонтом автомашин – прекрасное занятие. Ну как, разве это не может служить хоть малюсенькой зацепкой? И эту стоянку он сделал, причем совершенно случайно, местом заключения сделок...

– Вот я и хочу, чтобы такие сведения вы мне сообщили. – Я сразу же вспомнил, что на полке рядом с лимонной шторой, среди самых различных книг, большую часть которых составляли специальные, действительно были книги по ремонту автомобилей, а прибавив сюда висевший рядом с Пикассо мотор в разрезе, на котором были красные надписи, должен был признать, что проявил некоторую невнимательность. – Ведь то, что *он* имеет диплом автомеханика, чрезвычайно важная деталь. Расположение родинки, след от операции аппендицита или его отсутствие – приметы бывают не только такие. И поскольку мне своевременно не рассказали всего этого, я оказался в весьма затруднительном положении.

– Вы правы, это никуда не годится. – Он рассмеялся, оттопырив тонкие губы и резко ткнув меня пальцем в бок. – Моя сестрица, наверно, спутала вас, агента, с закуской к пиву, а?

– Ну и каков же результат?

– Ничего не вышло... – Повернувшись в сторону сторожки, мужчина высунул кончик языка с белым налетом и сплюнул. Плевком, описав крутую дугу, упал на крышу соседней машины. – Старик-сторож всего полгода служит здесь, никого другого больше нет. Я пытался поговорить с ним, но он неожиданно оказался крепким орешком, никак не поддается. Своими гноющимися красными глазками он так и шныряет по сторонам. Мол, все в порядке, что вы от меня хотите. А в общем-то, желательно на все это взглянуть по-новому. Ведь тогда может проясниться и то, что раньше и в голову не приходило.

Видимо, направление ветра вдруг переменялось – из переулка вынесся клуб пыли и, увлекаемая за собой песок, завертелся, заплясал между машинами. Откуда-то доносятся звуки музыкальной шкатулки... или нет, эту мелодию издает, скорее всего, подметальная машина... неожиданно мужчина плотнее замотал шарф, лицо его недовольно сморщилось.

– Фу, как противно.

– Пыль?

– Так сплелись вместе эта пыль и музыка – противно. Если вы не возражаете, может быть, действительно пойдем в кафе и немножко посидим?

Раздраженный голос. На этот раз приглашение исходило от него, и я наконец почувствовал, что могу как будто, пусть и не совсем четко, оценить свое положение.

– Из всех его вещей, которые у вас хранятся, мне хотелось бы в первую очередь и как можно быстрее просмотреть дневник.

– Дневник?.. пожалуйста... хотя его трудно назвать дневником... вас он разочарует, если вы думаете, что это дневник, но... – И, делая шаг вперед, точно стараясь возбудить мой интерес: – Я хотел спросить вас о другом... это, правда, касается сестры... как вы думаете, какая она, по-вашему, женщина?.. мне бы хотелось, чтобы вы откровенно высказали свое мнение...

В конце концов я оказался зажатым между машинами, где мог пройти лишь один человек. И если б мне нужно было пройти, мы неизбежно бы столкнулись. Но я не собирался идти, и мой собеседник, сделав еще шаг, застыл в весьма неестественной позе.

– Хочу, чтобы вы обязательно сказали. Отвлекаясь от того, что это ваша работа, просто как мужчина... Хотя я и болтаю о чем ни попало, но встретился сегодня с вами прежде всего потому, что хотел спросить именно об этом.

– А разве встреча не была случайной?

Перед металлической оградой громко проезжает стальной ящик, похожий на броневик без амбразур, из которого раздается приятная мелодия.

– Да, случайной, конечно. – Застывшая улыбка свела лицо. – Действительно, голова у вас работает. Кажется, на вас можно спокойно положиться...

– Когда я смогу получить дневник?

В брошенном на меня взгляде на миг притаилась острая ненависть. Он отступает на шаг и дает мне дорогу. Поняв, что я не собираюсь идти вместе с ним, он, точно покоровившись, понуро опускает плечи, позволяя цели рассеяться и, казалось, теряя ко всему интерес.

– Когда угодно... завтра... ну, до полудня занесу сестре.

Сестра – женщина... это уже не слова – острая игла, вырвавшаяся сквозь щель в той самой лимонной шторе... пронзенный ею, я, как насекомое, оказался приколотым к невидимой стене... клочок бумаги, прикрепленный к краю шторы... что же все-таки происходит?.. я снова забываю лицо женщины... все еще широкие, как стена, хотя он и ссутулился, плечи уходящего мужчины... не хватает только черной дыры в выложенной мозаикой стене...

Тот же день. 11 часов 5 минут. Посещаю торговую фирму «Дайнэн». Мне сообщают, что в то утро он обещал передать документы одному из своих подчиненных. Чтобы еще детальнее выяснить их содержание, попросил разрешения встретиться с ответственным сотрудником, ведающим вопросами развития торговли.

...Действительно, с тех пор и в самом деле прошло уже полгода... пепельница из Кутани в виде хибати², на которой выведена золотом вычурная надпись: «Торговая фирма Дайнэн», видимо, осталась от заказанных для летних подарков в прошлом году. На четырех выступающих углах пепельницы прикреплены за спины так, что они висят в воздухе, ярко раскрашенные фарфоровые кошки, приносящие счастье. Они улыбаются, слегка обнажив зубы. Директор фирмы не иначе как выходец из деревни, где он и сколотил капитал. Предприятие его, похоже, катится как по рельсам, и хотя контора находится на третьем этаже старого безвкусного здания, да к тому же половину этажа занимают мансарды, но в приемной стены обшиты дере-

² *Хибати* – жаровня в японском доме, служащая для подогревания пищи и обогрева комнаты. *Кутани* – район, где производятся фарфоровые изделия.

вянными панелями и стоят стулья, столы и другая мебель на ножках из нержавеющей стали, так что с первого взгляда ясно, как много денег это потребовало. Три стены, исключая ту, где окно, завешаны огромным, начерченным от руки планом, на котором пригороды разделены на три района: север, северо-запад и запад. Закрашенный тремя красками: красной, синей и зеленой, этот сложный план, испещренный переплетающимися линиями, кое-где – неровной сеткой, напоминал предельно выразительный анатомический атлас; план был утыкан кремовыми треугольными флажками на булавках; казалось, что в этом зажатом с двух сторон линией электрички и окружной автострады, возвышающемся на улице, подобно огромному сугробу, здании, на первом этаже которого помещался магазин велосипедов, а на втором – залы для игры в маджан³, где-то четко и решительно пульсирует печень и бьется сердце, всасывая чеки и деньги и выплевывая их... Да, полгода, жаркое лето было еще в самом разгаре... Этот управляющий, бывший *его*, исчезнувшего, непосредственным начальником, оттого ли, что слишком натоплено, покрылся потом, будто его обсыпали слюдой. Поглаживая свою голову с благородными залысинами, он откидывается на спинку стула, обтянутую черной кожей, всем своим видом показывая, что хоть сейчас готов позабавиться. Действительно, может быть, он и правда такой – зная, что против него не будет выдвинуто обвинение, он и не проявляет интереса к превратностям судьбы другого. Ведь нет более естественного доказательства невинности, чем желание наблюдать несчастье другого человека. Я тоже подлаживаюсь под его настроение и бросаю непринужденно... Больше никаких новых сведений нет? Хотя бы каких-то предположений, о которых вдруг вспомнили... Нет-нет, ну что вы, я с вами совершенно откровенен... Он протестующе замахал мясистой рукой... Да, честно говоря, сейчас уже можно сказать. Так вот, сразу же после того, как это случилось, меня тоже охватили сомнения, мрачные предчувствия. Я даже какое-то время был готов к тому, что собака, которую я кормил, укусит меня... Но она вас не укусила... Да-да, на мне не оказалось ни одной отметины от ее зубов... Значит, на самом деле никакого ущерба вам не причинили. Ну а не могло ли так случиться, чтобы вы понесли ущерб?... Видите ли, я бы не сказал, что не могло. Дело в том, что Нэмуру был поручен достаточно обширный рынок. Он был прекрасно осведомлен о состоянии дел, и если бы захотел использовать во зло свое положение... Следовательно, из ваших слов можно заключить, что он уже совершал какие-то поступки, заставлявшие вас испытывать подобные сомнения?... Ничего подобного. Что это, пожар?... Нет, это сирена «скорой помощи»... Так вот, Нэмуру действительно, как бы это лучше выразиться, принадлежал к типу людей, преданных работе, неспособных на ложь. Когда человек с хорошо подвешенным языком занимается торговлей, борясь со своими конкурентами, он, как любой ловкий человек, превращается в пройдоху с черной душой, готового кому угодно глотку перегрызть. Но Нэмуру был не таким. Из-за честности, подчас неумной, или по какой-то другой причине это была редкая натура – его бумажник можно было спокойно использовать вместо сейфа... А по характеру своему он был человеком малодушным?... Малодушным, да нет, я бы, пожалуй, не назвал его малодушным... Ну а если коротко, в двух словах... Если в двух словах, он был скорее твердым, хотя и не принадлежал к тому сорту людей, кто прибегает к эффектным приемам – одним ударом достигает цели, – но зато, как разозленная жаба, будь что будет, он, начиная действовать, становился непреклонным – ни за что, мол, не отступлю... Может быть, каким-то образом он и навлек на себя чью-нибудь ненависть?... Ненависть? Ну, как вы понимаете, когда барсука продаешь за лисицу, нет ничего странного, если тебя и начнут ненавидеть. Но ему и самому такое не нравилось: он считал, что так делать дела не годится... А что, если Нэмуру ухватился вдруг за ниточку какого-то преступления и эти люди?... Вот оно что, значит, есть предположение, что он либо сам исчез, либо его убрали. Да что там говорить, такая уж у вас работа: без стеснения подсматривать за интимной жизнью людей – встречались, наверно, интересные случаи, а?..

³ Маджан (маджонг) – китайская игра в кости.

Самые разные... Это верно, любой человек отправляет нужду... Простите, мне бы хотелось вот еще о чем спросить: Нэмуру-сан никак не выказывал, что он недоволен своей работой?.. Ну что вы, такого и быть не могло. Иначе разве мы перевели бы Нэмуру всего лишь за месяц до исчезновения из заведующих торговой секцией в начальники отдела?.. Да, я об этом уже слышал... Наша фирма, как вы сами сейчас в этом убедились, совершенно не стремится пускать пыль в глаза. Но судить о ней только, так сказать, по внешнему виду несколько затруднительно. По характеру нашей деятельности мы сосредоточиваем свою работу на пригородах. Когда город разрастается, то, естественно, возрастает и продажа пропана, но, как только рост города достигает определенного уровня и туда доводят магистрали городской газовой сети, первый акт заканчивается. Тогда мы обращаем взор на другой перспективный район – звучит труба, зовущая в поход на завоевание нового рынка. Мы носимся по учреждениям и канцеляриям, собираем информацию, обхаживаем мелких торговцев – в общем, на всех фронтах ведем генеральное сражение. И благодаря тому, что город стремительно развивается, бывает, что посеянные семена сразу же дают всходы, но бывает, тут же засыхают. Весь год неустанная война нервов, нам не нужны работники, прохлаждающиеся за письменным столом. Для фирмы лучше, когда в конторе тихо и пусто. Доказательства? Пожалуйста: в деловом мире по результатам деятельности мы занимаем шестое место, пользуемся широким кредитом в банках – короче, фирма вполне благонадежная... Я все прекрасно понял, но мне хотелось бы узнать о тех самых документах... Документах?.. Ну да, о документах, которые Нэмуру-сан в то утро должен был передать на станции S. одному из ваших молодых сотрудников... Уж не Тасиро ли? Должно быть, он. Давайте вызовем его и спросим...

Не успев еще закрыть рот, управляющий вскочил со стула и стал рукой толкать неподдающуюся обитую пластиком дверь; наконец пнул ее ногой и в узкую щель прокричал в мудрено разгороженную пропыленную контору: Тасиро-кун, Тасиро-кун, будь добр, на минутку!.. Он смахнул ладонью выступивший на лице пот, вытер руку о брюки и повернул ко мне открытое, улыбающееся лицо – мол, можете во всем мне доверять... Он как раз здесь. Многообещающий молодой человек, и вы можете обо всем спрашивать у него без стеснения...

Робко появившийся вскоре многообещающий молодой служащий явно проигрывал рядом с управляющим – он оказался тщедушным маленьким человечком с плохим цветом лица, с непроницаемыми глазами, спрятанными за толстыми стеклами очков, в чересчур широких брюках и в ботинках на резине. И то, что он не выказал никакого смущения, когда управляющий представил меня, объяснялось, видимо, не его спокойствием, а скорее непроницаемым выражением лица, которое сразу же озадачило меня. Он сел на тот же диван, на котором сидел я, на самый краешек, рядом с дверью, и, беспрерывно поправляя сползавшие вниз очки, отвечал громко, чуть в нос, но, как ни странно, без запинки.

...Нет, не знаю. Думаю, что он назначил встречу на станции S., чтобы не заходить в контору и не терять напрасно времени, поскольку ему нужно было попасть еще в одно место. Вот и все. А документы были очень срочные... И каково их содержание, вы не представляете?.. Не имею ни малейшего представления... Но кому они были адресованы, вы, наверно, знали?.. Нет, было решено, что, когда я буду получать документы, сведения об адресате мне передадут вместе с планом... Никаких предположений не возникало у вас, хотя бы самых общих? Исходя из характера работы в то время, положения дел... Конечно, в те дни все об этом только и говорили, и мне в голову приходили самые разные мысли, но...

...Может быть, вы, господин управляющий? – быстро переменял я направление. Занимаемое вами положение позволяет делать общие выводы. Возможно, у вас есть какие-либо предположения, иные, чем у Тасиро-куна?.. Нет-нет, – он закуривает сигарету и, не меняя позы, отмахивает лезущий в глаза дым, – видите ли, я твердо убежден, что главное в обращении с подчиненными – не вмешиваться по пустякам в их дела. Доклад должен быть лишь в

виде выводов. И если выводы дельные – прекрасно. Я всегда на этом настаиваю. Не правда ли, Тасиро-кун?

...И все же – я задерживаю взгляд на кошках, приделанных к пепельнице, – нельзя, видимо, не признать, что эти документы носили, по всей вероятности, конфиденциальный характер – почему не играет роли... Почему? – первым реагировал управляющий... Видите ли, если б это были ничего не значащие документы, их можно было бы послать по почте... Но разве я вам не говорил – просто чтобы помочь Нэмуру, в деревню сразу же отправился молодой сотрудник – вопрос времени. Туда же срочное письмо приходит лишь на следующий день... Да, но по телефону связаться еще быстрее. Так что, я думаю, здесь, видимо, не только вопрос времени... Это верно, тем не менее по телефону можно лишь обменяться словами, а в данном случае нужно было передать что-то, скрепленное печатью, получить обратно что-то, скрепленное печатью...

До чего же ловок, пройдоха. Повернувшись на девяносто градусов, открыто смотрит прямо в глаза собеседнику. И лишь стул слегка поскрипывает под ним, но взгляд злой, и сидит он выпрямившись, напряженно.

...Ах вот в чем дело. Видимо, все было действительно так, как вы говорите. В таком случае подробности меня не интересуют, нельзя ли указать на плане место, где была намечена в то утро встреча? Молодой служащий слегка кивнул, молча поклонился одному лишь управляющему и, стараясь ступать как можно тише даже в своих бесшумных ботинках, выскользнул из комнаты. Оставшаяся от него на диване вмятина медленно исчезает. Ужасно грязное окно, отделяющее кабинет от необычайно грязного неба. Красноватый свет, не дающий никакой тени. Неожиданно управляющий нацеливается сигаретой на одну из кошек и, гася ее о мордочку, хихикает... Очень жаль, а я так надеялся, что профессиональный детектив что-нибудь из него вытянет. Умный вроде парень, хотя по виду и не скажешь... А почему вы, господин управляющий, принимаете это так близко к сердцу? – спрашиваю я... Ничего подобного. Просто вы позволили нашему служащему невесть что возомнить о себе. Но в общем все хорошо, благодаря вам у меня наконец камень свалился с сердца. Теперь вот о чем. Жена Нэмура в конце концов наняла вас. И это вы воспринимаете как доказательство, что она сама абсолютно не знает, куда исчез муж. Хорошо, хорошо. И все же те, кто в курсе дела, никак не могут с этим согласиться. Это было бы весьма печально, но представьте себе – вдруг Нэмура сговорился с женой и только от меня скрывает, куда он исчез, – где-то у меня гнездится такое подозрение... У вас есть на это и конкретные основания?.. Не подгоняйте, это сбивает меня с мысли. Так вот, не будет ничего удивительного, если все неожиданно окажется простым недоразумением. При этом, должен сказать, он по своему характеру работяга, хотя внешне и не выглядит таким. Потом вот еще что. – Управляющий глубоко вздыхает и сплетает на животе пальцы, кисти у него совершенно одинаковые в длину и в ширину. – Неужели же он действительно сбежал, бросив все, даже семью? Этот Нэмура – странный тип, никогда он не казался таким уж храбрецом... Храбрецом?.. Ну да. Хотя я и знаю, что очиститься от скверны, как это сделал он, я бы не смог. Ни за что не смог бы сделать такое. И если меня насильно не сгонят с этого места, я буду цепляться за него до самой смерти. Человек ест, справляет нужду, и ему плохо, когда его сдвигают с места, которое его кормит. Да и справлять нужду лучше всего на одном и том же месте – тогда желудок лучше работает...

...Кто-то следует за мной. Я продолжаю идти как ни в чем не бывало.

Выйдя из фирмы «Дайнэн», я прошел квартала два к югу, вниз по улице, по которой ходят автобусы, повернул направо, на улицу, круто поднимающуюся вверх, и очутился у не огражденного шлагбаумом переезда через линию железной дороги. Улица, идущая вдоль железной дороги, – единственное место, где разрешалась стоянка. От переезда и до угла следующей большой улицы почти вплотную в ряд стоят автомашины. Может быть, потому, что весь этот район

набит мелкими заводами, почти все машины – небольшие грузовички. Каждый раз, когда проносится электричка, в воздух, видимо, поднимается металлическая пыль с рельсов – вся улица кажется покрытой слоем ржавчины.

Моя машина стоит в конце улицы. обернулся – следовавший за мной человек исчез. Но беспокоиться нечего – он обязательно появится снова. Сев в машину, поудобнее устраиваюсь на сиденье, на папку, лежащую на коленях, кладу два бланка для донесений, проложенные копиркой, и закуриваю. Приводить в порядок записи в таком месте стало привычкой. С этим нужно освоиться, так же как с искусством сбора сведений или слежки. Но, кроме нескольких установленных правилами строк, не удастся записать ни одной фразы, за исключением жалких слов «безрезультатно», доказывающих мое алиби... к счастью, у меня в кармане листок бумаги с планом, напоминающим схему водопроводных магистралей, где отмечено место встречи у станции S., который по моей просьбе начертил молодой служащий Тасиро, и поэтому у меня есть чем заполнить донесение... никогда не ощущаешь свою бездарность острее, чем в такие минуты. Нет, я, наверное, действительно бездарен. Доказал ли я хоть однажды, что не бездарен? Со временем, когда набьешь руку и уже можешь хоть на тридцать строк развести свое «безрезультатно» – или просто в какое-то мгновение поддаешься такой иллюзии, – становишься в вызывающую позу: особая одаренность, в общем-то, и ни к чему, о ней можно просто забыть.

Отрываю клейкую ленту и приклеиваю листок с планом к левому углу бланка для донесений.

Показался и долго грохотал на стыках, прогибая рельсы, переваливший, видимо, через горы и весь засыпанный снегом бесконечный товарный состав. В углу автомобильного зеркала снова появилась фигура моего преследователя, как я и ожидал – тот самый молодой человек, Тасиро. Неожиданно он пропадает из поля зрения, но тут же собственной персоной оказывается у окна. Сделав пальцем знак, что перейдет сейчас на другую сторону, он обходит машину, открывает переднюю дверцу, и ворвавшийся упругий поток воздуха, уплотненный поездом, издает звук, точно разбилось стекло, и беспорядочно разбрасывает покоившиеся на моих коленях бланки для донесений. От пальто молодого человека, севшего в машину, в нос ударяет запах нафталина. И те несколько минут, а может быть, несколько десятков секунд, пока шел поезд, зрачки этого человека за стеклами очков все уменьшались, голова его все глубже втягивалась в воротник пальто и вся его жалкая фигурка, будто тонкая металлическая пластинка, начала резонировать в такт грохоту поезда. О чем хочет насплетничать этот человек? Еще хорошо, если насплетничать, а вдруг он пришел, чтобы своими рассказами заморочить мне голову? Многообещающий молодой сотрудник... правда, если послушать управляющего, он, исчезнувший, был действительно человеком, какого встретишь не часто.

Наконец поезд прошел. Оставив шум, словно в ухо залетела мошка.

– Какая противная погода.

И точно эти слова привели в движение киноленту, он ослабил напряжение, сковывавшее его колени, и слегка повернулся ко мне. Когда я щелчком выбросил свою сигарету в приоткрытое окно, он, точно сменив меня, зажал в зубах сигарету и закурил, непрерывно поправляя сползавшие вниз очки.

– Простите... Видите ли, я вам раньше сказал неправду... простите... и необходимости в этом, в общем-то, не было...

– Наверно, чтобы не рассердить управляющего?

– Возможно... хотя нет, думаю, что по другой причине. Управляющему ведь об этом должно быть точно известно... и все-таки даже управляющий почему-то не говорит правду и делает вид, что ничего не знает... а у меня в душе остался неприятный осадок, укор совести, что ли... будто я в сговоре с ним и предал начальника отдела Нэмуру...

– Не принимайте близко к сердцу. Если то, что вы хотите сообщить, принесет пользу Нэмуру, – прекрасно.

– Нет, никакой пользы не принесет. Я с самого начала знал, что мое сообщение окажется бесполезным. Иначе я бы ни за что не решился сказать неправду. Что бы я ни сообщил вам, все равно это окажется напрасным.

– Напрасным или нет – это уж разрешите мне судить.

– Речь идет об адресате, которому нужно было доставить те самые документы...

– Вы знали?

– Начальник отдела... – Он извлек из внутреннего кармана визитную карточку и театральным жестом помахал ею. – Я услышал и записал для памяти – он звонил по телефону, что доставит какие-то документы. Дня за два до того, как это случилось...

– Вот оно что, член муниципалитета... но что-то я об этом городке почти ничего не слышал.

– Он образован совсем недавно путем слияния нескольких деревень. Я ездил туда, но напрасно... как видите, и мы не сидели сложа руки...

Фраза, которую я уже слышал. Да это фраза брата, сказанная им на автомобильной стоянке... внезапно меня охватило невыносимое раздражение.

– Послушайте, ну а почему на этот раз вы наконец решились чистосердечно обо всем рассказать?

– В каком смысле?

Если бы я знал, в каком смысле, то стал бы я его здесь расспрашивать! Презрительно глядя на скованную, будто накрахмаленную фигуру своего собеседника, включая радио. Капризный, полудетский голос под аккомпанемент гитары поет:

Больше ничего,
Больше ничего,
Только тебя я вижу во сне,
Больше ничего.

Тасиро, этот молодой человек, глубоко вздохнул, расправив плечи, вытер ладонью запотевшее стекло машины и действительно приготовился что-то сказать. Прямо впереди на дороге стеной вставало пропитанное водой, готовое разразиться дождем небо. Тесная машина, в которой невозможно отгородиться от сидящего рядом, сколько ни отодвигайся... кажется, что стук сердца собеседника слышится из твоей собственной груди... я тоже молча, зло продолжаю ждать...

– Ладно, скажу. – Он поднимает палец в воздух, выпрямляется, будто для того, чтобы посмотреть вдаль. – Выключите, пожалуйста, радио.

– Верно, лучше сказать. Такая уж у меня профессия – человеку, который сообщает мне те или иные сведения, абсолютно никакие неприятности не грозят...

Пронесются встречные электрички, точно стальными хлыстами полосую мою машину. Испуганно взвизгнув, замолкает выключенное радио, вызывая в памяти бормашину. Примерно полмесяца назад у меня вырвали коренной зуб. Еще и сейчас, если я с силой втягиваю воздух, во рту ощущается вкус крови.

– Да, скажу. Действительно, нельзя утверждать, что я был до конца чистосердечен... и не потому, что не хотел помочь вам. Нет, не потому... видите ли, в результате исчезновения моего начальника отдела я тоже оказался одним из пострадавших... и ужас-то какой. Ночью, один, представишь себе все, что случилось, – оторопь берет. Исчез, как дуновение ветра... и мне было трудно говорить об этом... просто было неприятно запятнать репутацию этого человека...

– Сохранение тайны – мой профессиональный долг.
– По правде говоря, человек этот... был с двойным дном... он имел странное пристрастие... очень увлекался фотографией... не просто фотографией, а ню...
– Собирали их?
– Нет, фотографировал. Часто ходил и в студии. Но знал об этом, пожалуй, только я. Потому что случайно познакомил его со своим товарищем, который держал фотолабораторию.
– Не было похоже, что у него есть какая-то определенная натурщица?
– Ну... не знаю, можно ли сказать «определенная»?.. – Наконец язык у него развязался, и весь он, вплоть до выражения его лица, стал липким, как внутренность сопревших резиновых тапочек. – Вроде была одна девушка, которая ему особенно нравилась...
– Имя или еще что-нибудь о ней вы знаете?
– Где находится студия – знаю. Поскольку я имел к этому отношение, могу, если хотите, показать и фотографии. Правда, фотографии любительские, но именно потому, что любительские, они как раз и производят потрясающее впечатление. Постоянные заказчики очень радуются, получая именно такие снимки.

– Так мы можем в эту студию прямо сейчас заехать.
– К сожалению, это невозможно. Я еле с работы удрал, отговорившись, что иду обедать... но только вы не подумайте, что мой начальник сбежал с этой девицей... он просто не мог бы совершить такой поступок... да и вообще он никого не любил, замкнутый был – к примеру, пригласит в бар и сидит молчит минут десять, а то и двадцать – трудно бывало с ним...

Неожиданно раздался звук, будто в дверь ударили мокрой губкой. Я вытер стекло – на меня исподлобья смотрел готовый расплакаться мальчишка лет десяти в коротеньком пальто с огромной заплатой на левой доле. Я наполовину опустил стекло – чего тебе, мальчик? – и он, уже совсем собравшись в панике убежать, показал пальцем под машину – туда, мол, закатился мячик. Ничего не поделаешь, нужно отъехать, верно? Если ты не против залезть под машину, то можно и не отъезжать. Ну давай, лезь... изморозь, какой давно уже не было, придавала покрытой ржавчиной улице оттенок, будто ее полили нефтью. Наверно, и локти, и колени мальчика тоже намокнут и станут коричневыми. Выползший наконец из-под машины мальчишка, с мячом в руке, спрашивает: А сколько она дает километров в час?.. сто... ха, – дурашливо хмыкает он, перебегает через дорогу и идет вниз по улице. Я невольно рассмеялся. Не удержался от смеха и молодой человек. Мне почему-то сразу стало легче. С этим Тасиро хорошо бы со временем подружиться.

Поднял стекло, завел машину, включил отопление. Остывший мотор начал работать, тархтя, как плохой ударный инструмент.

– Вы пьете?
– Пару стаканчиков виски с содовой, охотно...
– Ладно, тогда завтра вечером в студии, где снимал ню Нэмура, я угощаю, идет? Так где мы встретимся и в котором часу?.. а что, если... нет, давайте завтра же и уточним по телефону...

Неряшливо одетый, круглый, точно шар, накачанный водой, шеф, за спиной которого висит огромная схема с фамилиями агентов – по вертикали, числами и днями недели – по горизонтали, сидит, развалившись, занимая собой все кресло. Если бы пальцы сложенных на животе рук беспрерывно не двигались, можно было бы подумать, что он безмятежно спит. Лоб прорежут глубокие морщины, он весь в прыщах, похожих на пупырышки огурца.

Оставаясь в прежнем полусонном состоянии, шеф чуть приоткрыл глаза, ехидно хмыкнул и хрипло пролаял, точь-в-точь как простуженная собака:

– Ты слишком серьезно к этому относишься.
– Разве я похож на человека, слишком серьезно относящегося к тому, что он делает?

- Хотя маленькая-то надежда есть?
- Нет.
- Я так и думал. Потому-то и не стоит слишком глубоко влезать в это дело.
- Да я просто злюсь.
- Будешь злиться, провалишь все дело.
- Во всяком случае, речь идет о единственной неделе. Не будут же они до бесконечности оплачивать расходы – как-никак тридцать тысяч иен в неделю. Миллионеры они, что ли?
- А она, кажется, неглупа и красавица, эта твоя заявительница?..
- К сожалению, под ногами все время путается один противный тип, вроде бы ее братец.
- Да, кстати, какие-то сведения есть в справочном отделе.
- Видел. Очень уж этот братец мне не по душе, и поэтому я просил проверить в домовый книге.
- Ну и как?
- Как будто брат с таким именем у нее числится, это действительно подтверждается... но фотокарточки не оказалось, и поэтому у меня еще нет полной уверенности, что это не подставное лицо...

Раскаиваюсь, что вдруг ни с того ни с сего разоткровенничался. Но теперь уж ничего не поделаешь. И тогда шарообразный шеф резко подался вперед, так что кресло жалобно заскрипело, и беззастенчиво уставился на меня взглядом, жестким, как наждачная бумага:

- Подставное лицо... значит, она назвала своим братом подставное лицо – здорово... выходит, заявительница – продувная бестия.
- Да здесь можно предполагать что угодно...
- А что дало повод к подобным подозрениям?
- Правильнее было бы назвать это не поводом, а скорее незначительностью, неясностью повода...
- Повод более чем ясен, – неожиданно резко перебивает он, – исчезновение мужа заявительницы, разве нет?
- Это-то, конечно, правильно.
- Ты, наверно, знаешь – в нашей работе, когда речь идет о личных делах заявителя, лезть в них строжайше запрещено. Нечего совать нос в то, что не может быть записано в донесении. Кто не соблюдает этого условия, тому ничего не остается, как уйти и поменять профессию, хочешь – на монаха, хочешь – на шантажиста.

Я чуть было не проговорился о спичечном коробке. Единственном вещественном доказательстве, которое можно потрогать рукой, увидеть глазами. Единственная линза, позволяющая сконцентрировать в одной точке бесчисленные гипотезы и придать им реальные очертания. Среди несчетного числа планиметрических карт, имитирующих нечто сходное с действительностью, только то, что проецировалось на спичечном коробке, представляло собой объемную цветную фотографию. Если бы только удалось вырвать у этой женщины всего каких-то два, ну три слова... если бы только удалось... ну и что бы тогда?.. я бы вволю посмеялся над собой, сам бы у себя выбил почву из-под ног. Мнение шефа я знал еще до того, как услышал его. Его подтвердила и проверка по домовый книге личности брата. А может быть, и в самом деле шеф прав?

Сегодня утром на стоянке автомашин около кафе «Камелия» он – брат заявительницы – с поразительной предусмотрительностью помог мне избежать неприятностей. Он очень искусно обратил мое внимание на объявление, запрещающее въезд, которое я сам не заметил.

В самом деле, наш район охоты строго определен границами, указанными и санкционированными заявителем. Мотив, заставивший заявительницу решиться на расследование, как об этом ясно указано в заявлении, – *его* исчезновение, и поэтому, независимо от того, добьюсь

я успеха или потерплю неудачу, я буду *его* искать и мне незачем спрашивать, почему я обязан искать. Пусть заявительница неохотно дает показания, пусть они будут противоречивыми – я не имею права отступить.

Это я прекрасно понимал. И шефу нечего было снова поучать меня. Даже в том случае, если заявитель использует нас, чтобы скрыть свое преступление, наша обязанность – быть ассенизаторами, и я не вправе отказываться от такой работы.

Например, достаточно ловкое объяснение случайной якобы встречи на стоянке автомашин, данное братом, позволило мне не потерять лицо, но в то же время в определенном смысле еще более усилило подозрения. Если *он* так хорошо разбирался в обслуживании и ремонте автомобилей, то не исключена возможность *его* связи с воровским синдикатом, специализирующимся на угоне автомашин (может быть, на эту мысль меня навела статья, которую я недавно прочел в газете, об аресте крупной воровской шайки).

Нет, должно быть, все гораздо проще. Хотя бы такой пример. Вполне возможно, что он выправлял вмятины и менял номерной знак на машине преступника, который сбил человека и скрылся, или кто-нибудь заставил его это сделать, а может быть, он сам этот преступник, сбивший человека и скрывшийся...

Благодаря *его* блестящему мастерству следы удалось запутать, но результат оказывается обратным, *он* приперт к стене... в конце концов положение *его* становится невыносимым, и *он* прячется... к тому же жена, заявительница, прекрасно понимая это, старается прикрыть побег, и, значит... значит, мне нечего лезть в это дело.

Лишь одно предчувствие не дает покоя... робкая надежда, которая ни за что не хочет покинуть меня... тот нежный лимонный свет в окне, когда я стоял на пронизывающем ветру, обратившись в мороженую рыбу, приковал меня и не отпускал. Я не мог отделаться от ощущения, что меня поманили и я вошел, игнорируя преграды... никаких оснований для такого ощущения не может, конечно, быть... но это беспокойство... проклятое подозрение: не совпадает ли преграда, воздвигнутая заявительницей, с той, что воздвигнута ее самозванным братом... фу, как противно... не могу заставить себя отделаться от мысли, что брат не тот человек, за кого себя выдает... потому-то я и хочу притаиться у щели в преграде, приняв стойку охотничьей собаки, чтобы иметь возможность выскочить в любую минуту.

Щель в преграде... спичечный коробок...

О кафе «Камелия» в моем донесении нет неправды. Нет неправды, и все логично. Не удалось найти ничего, что связывало бы «Камелию» с *ним*. Хотя это можно утверждать лишь в том случае, когда речь идет о внешнем виде коробка. А вот если заглянуть внутрь... головки разных цветов... двадцать шесть спичек с черной головкой и девять с белой... сколько ни успокаивай себя, сколько ни уговаривай – тревожный факт, не укладывающийся в созданную мной схему... разве нет? Ведь спички, которые мне дали сегодня утром в «Камелии», оказались с белыми головками, и, значит, те двадцать шесть с черными головками были вложены позже. Ну кто станет сейчас класть спички в рекламный спичечный коробок из кафе? Как цены ни поднимаются – спички и вода в любом кафе бесплатные.

Однако в моем донесении я прошел мимо этого факта. Потому что, поступи я иначе, мне бы пришлось перешагнуть запретную преграду, растоптать ее. Мне так хотелось сделать это, но я еще не мог решиться...

На то, что спички разноцветные, я обратил внимание в прошлый вечер. Когда наконец я оторвался от лимонного окна и влез в машину, отопление лишь загнало внутрь окаменелость, и меня колотила безудержная дрожь – я стал даже опасаться, смогу ли нормально вести машину. Постепенно кишачая людьми улица стала меня раздражать, и я решил оставить машину на стоянке у станции S.

Сворачиваю за угол по дорожке, идущей вдоль кинотеатра, – облупленные стены, выщербленный асфальт, темные укромные уголки – они точно ждут кого-то. Сюда доносится

шум оживленной улицы, но тем не менее я замечаю мужчину, пристроившегося у столба, заклеенного объявлениями. Толкаю левую половинку большой двустворчатой двери, ничем не примечательной, ярко освещенной распивочной-автомата на следующем углу и захожу внутрь. Может быть, такое время, но посетителей вдвое меньше, чем обычно, и поэтому кажется необычно тихо. У входа в одной из разменных касс меняю четыре стоиеновые монеты на десятиеновые. У противоположной стены выстроились в ряд восемь белых с красной каймой прямоугольных металлических ящиков, и, если бы не надписи, их легко можно было бы принять за бензиновые колонки. Пробравшись между маленькими столиками, расставленными параллельно в пять рядов, не теряя времени, останавливаюсь у свободного автомата, крайнего справа. Специфический возбуждающий запах... городская вонь, которая окутывает город, когда после десяти часов вечера пользование канализацией резко сокращается... в обрамленную латунью щель под красной стрелкой в правом верхнем углу автомата опускаю несколько десятиеновых монет... каждый раз раздается мелодичный звук, а после того, как опущена восьмая, зажигается красная лампочка... подставив под кран бумажный стаканчик, я поворачиваю вправо ручку из нержавеющей стали – выливается сто восемьдесят граммов желтоватой жидкости – подогретого дешевого сакэ. Чтобы не дать уйти теплу, обхватываю стакан обеими руками и сразу же залпом отпиваю треть. По пути к облюбованному столику в несколько глотков допиваю остальное.

У моего излюбленного столика уже стоял человек. Под застиранной темно-синей спецовкой яркий узорчатый шарф. Без пальто. Коренастый, плотный, под ногтями на руке, ухватившей стакан, черный мазут – наверно, истопник из соседнего многоэтажного дома. Восьмичасовые посетители – почти все служащие, и мне смешаться с ними очень легко, а позже посетители уже совсем другие. Освобождая место, мой предшественник обернулся. В дырке от выпавшего зуба торчал кончик языка. Вроде бы уже здорово выпил. Центр тяжести у него все время перемещается – от пяток к носкам. Жаль, что в этом заведении нет стульев. Громко потягивая сакэ из бумажного стакана, внимательно следит, сколько у меня денег... Ха, вам тоже нравится это сакэ, удивительно. Потом, понизив голос: дайте в долг десятиеновую монетку. Я здесь частый гость, так что верну, не обману. Если не верите, могу и расписку написать. Одну монетку в десять иен – отдам обязательно...

В этом заведении, правда, не принято было обращаться к соседу. Да и все мое нутро было напряжено в каком-то ожидании. Но я, не возражая, быстро достал десятиеновую монету, и он тут же выхватил ее, даже не поблагодарив, и пошел на этот раз не к автомату, а к окошечку, где чем-то торговали.

На столиках в ряд стоят маленькие автоматы. Там можно купить что душа пожелает, начиная от арахиса, соленых бобов – без них не обойдешься, – кедровых орешков и сушеных мидий и кончая предсказаниями судьбы. Там же был автомат, продающий горячий тофу – соевый творог. Автомат этот, рекламировавшийся как единственный во всей стране и установленный только в этом заведении, был похож на игрушечного робота с оторванными руками и ногами. Обычно, гудя как пылесос, он собирал возле себя целую очередь, но в этот вечер, может быть, потому, что товар кончился, он стоял тихо, беззвучно. Сначала я купил десятиеновую порцию кедровых орешков. Они ссыпались мне в ладонь, и я разом отправил их в рот... да там всего-то было зерен двадцать. Когда я отпил до половины второй стакан, у меня неожиданно потекло из носа. Потом купил порцию китового мяса с соевым соусом в треугольном пакете. В тот вечер опьянение началось где-то у лба и постепенно спускалось вниз, при этом внутри у меня возникали какие-то звуки, будто кошка ступает по оцинкованной крыше. Когда я, наполнив третий стакан, вернулся на свое место, то почувствовал себя легко и свободно, точно тело мое стало невесомым.

Рядом с моим стаканом находился автомат, предсказывающий судьбу. Может быть, оттого, что напряжение упало слишком резко, и оттого, что не нужно было, расставив локти,

оберегать свой стакан, как это всегда бывает в часы пик, я отдался водовороту опьянения, крутящемуся все быстрее и быстрее. Я неожиданно заметил, что поверхность стола покрыта имитирующим дерево пластиком, увидел, что оспины, покрывающие весь стол, – следы от сигарет, и даже обнаружил, что какая-то часть оспин движется – это тараканы... и поскольку теперь мне все безразлично, я поддался побуждению, не двигаясь с места, заставить время остановиться, ограничив для себя вселенную лишь тем, что находится сейчас в поле моего зрения.

На столе перед каждым посетителем – алюминиевая пепельница, такая большая, что даже мешает. Между столиками расставлены бесформенные оцинкованные урны. Но все равно сигареты гасят о стол, а бумажные стаканы и тарелки, сломанные палочки для еды будто нарочно бросают мимо урн, и ими усыпан весь пол. Бывая здесь в часы, когда полно народу, я совсем не обращал на это внимания, но, может быть, покой, умиротворенность, которые чувствуешь, приходя сюда, берут свое начало в специфическом ощущении, которое передается через подошву ботинка, спокойно топчущего эти горы мусора. Преданность и повинование – прекрасная сторона обслуживания с помощью автоматов. Посетитель, оставаясь в одиночестве, может спокойно тешить свою королевскую гордость. Вот потому-то он и изливает переполняющее его негодование не в пепельницу, а на значительно большую площадь – на весь стол, не в урну, а на значительно большую площадь – на весь кафельный пол. Мне захотелось завести разговор о чем угодно, пусть хоть о летающих тарелках, с каким-нибудь совершенно незнакомым человеком. Но неписанный закон этого заведения – не обращаться к незнакомым. Мне тоже нравилось такое неписаное правило, и поэтому не оставалось ничего другого, как прибегнуть к услугам самого близкого ко мне автомата, предсказывающего судьбу. Опускаю десятииеновую монету.

«Удача – на юге всплывает счастливое облако. Ты медленно идешь к цели, и врата счастья открыты перед тобой. Рассчитывай только на собственные силы. Будь осторожен в любви. Следи за тем, чтобы не потерять деньги и не попасть под дождь. То, что ищешь, лежит под ногами. Весенние дожди несут радиоактивные осадки – пользуйся зонтом».

Недостаток бумажных стаканов – как ни старайся, все равно намочишь руку. Может быть, поэтому, когда я попытался закурить, спички не хотели зажигаться, я даже разозлился. Я сложил две спички вместе... и вдруг обратил внимание, что головки у них разного цвета. И хотя опьянение все еще шло по спирали, некоторые протрезвевшие участки мозга уже начали соединять отдельные звенья в единую цепь. Я вспомнил, что этот спичечный коробок, который я безотчетно держал в руке, – важнейшее вещественное доказательство, только что полученное от заявительницы, завернул его в платок и спрятал поглубже во внутренний карман.

Но еще раньше, точно высветившись вспышкой магии, эти две спички четко отпечатались в моем сознании.

Белая головка
и
Черная головка

Моя мысль, точно рентгеновские лучи, проникнув сквозь все обстоятельства и события, стремительно двинулась прямо к выводам. О том, что *он* не был завсегдатаем, часто посещавшим кафе «Камелия», можно было легко догадаться по спичечному коробку и тому, как была истерта этикетка. Будь *он* завсегдатаем – в любое время мог бы взять новый. Но поскольку головки спичек были двух цветов, трудно утверждать и то, что *он* был случайным посетителем. Разве тот факт, что *он* запросто заходил в кафе лишь для того, чтобы наполнить опустевший коробок, не доказывает, что если *он* и не был завсегдатаем, то мало чем отличался от завсегдатая. Может быть, *он* имел с этим заведением еще более тесные связи, чем обычный постоянный посетитель. Я отпил уже половину третьего стакана, поднес к предсказанию судьбы горящую спичку (конечно, уже другую), а моя мысль, преследуя разбегающихся тараканов, устремилась

прямым курсом дальше. Спичечный коробок из кафе, куда *он* редко заходил... что же заинтересовало *его* в этом коробке?... рисунок на этикетке?... глупость... может быть, номер телефона?... если так, то можно предположить... в кафе «Камелия» у телефона сидит одна из тех молоденьких девиц, о которых мечтают мужчины средних лет, и на груди только что не висит табличка: «Ищу избавителя и заступника», и *он*, время от времени демонстрируя свою приветливость, на крючок номера телефона подцепил ее заинтересованность...

И почти в тот же миг мои рассуждения делают такой резкий поворот, что колеса машины заносит в воздух. Смех! Если бы девица существовала на самом деле, это бы не ускользнуло от брата, всюду сующего свой нос. Он бы давным-давно все разнюхал и в заявлении с самого начала указал бы, что нужно разыскивать эту девицу. Видимо, ее не существовало (ее и действительно не существовало). Ну а если поверить словам женщины, что спичечный коробок был вынут из кармана *его* плаща... нет, это слишком банальная гипотеза – не нужна она мне... вместе со спичечным коробком, как она мне сказала, была еще и старая газета. Нужно, сверяясь по двум-трем последним сведениям и объяснениям, которые дает женщина, срезать мешающие мне ветви и снова как следует все рассмотреть.

Над моим ухом раздается голос... Вы что, этим закусываете? Мужчина, выманивший у меня десятииеновую монету. – Нет, это, конечно, не отравка. Смотрите, какие они жирные – вполне съедобны. Очнувшись, я увидел, что, наломав спичек десять, раздавив не меньше двадцати тараканов, я сгреб все это в кучку. – Видно, такая еда прибавляет силенок – тараканы ведь пролитое сакэ пьют... Закуска отличная, не хотите попробовать? Я, конечно, пошутил, но после моих слов мужчина вдруг протянул руку, взял щепотку месива и, не успев я оглянуться, отправил в рот. Я попытался остановить его, но меня опередил молодой человек, по виду продавец, который протиснулся между нами, смахнул на пол оставшихся тараканов и прошел мимо, зло взглянув исподлобья и бросив: «Хватит издеваться». А проглотивший тараканов безостановочно рыскал глазами в поисках чего-нибудь еще и, просовывая в дырку от выпавшего зуба кончик языка, приговаривал: Солоновато... и шуршат, как бумага... считай, что это поджаренные дешевые водоросли, – не ошибешься...

Ну что ж, нужно сказать прямо. Если в спичечном коробке и было что-то, заслуживающее внимания, – это, конечно, номер телефона на этикетке. Но номер этот действительно был нужен, как ни странно, не *ему*, а женщине или, может быть, ее брату. Пожалуй, правильнее говорить не в прошедшем времени «был нужен», а в настоящем – «нужен». То, что они делали, можно назвать отвлекающим маневром. Боясь, что я догадаюсь, с какой целью использовался номер телефона, они хотели любым способом показать, что этот номер имеет отношение к *нему*, сбивая меня с верного пути, убедить меня в своей непричастности и отвлечь мое внимание от того, что делается в «Камелии». Разве не такой была их цель?

Может быть, потому, что приближалось время закрытия, из-за перегородки медленно вышла коротко остриженная женщина и стала подметать пол. Да и посетителей оставалось человек пятнадцать – с первого взгляда ясно, что они устали и идти им некуда. Ладно, скажу еще определеннее. Ничего сверхъестественного, выходящего за рамки здравого смысла. На первый взгляд могло показаться, что женщина – несчастная жертва, покинутая мужем... а что, если на самом-то деле все наоборот, и женщина, а может быть, и ее брат – убийцы, то есть самые страшные преступники... выводы можно не делать... представим себе, что какие-то обстоятельства заставят меня бросить работу в агентстве... у женщины и ее брата, как я и предполагаю, разные мотивы, заставившие их сделать заявление, и то, что нанесет ущерб брату, совсем не обязательно повредит женщине, тогда кто-то из них – нужная мне добыча, которая, естественно, не должна избежать преследования. Напрасно меня недооценивают. Правда, если один из них и будет привлечен к суду, на этом ничего не заработаешь, а вот шантажировать – нет лучшего способа для выманивания денег, чем обвинение в убийстве. Так что убедительно прошу – не раздражайте меня своими необдуманными поступками...

Шеф опять становился похожим на накачанный водой шар. И хрипит он, как накачанный водой шар:

– Да, это интересно. Тип-то опять вроде угодил в больницу...

Для нас обоих дополнительные пояснения не нужны. Тип – это тип. Ничтожнейший из самых заурядных агентов. И потому, захваченный дикой фантазией сделать что-нибудь такое, чтобы преодолеть свое ничтожество, он спрыгнул с зонтиком с крыши многоэтажного дома и здорово разбился. Так для нас он стал типом, ничтожнейшим из ничтожнейших.

Однажды тип попал в историю – довел заявителя до самоубийства. Он отличался такой поразительной беспринципностью, что фактически предавал заявителя. Нахальство его доходило до того, что он подбивал писать тайные доносы даже тех, против кого велось расследование, а потом утверждал, что виноваты обе стороны. Но тем не менее он строго следовал букве закона, и поэтому ни разу его предательство не удавалось разоблачить, не было случая, чтобы он навлек на себя гнев заявителя. Тип мог позволять себе подобные трюки только потому, что заявитель обычно не является жертвой в чистом виде. Заявитель, естественно, тоже превращается в объект расследования, поскольку он и сам нанес другому тот или иной ущерб, и, если внимательно к нему присмотреться, окажется, что и он обладает достаточно явными чертами преступника. Бывают даже такие крайние случаи, когда заявитель – стопроцентный преступник. Например, случай, когда донесения о результатах расследования использовались на самом деле в целях мошенничества.

Однако тот заявитель, которого тип довел до самоубийства, как ни странно, оказался стопроцентной жертвой. Заявителем была энергичная незамужняя молодая женщина, воспитывавшаяся без отца, одной матерью. Она содержала небольшой косметический кабинет. Однажды там появился пожилой мужчина, с первого взгляда явный алкоголик, и нахально назвал ее отцом. Девушка, на долю которой выпало немало трудностей, сначала, естественно, не поверила. Но человеку были известны такие подробности, которых он не мог бы знать, не будь ее отцом. Например, он рассказал о небольшом шраме за ухом у покойной матери, который был скрыт волосами, о коралловой шпильке для волос, подаренной бабушкой, о высоком висячем мосте на родине матери, который можно было увидеть только на фотографии... когда же он дошел до родимого пятна на плече самой девушки и группы ее крови, она начала замечать, что форма ушей и носа у этого человека такая же, как у нее.

В тот день, не без колебаний, она дала этому человеку тысячу иен, но через три дня он снова явился якобы лишь для того, чтобы взглянуть на нее, а в результате, распространяя вокруг себя запах алкоголя, попросил еще тысячу иен... и это стало повторяться сначала раз в три дня, потом через день и, наконец, ежедневно. Девушку это начало тревожить, но в то же время она считала, что, если он действительно ее родной отец, бросить его нельзя и она должна заботиться о нем. В конце концов она пришла в наше агентство и попросила установить личность человека, назвавшегося ее отцом.

Если бы тип не задался целью установить истину, как он это делал обычно, а подумал о том, на какой ответ надеется заявительница, и действовал бы, исходя из этого, удалось бы, возможно, избежать драмы. Но его словно черт попутал... не имея для этого никаких данных, он решил сыграть роль доброго ангела. Но, к несчастью, ему сразу же удалось установить истину.

Однако девушка, не удовлетворенная полученными сведениями, попросила провести повторное расследование. Теперь-то он должен был непременно понять истинные намерения девушки. Уж если ему так это было нужно, лучше бы он, вернувшись в свое обычное состояние ничтожества, вынудил написать донос, на что был большим мастером. Но тип, видимо, слишком увлекся ролью ангела. Точно воспитательница в детском саду, следящая за тем, как едят дети, он решил, не отступая ни на шаг, заставить девушку принять правду. Я сейчас точно не помню, что было правдой – то, что этот человек был настоящим отцом, или то, что он был

самозванцем. (Об этом можно узнать у кого угодно из наших, да и большой разницы, в общем-то, нет.) Но только девушка, которой не оставалось ничего другого, как принять правду, покончила жизнь самоубийством. Тип же, узнав о самоубийстве, заболел тяжелейшим нервным расстройством. С полгода он пробыл в психиатрической больнице и лишь в конце прошлого года наконец вышел из нее – обо всем этом я слышал совсем недавно, и вот теперь снова...

Шеф мрачно повторяет:

– Опять угодил в больницу. Его нельзя ни на минуту оставлять одного – он то и дело теряет над собой контроль и даже падает в обморок. Может, он поправится? Такие случаи бывают, верно?.. Хотя нет, видимо, он окончательно сошел с ума...

Тот же день. 2 часа 5 минут. Покидаю агентство и отправляюсь в город F. Дело в том, что в день происшествия Т.-кун собирался встретиться с господином M., членом муниципалитета города F., куда предполагалось направить документы. Поскольку источники информации, касающейся господина M., строго засекречены, я хочу выяснить, в чем дело. (В пути, на шоссе Косю.)

Тот же день. 4 часа 20 минут. Заливаю бензин на заправочной станции. (14 литров. Талон прилагаю.) Для верности спрашиваю у заправщика дорогу. Он сообщает, что Сантэмэ – Третий район города F., расположен к западу от шоссе, в деревне F., обозначенной на моей карте, которая была выпущена в прошлом году, деления на районы нет, да и расположение дорог несколько иное. По его словам, решено сделать неподалеку отсюда транспортную развязку строящейся скоростной автострады, и, следовательно, в будущем здесь начнется активное строительство и продажа земельных участков; процесс слияния города с окружающими деревнями принесет свои плоды, и город F. будет значительно расширен.

Старый город F., где находится дом господина M., сейчас Иттэмэ – Первый район. Он тоже к западу от шоссе, и туда ведет дорога, пересекающая небольшую возвышенность, поросшую смешанным лесом. Прилагаю для справки составленный мной план города F.

Тот же день. 4 часа 28 минут. После второй от заправочной станции автобусной остановки сворачиваю направо и останавливаюсь у третьей: «Почта, Иттэмэ». В табачном ларьке на углу спрашиваю адрес. Мне говорят, что дом господина M. рядом с почтой, через дорогу. Длинная глухая ограда. Густой сад. Обычный жилой дом. Около ворот небольшой гараж с односкатной крышей.

Поставив машину у табачного ларька, решаю заглянуть сначала на почту. Крашеная, с медной ручкой дверь распахнута настежь, с одной стороны – клумба, на которой ничего не растет, с другой – установлен красный почтовый ящик. К почте ведет бетонная дорожка, справа – скамейка, слева – телефонная будка. В помещении, напротив двери, два окошка. Одно, над которым надпись: «Денежные переводы. Вклады. Страхование жизни», завешено замусоленной занавеской, и перед ним стоит треугольная табличка: «Сегодня операции закончены». Открыто лишь окошко: «Марки. Бандероли. Телефонные переговоры», и пожилой человек – по всей вероятности, начальник почты, – чистивший, а может быть, чинивший резиновый штампель, исподлобья взглянул на меня. Едкий запах коптящей керосиновой печки. С грохотом несущийся десятитонный грузовик резко сбавляет скорость и переключает сцепление. Наверно, помешала моя машина. Небрежно попросив десять пятииеновых марок, спрашиваю, правда ли, что господин M. хочет купить новую машину – я, мол, слышал об этом: обычный прием в таких случаях – прикинуться коммивояжером.

– Машину? – Начальник почты медленно переводит взгляд в сторону занавешенного окошка рядом со мной. – Нет, такого я не слышал...

– Собирался покупать... – неожиданно раздается из-за занавески голос женщины, видимо немолодой. Как это бывает во многих маленьких почтовых отделениях, здесь работают вместе муж и жена. – Разве люди, которые хвастаются даже количеством будильников, будут молчать, если собираются покупать новую машину?

Ну что же, я услышал то, что мне нужно... теперь я, по крайней мере, знаю из достоверного источника, что М. ездит на красной машине...

Начальник почты:

– Да что вы, машина у соседа светло-голубого цвета.

Жена начальника почты:

– Обычного светло-голубого цвета. Я не говорю, что он совсем дурной человек, но...

– Ну ладно, что там о нем говорить, а может, и вам подумать о машине?.. когда есть машина, жить вправду гораздо легче. Это принесет вам гораздо больше пользы, чем страхование жизни. Разве я не прав?

– В моем-то возрасте учиться водить машину? С вас пятьдесят иен...

Протягиваю стоиеновую монету:

– Пожалуйста, сдачу, если можно, помельче. А что, у господина М. по-прежнему дела идут хорошо?

Жена начальника почты резко, точно отвергая мой вопрос:

– Мало сказать хорошо. Раньше ведь он только углем торговал.

Начальник почты, протягивая пять десятииеновых монет, презрительно кривит тонкие губы:

– Жилых домов понастроили, и чумазый угольщик превратился в торговца пропаном, да такого чистюлю, что каждый день ванну принимает... времена...

Торговец пропаном! Сердце учащенно забилося. Значит, топливная база напротив дома господина М. принадлежит ему? Значит, вот тот повернувший сюда трехколесный пикап, который, громяхая, точно телега с жестью, и поднимая тучи пыли, везет баллоны, принадлежит господину М.? И если он не только член муниципалитета, но и владелец топливной базы, дело сразу же проясняется. Поведение исчезнувшего в то утро... связи между фирмой «Дайнэн» и господином М...все теряет свою загадочность.

– Но такая несправедливость. – У жены начальника почты певучий, звонкий голос, совсем не вязавшийся с тем, что она говорит. – Разве может это продолжаться вечно?

Я снова оборачиваюсь к стеклянной двери. Под навесом из рифленого железа, обязательной принадлежности топливной базы, два молодых парня перекачивают баллоны с дороги в склад. В складе темно, и не видно, что там делается. В этом городке, стоящем в низине, окруженной с востока и запада холмами, солнце, наверно, заходит раньше, чем в других местах. Слышно, как, слегка покашливая, жена начальника почты встает. И сразу же загорается свет. Я закуриваю, и те несколько секунд, которые я на это потратил, как и следовало ожидать, стали приманкой для любящих сплетни языков.

– Ладно, пусть только застроят Нитёмэ – Второй район. К нам сразу же проведут газ – это точно обещали, официально... когда город вот так быстро застраивается, разбухает, превращается в город-спутник, кошелек торговца пропаном тоже разбухает вместе с ним. Но как только сюда придет городской газ, тогда крах... а сейчас база его расширяется, телефонов понаставил, рабочих набирает без счета. Да одних пикапов, если считать и те, что в филиалах, штук десять...

– Девять.

– Все равно лопнет как мыльный пузырь.

– Он однажды приходил сюда, просил, чтобы мы петицию подписали... говорил, что пропан, мол, лучше, им не отравишься, и гигиеничнее...

– Глупость. В наше время одним, что ли, газом травятся. Что там ни говори, самое главное – удобство. Кто же станет сочувствовать причитаниям угольщика?

Город F., Иттёмэ... Главная улица старого городка F., начинающаяся от почты... прямая, полого спускающаяся улица, метров четыреста, заканчивается у каменных ступеней муниципалитета... попеременно с богатыми, крытыми черепицей домами много и деревенских построек с высокими крышами и решетчатыми дверьми, словно хозяева их до сих пор занимаются шелководством... но в просторных дворах вместо тутовых деревьев – малолитражка... непомерно ярко сияет, как, впрочем, и везде, магазин электротоваров... сам магазин только с виду похож на полуразвалившуюся бочарню, он все же достаточно процветающий, просто на здании – налет старины... однако уличных фонарей очень мало, и это говорит о жалкой судьбе брошенной старой части города... на западе, за невысоким холмом, еще плывет свет, позволяющий рассмотреть каждую веточку каждого дерева – скоро на этот низинный город спустится тьма... я медленно пускаю машину по выщербленной, давно не отремонтированной мостовой, не теряя из виду глубокий кювет с правой стороны...

Недалеко от муниципалитета старая развесистая криптомерия закрывает ветвями чуть ли не треть дороги – здесь, кажется, вход в синтоистский храм. Большая площадь, стоит несколько автомашин. А светло-голубая или, может быть, грязноватая светло-голубая?.. из шести машин четыре – в голубых тонах, какая же из них? Окна муниципалитета на втором этаже еще кое-где светятся – может быть, сверхурочная работа – готовят отчет? Разворачиваюсь и медленно еду назад по той же улице.

Я плохо представляю себе деятельность топливной базы. По мере того как жилые районы выходят за пределы старого города, угольщики благодаря пропану расширяют свою торговлю и с ростом населения процветают все больше... но, подобно тому как выросшие до гигантских размеров пресмыкающиеся не могли не уступить место млекопитающим, они вынуждены отступать перед городским газом. Сколько иронии заключено в такой торговле: она рождается благодаря росту города и умирает тоже благодаря росту города... в момент наивысшего расцвета объявляют о смерти – жалкая участь... неуютное процветание – все равно что, сидя за столом, наслаждаться деликатесами, дарами лесов и морей, когда перед тобой маячит виселица... конечно, такое не может не причинять глубокие страдания...

Но какие бы страдания ни испытывал, результат поединка известен с самого начала. Куда денешься от настигающего врага – городского газа? Есть ли хоть малейшая надежда, что удастся сманеврировать? В таком столкновении силы слишком неравны. Какова бы ни была у него цель, когда он собирался в то утро использовать Тасиро в качестве курьера, вряд ли можно предположить, что именно в связи с этим создались обстоятельства, вынудившие его к победе. Пожалуй, правильнее всего поверить словам управляющего, ответственного за сбыт, всячески убеждавшего меня, что в данном случае не может быть и речи ни о каком преступлении. Повидимому, и утверждения Тасиро о том, что он напрасно ходил на свидание, вполне правдивы. Что же касается заботы оптовой фирмы «Дайнэн» о своих мелких заказчиках, попавших в безвыходное положение, то можно сказать, что она помогает им спокойно умереть и принимает заказы на надгробья.

Останавливаю машину недалеко от топливной базы M.

Никаких перемен – только под навесом зажглись фонари, идущие вглубь склада. Так же как и раньше, двое рабочих перекачивают баллоны в склад. Один – ему не больше двадцати – ходит вперевалку, лицо серое, как у тяжелобольного. Другой – лет тридцати, обветренный, крепко сбитый, с полотенцем, повязанным вокруг толстой шеи. Работают они медленно, казалось бы с прохладцей, но баллоны уже почти все убраны в склад.

– Что, самого нет еще?

– Самого? – Сделав вид, будто услышал непривычное слово, молодой, продолжая упираться руками в баллон, подозрительно смотрит на меня. Баллон и цветом и формой совсем как снаряд, а белая отметина примерно на середине корпуса похожа на лист дерева.

Может быть, ему не понравилось, что я употребил слово «самого»? Хотя он раньше и был угольщиком, но, поскольку теперь стал членом муниципалитета, его, видимо, следует именовать «хозяином». Но кажется, я напрасно придавал этому такое значение: парень указал подбородком на дом через дорогу:

– Редко он завертывает сюда, на базу... да и домой еще, наверно, не пришел – машины нет...

– Собственно, я из фирмы «Дайнэн»...

Это было почти правдой. Хотя выехал я из своего агентства, но до этого действительно побывал в фирме «Дайнэн». Даже если бы меня подвергли потом перекрестному допросу, то, ведись он не особенно придирчиво, мои ответы показались бы вполне достоверными.

Парень оставил баллон, выпрямился и переглянулся со вторым, который постарше, вышедшим из склада: видимо, мои слова произвели впечатление. Правда, реакция не была особенно заметной, но, кажется, название «Дайнэн» было им хорошо известно... значит, и после *его* исчезновения топливная база М. по-прежнему была контрагентом фирмы «Дайнэн», связь между ними не прерывалась ни на день, и, следовательно, надежда случайно напасть здесь на *его* след нереальна.

Я, естественно, готов был ко всему, и это открытие не обескуражило меня, но получить нужные мне сведения стоило большого труда, и поэтому я решил по возможности продлить удовольствие. Меня пытались одурачить, пытались избавиться от меня, направляли по ложному следу, зря отнимали время – такой оттенок хотел я придать своему очередному донесению. Потому-то поездка, отнявшая у меня два с половиной часа, и превратилась в откровенный спектакль – все равно что забрасывать удочку в плавательном бассейне.

Кроме того, всякий раз, когда одна за другой рушились мои надежды, раздражающее копошение гнездящейся в моей груди кроваво-красной личинки какого-то огромного мотылька становилось все нестерпимее, возвещая приближение часа, когда напоенный кровью мотылек разрушит кокон и вылетит на волю. И стоит лишь вырваться ему на свободу, как в тот же миг, не раздумывая и не блуждая, он полетит в то самое окно лимонного цвета... и, пробившись сквозь стекло и штору, вонзит клыки в отражающегося тенью мужчину – конечно же, это напоминающая черную стену спина самозваного брата, – целясь в его сердце. Постой, у мотылька ведь не бывает клыков. Нет, так он по дороге заглянет к дантисту и вставит их... да, нужно побыстрее сходить к зубному врачу. Трогая кончиком языка дырку от удаленного коренного зуба, я ощущаю металлический привкус крови.

– «Дайнэн» – это что, наша фирма, что ли?

Шмыгнув носом, молодой парень высунул из продранной рукавицы грязный палец и высморкался. Наверно, прочищенный нос помог ему уразуметь, в чем дело. Я утвердительно кивнул, и он сказал мне:

– Чудно, а сам сказал, что ему нужно в фирму «Дайнэн», и еще утром уехал, надо же...

– Понял?.. – Тот, что постарше, затолкал под воротник спецовки полотенце, которым у него была обмотана шея, продолжая странным, неразборчивым говором: – Вот оно как, только вид сделал, что уезжает, а сам куда-то закатился. Ловок...

Я с таинственной улыбкой поддакнул:

– Конечно, на автомобиле до любого веселого местечка в городе добраться ничего не стоит.

– Чего? – Молодой рабочий уперся руками в бока и покачивался. – Как в Нитёмэ бараки появились, так сюда и из города катят... поедете обратно – поверните к речке... гостиница, ресторан – на том берегу... а на этом – здесь их вроде «микро» называют, маленькие, прямо

как для детского сада, автобусы... с красными фонариками, они штук по десять выстраиваются в ряд каждый вечер – не хотите ли сосисок, не хотите ли подогретого сакэ с закуской?..

– Да брось трепаться-то, когда хочешь как следует поесть, за сосисками туда не пой-дешь, – прохрипел старший и харкнул плевком чуть ли не с куриное яйцо. – Если вам нужно по-настоящему поесть, держитесь от них подальше... за перегородкой в этих автобусах знаете что?.. дырявые дзабутоны⁴ там, вот что, лучше туда не ходите.

– А знаете, почему их дырявыми дзабутонами зовут? – спрашивает молодой парень со смешком, точно его пощекотали, и присаживается на корточки. И тогда его тень, рожденная фонарями под навесом, еще более черная на черной земле, вдруг сжимается и ныряет под него. – Очень просто, места там за перегородкой нет – не вытянешься, – вот их и зовут дырявыми дзабутонами, а не живыми подстилками.

– Хватит тебе болтать – дырявые дзабутоны, которые деньги заглатывают, – сказал старший, плюнул и снова начал работать.

Молодой сразу же вернулся к своему небрежному тону и хлопнул рукавицами, которые от грязи и мазута стали похожи на потертую резину.

– Так-то вот. Когда вернется, кто его знает. Здесь еще другой тоже с час назад все приставал, а мы что...

– Нахальный тип. Шныряет туда-сюда, будто в собственном доме. Не спрашиваясь, стал по телефону звонить...

Оба, как сговорившись, метнули взгляд, точно камень, на здание, служившее, видимо, конторой, – по всей вероятности, посетитель принадлежал к кредиторам, к тем, кого не ждут с распростертыми объятиями. Если я хочу получить нужные сведения, то смогу добыть их у этих двух рабочих. Беру в рот сигарету и предлагаю им.

– Хочу кое о чем спросить у вас...

– Курить запрещено!

Прерывает меня хриплым голосом тот, что постарше, но молодой спокойно берет сигарету, зажигалку, пламя которой взметнулось чуть ли не на два сантиметра, подносит сначала к своей сигарете, а потом, не гася, сует мне, прямо под самый нос.

– Ничего, ветер сейчас западный.

– Пора бы тебе запомнить, как обращаться с огнеопасными материалами, – у нас ведь специальные правила.

– Уж очень ты своей жизнью дорожишь. – Зажигалка продолжала гореть, но это его нисколько не смущало. Я же постарался побыстрее прикурить, решив, что лучше уж тлеющая сигарета, чем полыхающая зажигалка. – Если и загорится, страшно только в первую минуту. Здесь все кругом застраховано, и будь я управляющим, наоборот, радовался бы пожару.

Управляющим?.. управляющий – это еще одна диковина... На окраинах беспрерывно растущего города в одну ночь среди полей неожиданно возникают новые улицы. И что ж тут удивительного, если появляется огромное количество управляющих?

– Сопляк ты зеленый.

– Лучше уж быть зеленым, чем фиолетовым, как твой нос.

– Ты кого хочешь переспоришь. – Старший потер пальцами нос, посиневший то ли от холода, то ли от водки. В углах глаз у него скопилось что-то похожее на мед, не то слезы, не то гной.

Молодой перепрыгнул через кювет, подошел к дороге, где в ряд стояли баллоны, и сказал мне удивительно мягко, даже ласково:

⁴ Дзабутон – квадратная подушка для сидения на полу.

– Знаете, с ним случай-то какой вышел. Он землю продал и деньги получил, а у него на автомобильных гонках двести тысяч иен вытащили, а триста тысяч он в электричке положил в сетку и забыл. С тех пор пьет.

– Хватит глупости молоть, – сказал старший без всякого выражения, не отрицая, но и не подтверждая, лениво направляясь вместе с товарищем к баллонам, – давай поторапливаться, а то скоро новые привезут.

– Я хотел только спросить... – Словно преследуя их, я тоже перепрыгнул через кювет и пошел между ними. Выражения их лиц теперь, когда они ушли с освещенного места, было уже не разобрать, и я, взяв чемодан под мышку, включил магнитофон. – Сколько времени вы здесь работаете?

– Я уже почти год, – бросил молодой, перетаскивая баллон, – а он – месяца три, наверно?

– Сегодня ровно три месяца и десять дней. Куда денешься...

– Тогда вы, наверно, знаете, – направляю микрофон в сторону молодого, – о начальнике отдела Нэмура из фирмы, которая вам газ поставляет... о Нэмура-сан, начальнике торгового отдела... он, должно быть, не раз бывал здесь...

– Да нет, вроде не слыхал... – На узкую, и тридцати сантиметров не будет, доску, переброшенную через кювет, нужно ловко положить наискось баллон и с силой развернуть его, а потом, используя естественный уклон, перекачивать, подталкивая его то рукой, то ногой. – Да что там говорить, когда хозяин сменил бывшего поставщика на «Дайнэн», для нас прямо как бомба разорвалась... мы совсем ничего не знали...

– Это когда случилось? – неожиданно резко и стараясь показать, что голосовые связки напряглись потому, что поперхнулся дымом. – Когда заключили сделку с нашей фирмой?..

– Вроде бы летом... когда перемена эта случилась, у меня был как раз выходной, и я пошел на реку купаться, а там один парнишка утонул...

– В июле?.. Августе?

– Должно быть, в июле.

Июль – как раз то время, когда *он*, видимо только что назначенный начальником отдела, изо всех сил, используя все доступные методы, старался убедить топливную базу М. пересестись в новое седло. А может быть, благодаря этой успешной операции *его* и выдвинули в начальники отдела. Во всяком случае, *его* усилия принесли плоды, и сейчас эта база ведет дела с фирмой «Дайнэн». Но даже в том случае, если бы все произошло наоборот: операция провалилась и сделка не состоялась, случившееся все равно можно было связать с *его* исчезновением. Правда, кое о чем приходится сожалеть. О том, что опять зря расходовал батарейки магнитофона.

Где-то вдали раздается металлический звук взрыва и долго перекачивается, отражаясь от холмов, окружающих город. Видимо, это выхлопная труба мощного грузовика. Выключив магнитофон, иду за молодым парнем, ловко перекачивающим баллон:

– А в конторе нет человека, который все знает? Я бы...

– Да нет... – И, не давая отдыха рукам: – В конторе одна секретарша осталась... новенькая... да еще ее измучил этот гнусный тип, неизвестно откуда он взялся, она даже разревелась – говорить с ней сейчас без толку.

– Гнусный тип?

– Да вроде бы пройдошливый коммивояжер какой-то... я частенько его встречаю у красных фонариков у реки...

Мы как раз стоим у входа в склад с односкатной крышей. Вместе с подошедшим сзади рабочим, тем, что постарше, они одним движением поднимают баллон и кладут на другие, лежащие уже в три ряда. Судя по звуку от столкновения металла с металлом, весит он, наверно, порядочно.

– Можно я загляну в контору?..

– Холодно что-то сегодня...

Старший, не проявляя никакого интереса, сгорбился и, приплясывая, снова идет к дороге.

– Здесь пройдете и сразу налево. – Шмыгнув носом, молодой указывает подбородком на проход между домом и складом, смотрит на густо-черное небо и, зажав пальцами дыры на рукавицах, идет за старшим.

Пробираюсь через узкий проход, и тут же слева – плохо подогнанная раздвижная дверь, стекло в которой залеплено клейкой лентой. Запах, будто в бензине растворили нечистоты... или, скорее, запах удобрений, смешанных с мочой. Пронзительный скрип двери, движущейся по искривленному полозу. Нерешительно приоткрываю щель, достаточную, чтобы как-нибудь пролезть в нее, и тут же, как это бывает лишь на топливных базах, в лицо бьет, точно мокрым носовым платком, потная жара.

Напротив двери, почти до самого потолка, ширма. Прикрепленное кнопками расписание автобусов, напечатанное в две краски. Перевожу взгляд влево – там лишь один старый канцелярский стол, как конторка вахтера, он повернут лицом к входу. Над столом – коротко стриженная головка девушки, под столом – плотно сдвинутые круглые белые колени.

– Добрый вечер, – говорю я жизнерадостнее, чем следует, не глядя на девушку и поглаживая руки от плеч до кистей, будто втирая в тело тепло.

– Добрый вечер...

Не верю своим ушам. Ответил мне как будто мужской голос. Нет, это действительно мужской голос. Он исходит не от девушки, а вроде бы из-за перегородки. Голос мне нравится. Наверно, это тот самый посетитель, о котором говорили рабочие. По мере продвижения вперед в поле моего зрения, одно за другим, попадает: металлический стеллаж... белые занавески на окне, еще больше подчеркивающие безвкусное убранство комнаты... перед стеллажом странные на вид искусственные цветы из пластмассы... потом телевизор... круглый столик, покрытый пластиком, отливающим серебром... на нем уже знакомая мне пепельница с кошками по углам... и на фоне всего этого знакомый мужчина, который сидел, положив подбородок на руки...

Это был он.

Он... без всякого сомнения, он... самозванный братец... без пиджака, с распушенным черным галстуком, вспотевший лоб, он самодовольно улыбается, выпятив подбородок... без пиджака он выглядит уже не таким мощным, и плечи у него покатые и узкие... зачем понадобилось ему появляться в таком месте?... малопривлекательная игра... секрет ловли бродячей собаки состоит в том, чтобы сделать вид, что твое внимание поглощено совсем *другим*, – в создавшейся обстановке я тоже должен поступить аналогичным образом, но тем не менее... как же сделать так, чтобы эта самая бродячая собака, виляя хвостом, выползла из того места, которое должно было быть этим совсем *другим*.

– Сегодня у нас день случайностей... нет, я просто поражен... – И, даже не стараясь сделать вид, что поражен: – Я буквально потрясен... я так и думал, что вы обязательно пронюхаете об этой базе... да что же вы стоите, присаживайтесь, пожалуйста...

– Но почему же вы молчали, если знали о ней?... – Не теряя времени, включаю магнитофон. – Ведь и в заявлении о розыске ясно сказано, что будут предоставлены все имеющиеся сведения...

– Послушайте, разве же нужно сообщать все подряд, даже сведения, не представляющие никакой ценности? – Он беззаботно окликает секретаршу: – Девушка, простите, что беспокою вас, принесите гостю чашечку чая.

Девушка молча поднимается. Смятая юбка, наэлектризованная телом, прилипла, повторяя очертания зада.

– Если вам эти сведения казались ненужными, все равно было бы лучше заранее рассказать о том, что они не нужны, и объяснить, по какой причине.

– Какая неприветливая девица... – игнорируя мои слова и закидывая ногу на ногу. – Я надоел вам, верно? Куда бы вы ни направлялись, я тут как тут, в роли злодея... и, что самое удивительное, если такое отношение ко мне как к злодею будет продолжаться, в конце концов за мной утвердится репутация злодея, да и сам я в это поверю...

– Все-таки что же вы здесь делаете?

– Действительно, что?

– Опять случайно, да? Бесцельно бродя, случайно наткнулись на эту базу и вот...

– Меня привлекла одна из версий. – Он весело рассмеялся и щелкнул пальцами. – Нет, я не шучу, вам не зря все это кажется таким подозрительным. Правда, не зря. Здесь причудливо переплелись самые разные нити.

– Коль скоро вы так считаете, следовало бы мне все подробно объяснить.

– Я хотел, если бы мне это удалось, сделать вид, что ничего не знаю... но у вас такое испуганное лицо... ладно, расскажу все как есть... по правде говоря, я приехал сюда с целью шантажа.

– Шантажа?

– Девушка, правду я говорю?

Девушка сняла металлический чайник с керосиновой печки, стоявшей перед стеллажом, и, наливая кипяток в большой фарфоровый чайник, застыла в этой позе, не собираясь отвечать. Но именно это молчание и было красноречивее любых слов.

Называвший себя братом с безучастным видом продолжал:

– Сегодня я заранее предупредил, чтобы для меня был приготовлен чек... хозяин сбежал, куда – не представляю, а девица есть девица, упрямо твердит: ничего, мол, не знаю, ничего не ведаю... но только все это, девушка, шито белыми нитками и никакой пользы не принесет. Каждый лишний день только проценты нарастают, вот и все. Поняли? Вы и хозяину это растолкуйте. У меня времени сколько угодно – буду ездить хоть каждый день.

Девушка, сохраняя самообладание, с замкнутым видом ставит на стол две грубые чашки, наполненные до краев жидким чаем, и молча возвращается на свое место. Кто бы подумал, что такая упорная девушка.

– Да, неласковая девица. Может быть, у нее сложилось обо мне превратное представление? Тот, кто шантажирует, – негодяй, верно, но и тот, кого шантажируют, ничуть не меньший негодяй – вот ведь в чем дело.

Встретившись с ним всего второй раз, я уже застиг его врасплох, и, несмотря на это... он без всякого смущения, в открытую заявляет, что занимается шантажом... какие же нервы нужно иметь... я и с самого начала относился к нему настороженно, но, когда он нанес мне такой наглый, неожиданный удар, я сразу же превратился в муху, утонувшую в горшке с паточкой. Действительно, у меня было тайное желание, если представится случай, сорвать с него маску – это правда. Но создавшееся положение не вселяло надежды, что он позволит мне это сделать. Так или иначе, он – частица заявительницы, он – обитатель привилегированной запретной зоны. И к чему бы ему помогать мне подловить его? Просто трюк, может быть?... но с какой же целью? А вдруг он просто любитель саморазоблачений?... слишком уж мало я его знаю.

– То, что вы делаете, – плохо само по себе, но, кроме того, это вообще не занятие. – И, понимая, что здесь доброжелательность, наоборот, может принести вред: – Во-первых, я уже начинаю сомневаться, насколько чистосердечным было заявление о розыске.

– Почему?

– Слишком много вы скрываете. У меня и в мыслях не было, что на топливной базе провинциального городка могут оказаться такие неожиданные находки. Для настоящей сцены она мне казалась чересчур грубо сколоченной.

– Но если вмешиваются шантаж, вымогательство, тогда...

– Да, и к тому же тот, кто шантажирует, – родственник пропавшего...

Продолжая смотреть на меня исподлобья, он поднес чашку к губам и, отхлебывая чай, заговорил:

– Так я и думал. Вы весьма проницательны. Но и обезьяна, бывает, падает с дерева. Я вас не собираюсь обманывать. Вам не за что уцепиться, и понадобилась моя голова, но вы просчитались. С чего же я должен начать объяснения? Прежде всего с цели, правда? Итак, зачем мне потребовалось прибегать к шантажу?..

Неожиданно его прерывает резкий автомобильный гудок. Работающий точно с одышкой мотор принадлежит трехколесному пикапу довольно старой модели. Может быть, моя машина мешает погрузке и выгрузке баллонов? Потом снаружи доносится голос: «Простите, вы машину не подадите вперед?» Я направляюсь к двери, он вслед за мной тоже встает и поспешно надевает пиджак. Ну что ж, с этим я сегодня и уезжаю... в пиджаке он снова превращается в черную стену... проходя мимо девушки, неожиданно протягивает руку и хватается за нос. Она вскакивает со стула, стул падает, но девушка не издает ни звука.

– Не забудь, передай хозяину. – И, сняв пальто, висевшее на гвозде, и перекидывая его через руку: – Сколько бы он ни тянул – мне все равно: проценты, которые причитаются, я получу, тютелька в тютельку.

Поднялся ветер. Небо развевается, точно черное одеяло. Когда, обменявшись с рабочими нечленораздельными приветствиями, я сажусь в машину, человек, называвший себя братом, как само собой разумеющееся, берется за ручку дверцы и ждет. Включаю мотор, и он тут же садится ко мне в машину. Сильно жму на акселератор, но остывший мотор лишь мелко дрожит – кажется, что тебя разбил паралич и ты уже никуда не годен.

А этот самый братец невозмутимо продолжает:

– Нет, нет... важнее не цель, а средство... итак, почему я пошел на шантаж? Мне нужны деньги... верно... одни только расходы по розыску, который вы ведете, – тридцать тысяч в неделю... пособие, которое получила сестра, – это же сущая мелочь... тридцать тысяч в неделю... значит, в месяц – сто двадцать тысяч... одной честной работой разве добудешь такую сумму?..

– В месяц... вы собираетесь и дальше продолжать розыски?

– Конечно. Я ведь сам занимался ими целых полгода. Неужели же вы могли рассчитывать, что справитесь за какую-то неделю? Да из одного самолюбия я достану деньги. Если потребуется, пусть хоть год... ничего, посмотрим, кто из нас упорнее...

Он слегка улыбается, а я не знаю, что и подумать. Продолжение розысков... но где же моя способность хватать на лету, хотя и достаточно подпорченная... спички с черной головкой и спички с белой головкой в одной коробке... намеренно случайная встреча на автостоянке перед кафе «Камелия»... еще более намеренно случайная встреча на топливной базе М... признание в шантаже... если он просто подозрительная темная личность, тогда все понятно, но он без конца лезет вперед, нет, он не просто подозрительная личность... закурю, пожалуй... бесконечное продолжение?... двигатель работает с перебоями... включаю отопление... раскаиваюсь ли я?... а что, если заявители не на словах, но на самом деле хотят узнать правду, хотят узнать истинное положение вещей?... как бы там ни было, нужно еще раз встретиться с этой женщиной и еще раз четко наметить границы карты... стоя спиной к лимонной шторе и книжной полке и нервно теребя бескровными пальцами скатерть на углу стола, она сосредоточенно ждет чего-то. То же ли это «что-то», на которое надеется брат, – вот что необходимо узнать прежде всего.

Точно поняв мое состояние, он слабо улыбается и грустным голосом, в котором слышится насмешка над самим собой:

– Непростительно я себя веду... подобное поведение может быть терпимо... даже обыкновенный жулик, когда он порывает с прошлым, и тот старается не давать волю рукам... если вам не удастся добраться до сути, мы, конечно, в претензии не будем... здесь уж ничего не поделаешь, правда? сестра – женщина неполноценная, он – гомосексуалист, вы так, наверно, думаете?... педераст так педераст, как вам угодно, но все равно, если не докопаться до сути... если любыми средствами не вернуть его и не заставить выбросить из головы мысль о побеге... сестра будет конченным человеком... черт возьми!.. вы меня понимаете?

К сожалению, понимаю слабо... прямо на нас мчится взявший слишком вправо грузовик, и я непроизвольно нажимаю на тормоз... что же он пытается внушить мне?... зачем ему нужно, чтобы я осознал, как необходимо найти его и доставить этой женщине?... неужели он не понимает, что, внушая мне такую мысль, он, наоборот, вредит сестре?... пыль от пронесшегося грузовика поглотила всю дорогу... говорят, что самый умный вор – это тот, который делает вид, что его обворовали, так что...

– Так что надежда только на вас... расходы я беру на себя... не будет другого выхода – поплыву во Вьетнам... если набрать человек тридцать и составить из них команду, за один рейс тысяч двести можно заработать... вы не думаете, что нам с вами стоит сойтись поближе?..

– Вы пьяны?

Голос спокойный, но дверь остается на цепочке. То, что я пьян, видно сразу.

– Если можно, хотел бы обязательно еще сегодня поговорить с вами... необходимо для завтрашних розысков...

Женщина, колеблясь, медленно сняла цепочку,пустила меня и оставила в прихожей, сама же, одной рукой придерживая воротник пальто, накинутого поверх ночной рубахи, а другой – поправляя растрепавшиеся на затылке волосы, проскользнула в комнату. Я непроизвольно осматриваю пол в прихожей – ищу мужские ботинки. И в то же время прислушиваюсь к происходящему в комнате... что я подозреваю?... я сам удивляюсь, осознав свое подозрение... *он* здесь или *его* здесь нет... а что, если, притворившись пропавшим без вести, *он* на самом деле тайно прячется в собственном доме...

Вздор, конечно, но нельзя сказать, что подобная мысль абсолютно беспочвенна. Ведь первое ее приветствие сейчас, глубокой ночью, было: «Вы пьяны?» А разве для нанимательницы, как для любой нанимательницы, не было бы естественным прежде всего ждать новых известий?

Нет, это ложь. Клевета. Достаточно было лишь мельком взглянуть на мое лицо, на котором было написано желание оправдать свое позднее появление, чтобы ей сразу же стало ясно: ждать каких-нибудь важных известий нечего. Кроме того, располагай я действительно какими-то важными известиями – будь то радостными, будь то печальными, – для того чтобы их сообщить, есть гораздо более удобное, изобретенное цивилизацией средство – телефон...

Женщина вернулась. На ней темно-синие брюки, рыжий свитер, связанный из толстых ниток, волосы зачесаны как обычно, но, видимо, потому, что заметно выделялись веснушки под глазами и держалась она сухо, казалось, что это совсем другой человек. Возможно, виной тому была и некоторая настороженность по отношению ко мне. Точно оправдываясь, я стараюсь развязать скованный смущением язык.

– ...Собственно, речь идет о вчерашнем спичечном коробке... я и в донесении о нем написал, о кафе «Камелия», я имею в виду, но вот если говорить о выводах, к сожалению, похвастаться нечем. И что меня беспокоит... вы, по-моему, говорили, что спичечный коробок лежал вместе со старой газетой? Эта газета еще у вас? Она могла бы помочь мне...

– Да, должна быть, но...

Она уже пошла было искать, но я удержал ее. Оправдываться – уже само по себе оправдание, с этим застрявшим в горле колючим парадоксом я продолжал:

– Прежде всего хотелось бы знать, от какого числа газета... существует ли какая-нибудь связь между газетой и спичечным коробком?... здравый смысл подсказывает, что, видимо, не существует, но... с полной уверенностью утверждать этого нельзя – все зависит от того, за какое она число... немного беспокоит это... спичечный коробок, почему он так сильно истерт?... и тот факт, что в очень важном для расследований, которые я веду, кафе собран столь незначительный урожай, наоборот, заставляет о многом задуматься... гипотез можно выдвинуть сколько угодно... но какую бы ни выдвигал – каждая полна противоречий... как испорченный компас – туда указывает, сюда указывает... но все же, хоть и сломанный, компас есть компас... и мне кажется, достаточно еще лишь одного усилия, достаточно малейшего намека – и компас тут же укажет точное направление.

– Сейчас посмотрю. – Остановив поток моих слов, который мог продолжаться до бесконечности, она слегка кивнула и после минутного колебания, если бы я не следил за ней так внимательно, то не заметил бы: – Заходите в комнату, подождите, пожалуйста.

И вот я снова в той же комнате с лимонной шторой, сижу на том же стуле, что и вчера вечером, с силой сцепив пальцы. Печку, видимо, совсем недавно выключили: вместе с запахом керосина сохранилось еще какое-то тепло, и, казалось бы, нельзя так уж замерзнуть, но почему-то я весь заледенел. Заледенел изнутри. Мне показалось, что холод начал сковывать меня, как только я опустился на стул. Чувство, что я сел, отстранив что-то... что-то легкое, послушное, грустное, похожее на проглядывающую сквозь туман тень дерева... возможно, это был *он*... застенчиво, несмело *он* прошел мимо меня, впервые завладев моим сердцем... и тут же снова вернулся на плоский портрет в узкой рамке, безропотно уступив мне свое место. Но в душе моей чувство ледяного стыда все растет и растет, превращаясь в мутную пелену, подобно тому как капля чернил, пущенная в воду, разрастается все новыми и новыми нитями.

Охваченный сильным подозрением, я начинаю с повторения того же, что проделал вчера. Прежде всего, пепельница на столе. К счастью, она чистая и сухая, и нет никаких следов, что ею недавно пользовались. Глубоко вдыхаю, принохиваюсь к запаху в комнате. Все тот же запах косметики, смешанный с запахом керосина... табаком не пахнет совсем. Под скатертью тоже один лишь пустой мрак. Потом взгляд скользит со шторы к книжной полке, а от книжной полки перелетает к телефону. По дороге его заставляет споткнуться и с неподдельным интересом возвратиться назад тот самый клочок бумаги, приколотый булавкой к шторе... прислушиваюсь к тому, что делается в соседней комнате, и, крадучись, обхожу стол и изучаю записку... семизначная цифра, написанная шариковой ручкой... специфически женский почерк, мелкий и четкий... номер телефона, который я запомнил... тот самый номер, который был на этикетке спичечного коробка из «Камелии». Но почему-то это открытие меня не особенно удивило. Вместо удивления сердце заледенело еще сильнее. Отгоняя от себя такую возможность, боясь ее, я в конечном счете ждал ее как нечто неизбежное. Значит, эта женщина совсем не была жертвой в чистом виде.

Неожиданно я становлюсь дерзким, грубым. Ну и хорошо, что стал таким, говорю я себе. Теперь меня отсюда уже никто не выгонит. У меня остался последний козырь – спички с разноцветными головками, да и то, что она заодно с таким же аферистом... ладно, но какой ужасный холод... вы действительно пьяны?... это, может быть, потому, что я трезвею... так что вам угодно?... да, действительно, что?... до самой последней минуты я нес в охапке такое огромное количество всего, что и обеими руками не удержишь... и то мгновение, когда я, остановив возле дома машину, посмотрел на лимонную штору, колебался – выйти, не выйти... натянутая улыбка самому себе в зеркале, когда выключал мотор... бетонные ступени, скрадывающие шаги... освещенная фонарем, выложенная прямоугольниками черно-белая лестничная площадка, похожая на алтарь... но сейчас мои руки пусты, как после нападения грабителей.

Вы пьяны?.. поразительно, в общем более двух часов прошло с тех пор, как я, оставив включенным отопление, до конца опустил стекло и подставлял лицо ледяным иглам ночного ветра. К тому же водка, которой вы меня попрекали, – тоже не по моей вине. Водкой меня угостил не кто иной, как ваш любезный, рассудительный, горячо любимый сообщник. Если уж кого и следует винить в злых умыслах...

Что это за звук? Он идет из кухни, сразу же за портьерой. Слабый звук ударяющихся друг о друга стаканов, ясно различимый в мертвой тишине... специфический звук столкновения жидкости с воздухом... похожий на тоскливое всхлипывание звук, издаваемый льющим пивом...

– Бутылочку пивка можно, наверно, а?

Нет особых оснований искушать меня. Я решил заглянуть в микроавтобус на берегу реки скорее из-за того, что проголодался. Подумать только, с самого утра у меня во рту не было ничего, кроме одной гречневой лепешки. И не потому, что негде было поесть – в Сантэмэ на улице, по которой ходят автобусы, я видел старомодный ресторанчик, каких сейчас уже почти нет, – а просто меня привлекала надежда: вдруг в микроавтобусе мне удастся не только поесть, но и хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию того, что на самом деле представляет собой самозванный братец.

– Все эти передвижные заведения на одно лицо, верно?

– Как я и предполагал, вы наблюдательны.

В самоуверенном смехе не было и тени робости.

– На экзамене при поступлении в агентство у меня не обнаружили особых достоинств, и только оценка за сбор информации была высшей... странно, да?.. экзамены были серьезные... например, после того как вместе с экзаменатором обходишь универсальный магазин, он спрашивает, с кем была женщина в красной юбке, какого цвета ботинки у мужчины, делавшего покупки в отделе галстуков?.. но экзамен по сбору информации несколько отличается... даются определенные условия, и ты должен дать четкие и определенные ответы на три вопроса: кого, о чем и как спрашивать... и я всегда чувствовал себя как рыба в воде... Экзаменатор слушал, спрашивал... а я отвечал... техника сбора информации сложна, но затыкать уши еще сложнее...

Зажатая между обрывом и насыпью, ограждающей грушевый сад, дорога, точно туннель, такая темная, что даже кажется, будто забыл включить фары... неожиданный порыв ветра чуть ли не вырывает из рук руль, холм и сад кончаются, и начинается короткий, крутой подъем. И сразу же мы оказываемся на дамбе, и дорога разветвляется вправо и влево. И тут же внизу открывается скопление огней. Но, в отличие от того, что я предполагал, они не растянуты в ряд, не образуют общей цепи иллюминации, связывающей между собой машины, нет музыки, нет праздничного гулянья. Просто несколько микроавтобусов с раскачивающимися на ветру круглыми красными фонариками, распахнув свои мрачные, бледные рты, образуют полукруг на берегу широкой обмелевшей реки, стоят на разном расстоянии один от другого, под разными углами.

Но взгляд привлекал скорее пейзаж в противоположной стороне от берега, за дамбой. До этого, скрытый насыпью грушевого сада, он не был виден – огромное пространство совершенно голой земли, на которой уничтожены поля, снесены постройки, выкорчеваны деревья, ярко освещалось, точно сцена, колоссальными, в метр диаметром, прожекторами. Справа, метрах в ста, строительная контора и несколько бараков, точно светящиеся кубики, вносили оживление – это был пульс жизни, копирующий большой город. Бульдозеры, экскаваторы, вгрызающиеся в холм прямо перед нами... узоры, беспорядочно прочерченные гусеничными тракторами... выложенная бетонными плитами дорога, соединяющая строительную площадку с шоссе... внезапно раздастся гудок, и машины и моторы, сотрясавшие своим ревом простирающееся над

ними черное небо, умолкают. Три грузовика помчались от бараков к строительной площадке. Каждый из них битком набит, похоже, строителями, едущими на работу, и, судя по тому, что освещение не гаснет, работы ведутся, наверно, без перерыва, в три смены. Горячее времечко, подал он голос, и мы направили машину к берегу реки.

Подъехав, мы увидели, что у микроавтобусов еще заметно некоторое оживление, во всяком случае большее, чем это казалось, когда мы смотрели на них с дамбы. Над раскрытыми настежь задними дверьми навешены деревянные козырьки от дождя, прилавком служат небольшие возвышения на полу; китайская лапша, сосиски, сакэ и острая закуска к нему – все это здесь едят стоя, пьют стоя. Позади прилавка, в глубине – газовая плита, и в каждом автобусе человек в белом фартуке, по виду повар, сидит на дзабутоне. Прилавок – всего десять сантиметров над полом, и поэтому ему приходится стоять на коленях.

Таких микроавтобусов всего шесть (не знаю – то ли рабочий с топливной базы соврал, то ли в этот вечер их было меньше, чем обычно), у трех из них по несколько посетителей. Как раз в центре образованного ими полукружия – две женщины и трое парней сидят вокруг костра, разложенного в металлической бочке... парни в черных сапогах, стеганых куртках и даже в фуфайках – сразу ясно, что это компания известного сорта. Женщины до ушей завернуты в толстые пальто – видны лишь волосы. Действительно, этим женщинам, волосы которых были кое-где подпалены языками пламени, вырывающимися из бочки, подходило название «дырявый дзабутон». От реки по гальке тяжело шлепает молодой парень, неся канистру из-под бензина. Воду, наверно, притащил. Вот почему здешнюю еду хочется продезинфицировать не простым, а подогретым сакэ, которое покрепче. Парень направляется прямо к крайнему в полукруге автобусу. Почему-то около него и посетителей нет, и фонарь потушен.

Правильно говорили рабочие с базы об этих автобусах, да и у самого хозяина действительно достаточно противный вид. Небритое лицо, на котором даже при голубоватом свете бросаются в глаза желтые отеки. Вытирая о фартук руки, глазами-щелками и нижней губой он изображает какое-то подобие приветливой улыбки.

– Замерзли, наверно? По стопочке теплого сакэ пойдет?

Точно завлекая, он повернулся ко мне, но я резко отказываюсь:

– Мне китайской лапши. Я за рулем.

Это не было ни позой, ни упрямством. Может быть, потому, что у наших профессий слишком много, казалось бы, сходных черт, существует тенденция больше, чем это необходимо, искать расположения полицейских. И в целях самозащиты нужно всегда стараться, чтобы у полицейских не складывалось о тебе дурного мнения. Конечно, будь я без машины, выпил бы с удовольствием. Если же я сейчас выпью, придется оставить машину здесь. Но, с другой стороны, вдруг поездка сюда завтра, за машиной, окупится – тогда другое дело. К примеру, вернувшись сюда, я смогу поймать господина М. и получить какие-то решающие показания...

Небритая морда аккуратно, кругообразными движениями, чтобы намотанная на палочки сырая лапша не рассыпалась, ловко опускает ее в кипящий котел. Специфический запах картофельной муки и свиного сала приятно щекочет нос.

– Если вам холодно, могу одолжить шарф. – И, повернувшись к Небритой морде: – Ну давай, что там у тебя.

Прежде чем Небритая морда начал шарить на полке за своей спиной, я отказался наотрез. Тогда брат, бросив: – Приготовишь нам еще яиц, пожалуй, – быстро пошел к костру. Парни поздоровались с ним по всей форме – упираясь руками в колени, выпрямились и склонили головы. А он лишь чуть кивнул, словно старший над ними. Женщины же с безразличным видом слегка помахали рукой. Да, такого нелегко раскусить. Не зря рабочий с базы назвал его пройдохливым коммивояжером. Значит, этот самозванный братец...

– Вы с тем малым из одной компании?

– Нет, просто знакомые.

Небритая морда снова принялся за работу и, как мне показалось, чуть-чуть улыбнулся. Свободной рукой он начинает чесать в паху. У меня наполовину пропадает аппетит, но, кажется, чешется он через штаны, а посуда как будто лежит в кипятке – так что не страшно.

...И все-таки мое первое впечатление от этого братца было верным... ждать от него правдивых сведений не приходится... хотя он и сказал, что занялся шантажом, чтобы покрыть расходы по розыску... а если для него цель розыска – или, еще лучше, провал розыска – получение алиби, которое даст ему возможность успешно проворачивать свои темные делишки, тогда, согласно принципу порочного круга, ему нечего особенно прибегать ко лжи. Мне сюда зачем соваться. Были бы расходы по розыску оплачены пусть хоть по фальшивому чеку, деньги получены – и меня это не касается.

Окружив костер, брат и парни о чем-то разговаривают. Женщины остаются безучастными. Мне чудится, что где-то, когда-то я уже видел точно такую сцену. Светящееся синим огнем поддувало, пробитое в брюхе железной бочки. Красный столб пламени, разбрасывая искры, взмывает в черное небо. Холод проникает сквозь подошвы ботинок. Может быть, благодаря дамбе здесь затишье, но над головой слышится вой ветра. Звук напоминает свист включенного на полную мощь радиоприемника, который никак не настраивается на нужную волну. Бесчисленные сухие пальцы, перебирая ветви и раскачивая верхушки деревьев на холме, заставляют их стонать. Я определяю на глаз, как делит автобус фанерная перегородка с маленькой дверью, перед которой сидит Небритая морда. Она идет примерно от середины автобуса чуть ли не до сиденья водителя. Значит, там хватит места для дырявых дзабутонов. Сгибая и разгибая пальцы на ногах, стараюсь вызвать приток крови.

– Развлекаются там, за перегородкой?

– Нет, в своей машине я не разрешаю этого делать... – Зачерпывая шумовкой готовую лапшу и давая стечь с нее воде, Небритая морда искоса смотрит на меня испытующе. – Лучше этого не делать... на кой нужны эти бабы, особо те, которые в такое место забрались, чтобы заработать...

– Тогда, может, у вас какие-то другие развлечения?

– Помещение внутри сдаю внаем. Сейчас его ваш приятель снимает... а меня, стоит мне сучку увидеть, с души воротит... спрашивал у доктора – говорит, сахарная болезнь... когда здесь поблизости бродит такая сучка с течкой, я прямо убить ее готов... но человек – нельзя убивать... смеетесь?... лучше бы я, когда помоложе был, занемог этой сахарной болезнью... не успел бы тогда дать ведьме свое имя... вот, возьмите яйца – эти крутые, эти нет... да и что толку женщинам сдавать, все равно этой банде платить надо, так что разницы никакой.

– И все же, интересное вы дельце придумали.

Грею руки о горячую, как огонь, миску с яйцами.

– Чем же интересное?... хорошо еще, если до того, как придется убраться отсюда, смогу выплатить деньги за машину.

– У вас и машина своя?

– Занятие оказалось не таким прибыльным, как думалось. Есть такая штука, как правила уличного движения, верно? Или такая, как контроль за соблюдением правил уличного движения... и, хоть у тебя машина, это совсем не значит, что ты можешь остановиться где вздумал и заниматься своей торговлей.

– Дайте перец...

– Да вот хотя бы возьмите берег реки или берег моря – правила уличного движения на такие места не распространяются, а все равно ограничивают... а где бойко идет торговля, кто половчее, тот тебя и обштопает. Потом банда эта – попробуй не дай ей денег, она твою торговлю быстро прикончит.

– Ничего не поделаешь, к услугам тех или иных людей всегда приходится прибегать.

– Пока соберешься кого-то съесть – тебя сожрут с потрохами. И никто тебе не поможет, никакая банда. Хочу вам вот что сказать, и не потому, что он, похоже, ваш приятель... этот малый дела обдывать мастак, верно?.. и не то чтобы срывает с тебя последнюю шкуру, а берет точно, как с самого начала договорились... вот кончу выплачивать за машину и, если она дотянет до тех пор, поеду летом на какое-нибудь морское побережье, подальше от города – на жизнь себе заработаю...

Этот тип, выдававший себя за брата, говорил, что пытался найти здесь *его* следы, но безуспешно. Это же утверждали и управляющий торговой фирмы «Дайнэн», и молодой ее сотрудник Тасиро. И вот теперь, собственными глазами увидев топливную базу М., собственными ногами похаживая по городу F., я тоже стал постепенно приходить к той же мысли. С городом F. *его* связывала только топливная база М. И это были самые обыкновенные, ничем не примечательные отношения оптовой фирмы и розничной базы. Естественно, поскольку отношения были самыми обыкновенными, появление на сцене брата не могло служить для отвода глаз, но почему же тогда человек, по работе никак с пропавшим не связанный, за исключением того, что был *его* шурином, тоже оказался связанным с городом F.? Может быть, опять не более чем одна из любимых этим типом случайностей?

Видимо, вряд ли можно считать необоснованным предположение, что звено, соединяющее *его* с городом F., и звено, соединяющее с городом F. брата, совершенно самостоятельные, не связанные между собой... может быть, я преувеличиваю... но, уж во всяком случае, благодаря существованию моей заявительницы, то есть *его* жены и сестры этого типа, два этих звена неразрывно связаны между собой. А если так, то нагромождением небывлиц сейчас пытаются разорвать связь между этими двумя звеньями... и управляющий фирмы «Дайнэн», и даже совсем еще зеленый Тасиро вошли в преступную сделку с братом, превратившись тем самым в сообщников, и им удалось сбежать в безопасную зону, где для меня они недостижимы. Если следовать предостережениям шефа, то мне не остается ничего другого, как стать в нахальную позу: мол, деньги мне платят за то, что я, вместо того чтобы слушать, затыкаю уши, вместо того чтобы смотреть – закрываю глаза, вместо того чтобы действовать – прохлаждаюсь.

Испуганно заревел второй гудок. Покусывая нижнюю губу и пиная ногой гальку, даже не стараясь скрыть раздражения, от костра возвращается брат. И почти выхватывает из рук Небритой морды сразу же наполненную им дымящуюся чашку.

– Для развлечения гостей всего две женщины. Куда же остальные подевались?

– Может, потому, что грипп свирепствует?.. – крутит головой Небритая морда, наливая в чашки чай из голубого эмалированного чайника.

– Грипп? – Судорожно усмехнувшись, брат медленно поворачивается ко мне. – Никудышные люди, никудышные. Опротивели они мне. Женщины в годах, что им нос-то задирать – ведь за вычетом каждая свою долю получает. Может, они считают, что достаточно подзаработали, и решили чистенькими стать? Да только кто их теперь таких любить-то будет?..

Внезапно раздается грохот, дрожит земля. Началась работа. И люди, повернувшись спиной к освещению на гребне дамбы, стали прыжками, точно танцуя, спускаться вниз. Те, кто закончил смену, помывшись, направляются сюда, чтобы выпить теплого сакэ.

– Две женщины всего... ну что ты будешь делать...

На этот раз, не беря чашку в руки, он наклонился над ней и в два глотка втянул содержимое. На дне толстой чашки сверкнул блик, полумесяцем отражаясь на его влажном подбородке.

– Так, значит, это и есть ваше дело?

– Дело? – хмыкнул он и чуть ли не застенчиво улыбнулся. – Все-таки это отличается от воровства или грабежа... конечно, если здание стационарное, тут хлопот не оберешься... а вот автомобиль, который все время с места на место переезжает, – это пожалуйста... интересная штука – закон... когда речь идет об опасности наводнения, жизнь человека уважают.

– Вы уже давно занимаетесь этим?..

– Сразу же, как начались здесь работы, – значит с июля прошлого года.

С июля прошлого года?.. что же тогда произошло?.. точно, это как раз тот месяц, когда топливная база М. сменила контрагента и им стала фирма «Дайнэн»... здесь снова соединяются два звена... но действительно ли два звена?.. не окажется ли неожиданно, что звено-то одно... а в августе он исчезает... нужно рискнуть и попытаться узнать у брата, что это за документы, которыми он собирался шантажировать хозяина топливной базы... нет, даже если он и ответит на мой вопрос, все равно я сам, без его помощи обязан вывести его на чистую воду... значит, нужно расставить сеть так, чтобы в нее попал этот человек?.. а если в сеть вместе с ним попадет и заявительница?.. в какой же бездонный омут недомолвок попал я!..

– Ладно, будь что будет, выпью, пожалуй, за компанию стаканчик. Машину можно где-нибудь здесь оставить, верно? Холодно, сил нет.

– Похвальная осторожность. – И, глядя на меня покровительственно: – Если оставите здесь, положитесь на меня. Можете даже оставить ее на хранение вместе с собой. Крыши над головой, правда, нет, но здесь, у дамбы, все равно что у себя дома.

– Все это хорошо, но... – ворчит Небритая морда, ставя передо мной стакан.

– Что ты хочешь сказать? – сурово, с упреком говорит брат. – Чего тебе не хватает, а, говори же?

– А я разве говорю, что не хватает, – лениво покачивается он, – зачем зря придираешься-то?

– Тогда выражайся ясней! Почему сегодня все идет вкривь и вкось?

Небритая морда продолжал покачиваться, как затосковавшая обезьяна.

– Сами поглядите: посетителей сегодня навалом, это как-то уж больно хорошо, неспроста, верно?

– Хватит болтать.

– Вы и правда ничего не слышали?

– Нет.

– Вот оно что, – впервые поднял он одутловатое лицо, в котором сквозила тревога. – Сегодня вечером будет заваруха... все, кто в автобусах живет, тоже куда-то пропали...

– Может, выскажешься пояснее?

– Да я не знаю. Просто слухи такие. Что женщин сегодня нет, мне плевать. Но вот что не нравится мне – не одних женщин-то нет. Если случится то, о чем говорят, то людей, пожалуй, у нас маловато. Ребят сегодня трое всего.

– А что говорят-то, ты слышал?

– Да это всем известно... касается вас, я и рассчитывал, что вы как-нибудь все уладите. Вот это здорово, мы здесь на него надеемся, а он даже и не знает, какие слухи ходят...

Посетителей не было только у нашего автобуса. В течение нескольких минут, пока мое внимание было приковано к стакану с сакэ, вокруг каждого фонарика, образуя живую стену, столпилось, точно выплыв из тьмы, по четыре-пять, а кое-где и по семь-восемь человек. Но атмосфера тревоги как-то не ощущалась. Каждый, ссутулившись, залпом выпивал свой стаканчик сакэ и вылавливал из тарелки закуску. А может быть, мне кажется, что все спокойно, потому что я не знаю, как здесь бывает обычно? Если уж выискивать, что вселяло беспокойство, – так это, пожалуй, то, что среди толпившихся людей некоторые в защитных касках, хотя сейчас они были не на работе. Но не исключено, что надели они их просто из-за холода... да и вокруг костра в прежних позах замерли те пятеро... вроде бы никто из посетителей не заигрывает с женщинами...

Шея брата вдруг напрягается. Он слегка наклоняет голову вперед, как птица, приготовившаяся к нападению, и с недопитой чашкой в руке упругим шагом неожиданно направляется к костру. Чтобы не спотыкаться о камни, он идет на цыпочках, и его спина на фоне еще более огромной тьмы уже не кажется черной стеной.

– Что, начинается?

– Неплохой человек. – Небритая морда с сигаретой в зубах снова начинает покачиваться. – Не такой уж плохой человек, а вот ненавидят его. Человек он с умом, толковый человек, и зачем ему нужно так уж жать. Кому понравится, что он устроил этим, из барак: выпивку и закуску дают только в кредит? Подмазал управляющего ихней конторой и сделал так, что деньги, которые они ему должны, вычитают из жалованья.

– Здорово...

– Во куда они забрались, чтобы подработать, да из этого все равно ничего не выйдет. И ведь знают, что будут жалеть, когда кредит покрывать придется, а все равно таким способом их заставляют раскошелиться.

– Затевать историю из-за такого-то пустяка странно.

– Послезавтра... пятнадцатого, день выплаты – вот такое дело... еще стаканчик?

– Только за свои деньги.

Небритая морда, туша сигарету об угол плиты, улыбается. Бросив мельком взгляд на машину, я обращаю внимание на выпуклое продолговатое зеркало у ветрового стекла, которое позволяет, сидя в ней, видеть, что делается на берегу. Пять человек у костра, все как один, наклонившись к огню, неподвижны, словно фигуры на картине. Небритая морда, будто разговаривая сам с собой:

– Да, неплохой человек... вот хоть эти женщины – ведь тем, кто в бараках живет, лишь бы баба, хоть кривая – другие от такой хари бежали бы без оглядки. Да и этим крепкозадым кобылам все равно, с каким мужиком переспать. Одна, говорят, гостя к себе допустит, а сама спит-похрапывает и вроде уже миллион заработала.

– Кому хочется наживать врагов, верно?

– Ого, – сразу понижает голос, – сколько народу собралось там... разве это не чудно?... не люблю я такие сборища... а вот те на дамбе – эти уж точно на стреме стоят.

– Может, вы зря беспокоитесь?

– Смотрите, сволочи, накачиваются. Они собираются обчистить все автобусы. Сейчас сюда придут, это уж точно.

– Кто-то, наверно, направляет их действия, верно?

– Не знаю...

– К примеру, член муниципалитета, пользующийся здесь влиянием...

– У вас тоже значок?... если есть, то, хоть и под отворотом, все равно выбросьте его поскорей...

Я все еще недооценивал происходящее. Даже если что-то и случится, думал я, все ограничится криками и шумом. Пусть покричат. В результате лишь станет ясно, что у брата есть враги. Для меня важно одно – воспользоваться этим случаем, чтобы разнюхать, что эти люди думают о нем. Любая окружность имеет точку, с которой она начинается, и точку, которой она заканчивается... любой лабиринт имеет вход, имеет и выход... а, будь что будет, лишь бы произошло все это поинтереснее, поярче...

Может быть, из-за холода и напряжения сакэ совсем на меня не действовало. Или просто чашка такая толстая, и кажется, что выпил больше, чем на самом деле. Попросил еще порцию – четвертую.

Трое рабочих, держась за руки, шатаясь подходят к автобусу, у которого я стою. Шатаются все трое потому, что средний, в теплом кимоно на вате, которого с двух сторон поддерживают товарищи, еле стоит на ногах. Левый, здоровенный детина с выдающимся вперед подбородком, зло рассматривает меня, но ничего не говорит. Может быть, ищет значок? Тот, что в толстом кимоно, орет «водки», а между выкриками плачет навзрыд... Понимаешь, в заявлении о розыске пропавшего без вести имя надо писать, это я тебе точно говорю. Жена пошла в управу подавать заявление о розыске, ее и спросили, а как имя, кого ты разыскиваешь?..

Да плюнь ты. Это говорил приятный на вид, невысокий человек с растрепанными волосами, шедший справа, поглаживая плакавшего по спине. Если не плюнешь на все, тогда тебе хоть подыхай... Водки! – вопит тот, что в теплом кимоно, по-прежнему заливаясь слезами... Да что там заявление о пропавшем без вести. Напиши хоть одно письмецо, узнают, что работаешь, – и конец пособию. Я бабе своей сказал, два года молчи и терпи. Считай, что муж твой помер, и терпи. Хочешь пособие получать – давай хитрить, делать нечего. Верзила неожиданно внятным тихим голосом: плюнь ты, не из-за жены это управа запрос прислала. Управа надумала конец положить пособию – вот и прислала... Запрос о розыске у прораба. А он грозитя – или сам пиши письмо, или я свяжусь с управой... Плюнь. Мы свидетели, что ты здесь. И руки целы, и ноги – какой там пропавший без вести, смех один. Точно – ты здесь живешь. И все... Я здесь... Верзила и маленький хором орали с двух сторон... Верно, ты живешь здесь!.. Водки! Сволочи! Не хочу письма слать... Управа подвохи устраивает. Плюнь... Не ной, и в патинко⁵ не пойдем играть. Сказали тебе – никакой ты не пропавший без вести, ну и пошли водку пить...

Небритая морда, подняв большой палец, подает мне какой-то сигнал... бросаю взгляд на зеркало у ветрового стекла – брат, стоя примерно посредине между костром и автобусом, беспрерывно делает мне рукой знаки... я ухожу тихо, чтобы не привлечь внимания трех приятелей... идти очень трудно из-за гальки, устилающей берег реки... а может быть, я опьянел сильнее, чем мне вначале казалось?..

Брат хватает меня за руку, идет куда-то в сторону, точно увлекая меня во тьму, и говорит с беспокойством:

– Здесь происходит что-то странное, знаете, лучше уезжайте отсюда.

– Странное, в каком смысле?

– Не понимаете?.. – И, беспокойно оглядываясь по сторонам: – Здесь что-то затевается.

– Я сейчас видел пьяных – занятные. На одного получен запрос о розыске, и он разре-
велся...

– Дурачье отпетое.

– А хозяин топливной базы, наверно, где-то здесь поблизости.

Он отпустил мою руку и остановился, вглядываясь во тьму.

– Оставьте ненужные предположения. Говорю же, искать в таком месте – пустая трата времени. Ведь тридцать тысяч в неделю – может, это и шальные деньги, но ими только-только расходы покроешь. Прошу вас, уезжайте отсюда побыстрее.

– Но я совсем не держусь на ногах.

– Если эти негодяи по-настоящему взбунтуются, здесь начнется такая заваруха...

И в это время случилось вот что. Компания – их было человек семь-восемь, – медленно проходившая мимо костра и делавшая вид, что идет от одного автобуса к другому, вдруг резко изменила направление и кольцом окружила костер. Потом – кто начал первым, не знаю – люди неожиданно сплелись в черный клубок, женщины с воплем бросились было в нашу сторону. Но их тут же схватили. Подоспело подкрепление. Женщин взвалили на плечи, как мешки с картошкой, и утащили от автобусов во тьму. Хрипая ругань женщин, крики о помощи. Но и это продолжается всего лишь мгновение, покрывая ругань и крики, у автобуса, около самой дамбы, взрывается рев. Звон разбитого стекла. Камень, пролетев сквозь автобус, падает к моим ногам. Около костра обстановка тоже меняется: теперь уже трое парней переходят в контратаку. Они схватили одного из рабочих, ударили его чем-то по голове, и тот с воем рухнул на землю. Упавшего бьют ногами, может быть, у него даже сломана рука, и он, скорчившись, катается по земле. Несколько рабочих переворачивают ногами горящую бочку и, размахивая пылающими головешками, нападают на троих парней. Однако молодые ребята более ловкие и быстрые. И поэтому, хотя в руках у рабочих мощное оружие, они вынуждены отступить.

⁵ Патинко — японские игровые автоматы, автоматическая рулетка.

Тогда рабочие решают использовать головешки для нападения на автобусы: они бросают их в разбитые окна. А трех парней атакуют камнями. В ответ те тоже бросают камни, но тут уж побеждает число. Молодые парни отступают, и тогда в объекты нападения превращаются автобусы. Выброшенные из автобусов плиты... газовые баллоны, из которых вырывается пламя... разбитая посуда... но разрушительная сила нападавших не проявилась еще в полную мощь – видимо, потому, что они разрывались между соблазном ринуться вслед за женщинами, которых утащили в сторону от реки, и возможностью напиться дармовой водки – теперь ее вдоволь.

– Схожу в контору, предупрежу.

Сказав это, брат убегает, пробираясь между дерущимися. Он уже совсем было пересек полукруг, образуемый автобусами, когда его догнали несколько рабочих и повалили на землю. Однако я даже не подумал двинуться с места. Задумчиво глядя на катающийся черный клубок, я нисколько не сожалел, что не протягиваю руку помощи, да и не считал, что должен что-то сделать.

Но неожиданно приходит спасение. Самый дальний автобус, более или менее избежавший разгрома – видимо, потому, что водки было слишком много и все были поглощены выпивкой, – неожиданно взревел мотором и как был с открытой задней дверью, теряя по дороге товары и забравшихся в него рабочих, помчался вперед, расшвыривая мелкую гальку.

Внимание нападающих сосредоточивается на нем. Некоторые, схватив камни, бросились за ним вдогонку, а некоторые даже пытаются забраться в него через окна. Но микроавтобус, мотор которого, думаю, был меньше тысячи кубических сантиметров, со скрежетом, будто пилят металл, из последних сил преодолевает подъем на дамбу и отрывается от преследователей.

Успех беглеца дал и ему, и другим автобусам возможность бежать. Пока рабочие гнались за уносящимся автобусом, оставшиеся автобусы разом завели моторы и, газуя изо всех сил, понеслись по берегу.

Я видел краем глаза, как человек, называвший себя братом, брошенный нападавшими, ползет на четвереньках к зарослям сухой травы у основания дамбы, и один хотел было бежать к своей машине, счастливо избежавшей нападения... и вдруг спохватился: я забыл нечто весьма важное... *его* дневник... нужно напомнить о дневнике, который он обещал принести послезавтра к сестре. Подумал, что будет нелишне, если он подтвердит это обещание... но брата нигде не было видно – здорово, наверно, спрятался... а помедли я еще хоть секунду – и снова полетят камни... пригнувшись, делаю отчаянный рывок... в спину попадает камень, но боли не чувствую. Хуже, что задыхаюсь, горло перехватывает. Наверно, сказалась выпивка. Но все равно я удивительно спокоен, нахожу ключ, на это уходит не так уж много времени, и буквально одним движением завожу мотор. Большая часть рабочих столпилась у дороги, идущей вдоль склона насыпи, – у единственной дороги для автомашин, связывающей насыпь с берегом. Не успевшие удрать два последних автобуса, с зажженными фарами, неистово сигналивая, пытаются прорваться через толпу. Один из них каким-то образом проскакивает. А второй, видимо впопыхах сорвав сцепление, посреди подъема неожиданно теряет скорость, и подлетевшие рабочие переворачивают его и легко сбрасывают под откос, где он и остается лежать вверх колесами. Фары ярко освещают склон насыпи, метров двадцать в ширину. Из сухой травы вертикально торчит белая палка – в ней таится какой-то зловещий смысл, но назначение ее неясно. На фоне насыпи бурлит черная толпа, некоторые взобрались на перевернутый автобус, который уже вхолостую крутит колесами. Подстрекатель, конечно, среди них. Если бы только удалось рассмотреть его, хотя бы в самых общих чертах, представился бы прекрасный случай обнаружить врага этого самого брата – должен же он существовать... но вот еще более громкий вопль... звон разлетающегося стекла... глушу мотор, гашу фары. Вокруг того места, где раньше стояла бочка, красные огоньки беспорядочно разбросанных головешек... кто лежит на земле неподвижно – пьяный или раненый, кто ползет, кто, как лунатик, шатаясь, плетется к

реке... но какое счастье, что перевернутый автобус не загородил дорогу. Правда, моя машина вполтину меньше автобуса. Малейшая ошибка, и ее судьба будет точно такой же.

С потушенными фарами отъезжаю далеко от берега реки. Около перевернутой бочки ко мне подбегают трое молодых парней и просят помощи, но тут их настигают нападающие и грубо валят на землю. А может, их было уже не трое, а всего двое.

Я не обращаю на них никакого внимания. Стараюсь ехать как можно медленнее, и машина, точно проходя испытание на прочность, вся дрожит и воем, готовая вот-вот развалиться. Если она сорвется в кювет и здоровенный камень пропорет ей брюхо – тогда конец. Но, не доезжая до редких зарослей ивы, я сталкиваюсь, как и предполагал, со второй копошащейся толпой. Это те, кто утащил женщин. Я еще больше сбавляю скорость и, когда преследователи, уверенные, что настигают меня, подбегают почти вплотную, круто поворачиваю и, направив машину к подъему на насыпь, нажимаю на газ. Меня подхлестывает грохот, будто молотом изо всех сил бьют по мотору, стараясь разбить его на мелкие кусочки...

Все идет как будто хорошо. Большинство преследователей оставляют меня, захваченные зрелищем обряда, в котором участвовали женщины, стараясь ничего не пропустить. Поскольку фары потушены, я так и не разглядел толком, что за обряд совершался. На ум приходит лишь скользкая туша, освежеванная, разделанная и подвешенная на крюк в холодильнике мясной лавки. Фонари погашены, но зато полыхают огромные факелы, кругом царит дух истерического торжества. Потому-то на мою машину и не обратили никакого внимания. Взобравшись на дамбу, включаю наконец фары. И вдруг все тело становится точно каменным, плечи и колени онемели, в глазах темно – видно еще хуже, чем когда фары были потушены. Переключаю скорость, до упора нажимаю на газ, но машина еле движется, точно ручная тележка. Невыносимый страх леденит затылок. Постой, горелой резиной же пахнет. Ручной тормоз отпущен не до конца. Включив печку, опускаю стекло и только тогда ощущаю в переносице тяжесть опьянения.

Между тем в облике женщины ни малейшего признака опьянения. Положив на мужской плащ, перекинутый через руку, сложенную старую газету и придерживая все это сверху другой рукой, она плечом отодвигает портьеру, отделяющую комнату от кухни, и входит легкой девичьей походкой, почти на цыпочках.

Видимо, она наскоро привела себя в порядок: матовая гладкая кожа, легкие отметинки веснушек – лицо вновь обрело свою обычную свежесть, волосы приглажены щеткой. Что это? – сознательное стремление выглядеть женственней или, наоборот, манера поведения – скорее проявление настороженности, желание скрыть истинное лицо... все равно эффективность ее ухищрений сомнительна... благодаря косметике эта женщина становится словно прозрачной – слишком отчетливо раскрывается ее сущность. Застланный туманом город давней мечты... задохнувшийся в молочном тумане далекий город, переполнявший меня страстным желанием еще до того, как я стал таким, как сейчас, город, который я помню спустя много-много дней... но именно благодаря рамке он выглядит пейзажем, и, может быть, потому, что я считаю его пейзажем, он и кажется прозрачным?... а если убрать рамку – один туман... и сколько ни трогай рукой, по непрозрачности он ничуть не уступает железобетонной стене... не обольщайся, пока нет никаких доказательств, что эта женщина не сообщница... неожиданно в ушах звенит слабый женский крик, тот, что я слышал на берегу, и из тумана выплывает маленькая, как кусочек луны, разделанная туша, с которой капает черная жидкость...

Она прошла мимо книжной полки, положила плащ на угол стола и, расправив газету, протянула ее мне, а сама села на тот же стул, что и вчера, но приняла несколько иную позу – теперь линия, разграничивающая книжную полку и лимонную штору, проходила у ее правого уха. Хрупкое ухо, готовое от грубого прикосновения рассыпаться на мелкие кусочки, как фар-

фор... некоторым захочется, наверно, уберечь его, другим – расколоть... к какому, интересно, типу принадлежал *он*?..

– Это газета, но...

Сложенная пополам и еще вчетверо спортивная газета. Бросается в глаза, что она рваная и затертая, правда меньше, чем спичечный коробок. Вдруг красные иероглифы: «Всепобеждающий меч гнева. Еще шаг – и убийца». Это статья о реслинге.

– От четвертого июня?.. он, видно, долго носил ее с собой...

Переворачиваю страницу – статья о профессиональном бейсболе. Ниже – подробная реклама лекарства от простуды. Третья страница наполовину заполнена фотографиями улыбающихся молодых певцов и сплетнями об их любовных похождениях. Внизу небольшие, обведенные рамкой объявления по тысяче иен за строку. Требуются рабочие, сдаются номера в гостинице, производятся финансовые операции, сдаются квартиры и прочая смесь... смесь, за исключением объявления о продаже собаки, касалась исключительно венерических болезней, лечения бесплодия или предотвращения беременности. Последняя страница – результаты и прогнозы бегов и автомобильных гонок; программы радио и телевидения и реклама фильмов. Внизу на три колонки объявления о наборе рабочей силы. Лишь одно объявление о розыске пропавшего без вести, но оно как будто не имело к *нему* никакого отношения.

– Она и раньше была такая рваная? Или, может быть, вы слишком часто рассматривали ее?

– Да, я тоже трогала, но... – и, отведя взгляд от газеты и спокойно посмотрев мне прямо в лицо, – но рваная она была и раньше.

– Когда ваш муж последний раз надевал плащ? Наверно, не помните.

– Не знаю, как это назвать, безалаберностью или предусмотрительностью, но он почти всегда оставлял его в машине. Когда бы ни пошел дождь – всегда под рукой, говорил он... если бы муж не собрался продавать машину и специально не принес плащ домой, я бы, наверно, даже не вспомнила о его существовании.

– Машину? Продал машину? Когда?

Непроизвольно перейдя на тон допроса, я стал понуждать ее к ответу. Но женщина, нисколько не растерявшись и поглаживая пальцами угол стола, будто сомневаясь в чем-то:

– За день до этого, а может быть, за два... во всяком случае, плащ он принес, пожалуй, за неделю до продажи машины... положил в чемодан и забыл...

– Но вчера вы говорили совсем другое.

– Возможно... странно, не правда ли?

– Ведь я же спрашивал, действительно ли машина в ремонте, и вот...

– Значит, это муж мне так сказал.

– Куда девалась машина, брат должен был знать, зачем же вам понадобилось говорить неправду?

Не зашел ли я слишком далеко? Загнав заявительницу в угол, из которого ей не выбраться... сам натворил – сам и расхлебывай... и это не ловушка, расставленная преднамеренно. Но и стена, к которой, казалось, прижата женщина, для нее не большая преграда, чем размокшая бумага... чуть смущенная улыбка...

– У меня уж такое обыкновение – говорить, что на ум придет... вобью себе что-нибудь в голову... вот и сегодня полдня весь дом обыскивала... точно в прятки играла – и в платяном шкафу, и даже за книжным шкафом искала... мне казалось, что он превратился в червячка... и тогда я намазала на бумажку мед и положила ее под кровать.

Губы ее дрожат, дыхание прерывается. Мне кажется, что она вот-вот расплачется, я даже растерялся.

– Собственно, то, что вы неохотно сообщаете сведения, наносит ущерб нам обоим. Вы не только направляете меня по ложному следу, но и несете из-за этого напрасные расходы. А что за человек купил эту машину?

– Очень хороший человек... – И вдруг, точно опомнившись и глядя мне прямо в глаза: – Нет-нет, вы ошибаетесь, если бы он деньги не хотел отдавать или был бы связан с исчезновением мужа, то одно из двух: либо что-то рассказал бы, либо совсем бы не показывался... и тогда я бы просто и не узнала о существовании этого человека. В общем, им можно не заниматься...

– Профессия?

– Кажется, водитель такси.

– За сколько продана машина?

– Что-то около ста шестидесяти тысяч иен...

– Он уже выплатил полностью?

– Да, он мне расписку показывал.

– Значит, муж собирал деньги, чтобы уйти из дому?

– Не может быть. Не могу поверить. – Неожиданно лицо женщины, до этого безмятежное, гладкое, точно восковое, стало колючим, шершавым, точно его обсыпали песком, вокруг губ, вытянувшихся и ставших похожими на сосок, залегли мелкие светлые морщинки. Она с силой прикусывает ноготь большого пальца. – У вас же нет доказательств, значит вы не можете так говорить.

– Но ведь доказательства складываются из фактов. И я оказался в весьма затруднительном положении, поскольку вы, как мне кажется, не проявляете особого интереса к фактам...

– Все равно не могу верить... человек пропал без вести – это правда, и все же... еще вопрос, из-за чего он убежал... совсем не обязательно, что он убежал из-за меня... думаю, что не из-за меня... из-за чего-то другого...

Я прихожу в уныние. Положив на колени чемодан, открываю крышку.

– Я вам покажу донесение. В нем действительно одни неприятные факты.

Как я и ожидал, женщина садится и с напряженным лицом начинает читать – сначала бегло, а потом снова, теперь уже медленно, осторожно, будто переходя через пропасть по круглому бревну...

– Факт, он вроде моллюска. Чем больше его вертишь в руках, тем плотнее сжимает он створки... а если попытаешься раскрыть его силой, он погибает: теряет прошлое, лишается будущего... остается только ждать, пока он сам не раскроется изнутри... к примеру, эта газета... а вдруг окажется потом, что в ней спрятан ключ к разгадке?... считать так лучше всего, почему газета была вместе со спичечным коробком?... причина как будто есть, но факт остается фактом – там, где я ожидал что-то найти, ничего не обнаружено...

Женщина поднимает глаза от донесения. Я и раньше замечал, как резко меняется выражение ее лица, но на этот раз оно было совершенно новым, такое я увидел впервые. Оно выражало испуг, мольбу, растерянность, будто, набрав в рот воды, забыла ее выплюнуть; тяжело дыша, с покрасневшими веками, она не сказала, а скорее выдохнула:

– Связь есть. Мне жаль, что ввела вас в заблуждение, но...

– Автомобильные гонки? Бега... Да?

– Нет, номер телефона.

– Номер телефона?

– Скрывать или еще что – я совсем не собиралась этого делать, но вот...

– Какой номер телефона?

– Такой же, как на спичечном коробке... где-то он должен быть...

Палец женщины, как муравей, наклонивший головку, безостановочно, беспорядочно бегаёт по колонке объявлений о найме рабочей силы на четвертой странице. Кукольный палец,

маленький и гибкий, точно без костей... похожий на игрушечный пальчик, который не поранить даже ложью...

– Требуется официантка?

– Нет-нет, водитель... ага, вот.

Под остановившимся наконец пальцем женщины:

«Водитель. Желательно первоклассный. Возраст любой. Нужны рекомендации. Можно прислать либо принести лично».

И номер телефона слева внизу тот же, что и на спичечном коробке из кафе «Камелия».

– Видите, я не обманываю, – бросает она с отчаянным вызовом и, покачав головой: – Сама не понимаю, почему я молчала. Может быть, действительно потому, что боюсь фактов...

– Я не собираюсь докапываться до истины. Я не прокурор и не судья. Я ваш работник, нанятый за деньги. Следовательно, интересы заявительницы и ее безопасность для меня превыше истины. Если есть какие-либо угрожающие факты, скажите мне об этом. Мой долг – оградить вас от них. Какие же факты представляются вам угрожающими?

– Угрожающих нет. Об этом факте я рассказала все, что знаю... – Женщина потупилась и вдруг неожиданно подалась вперед. – Пива не выпьете?

– Если только самую малость за компанию...

Сейчас было совсем уж неуместно проявлять заботу о ее здоровье. Пиво ей необходимо. Мне же необходима эта пьющая пиво женщина. Да и, кроме того, хватит ставить ей ненужные рогатки. Как собачонка, спущенная с поводка, она вприпрыжку побежала к портьеру, отделяющей кухню.

– Ну вот... хоть я и говорила, что сообщила все, что знаю, но, может быть, вот еще что... я сама ходила в то кафе, спрашивала и узнала, что он выступал как посредник – один знакомый попросил его нанять шофера для личной машины... мне сказали, что давно все улажено... ничего удивительного – к тому времени объявление уже было месячной давности...

На губах женщины, возвратившейся с пивом, застыла белая пена.

– Но он же не все время занимался такого рода посредничеством?

– Почему же, он посредничал, когда время от времени приезжали знакомые из провинции и им нужен был шофер, хорошо знающий Токио. Собственно, он мог бы и сам поместить подобное объявление.

– Резонно.

Осторожно разливая пиво по стаканам, женщина, точно ища сочувствия, заискивающе улыбается и садится.

– То дело уже давно улажено.

– А что это за номер телефона приколот к шторе?

– Да тот же номер...

– Зачем?

– Видите ли... – И, залпом отпив треть стакана: – Особой причины нет... в общем, не знаю я. Но почему вы относитесь ко мне с таким предубеждением?

– А мне кажется, что вы. Когда я спросил вас о газетном объявлении, вы пришли в несколько странное замешательство.

– Это верно... почему же?... – Держа стакан в обеих руках и глядя на меня, будто вспоминает о каком-то событии десятилетней давности. – Действительно, почему же?... мои ответы всегда кажутся противоречивыми... но, знаете, на факты тоже не всегда можно полагаться... где бы ни был этот человек, что бы он ни делал, все равно... факт, что его нет... это действительно факт... но необходимо его объяснить... почему его не стало?... проблема в том, чтобы объяснить это... вот и все...

– Но если факт не будет установлен, не удастся и объяснить его.

– Достаточно одного объяснения.

– Вам не кажется, что это мог бы сделать только сам ваш муж? Самое большее, на что я способен, – выяснить его местонахождение.

– Что за самоуничтожение.

– Самоуничтожение?

– Зачем вы выбрали себе такую профессию?

– Я должен отвечать?

– Мне всегда интересно, почему люди выбирают то или другое...

– Все это мелочи, не имеющие отношения к делу. Как только человек, убежавший из дома, обнаружен, безрассудство его тут же испаряется и он спокойно возвращается в свое старое гнездо. А побуждения и объяснения – стоит ли вообще о них думать?

– Вам уже случалось разыскивать убежавших из дому?

– Конечно... но, как правило, с самого начала существуют определенные предположения, следы ведут к женщине... да, почти всегда замешана женщина... расспросы и слежка в течение каких-нибудь трех-четырех дней – и все в порядке... видите ли, кому нравится обращаться в частное сыскное агентство?... это и денег стоит, и есть опасность повредить репутации человека, которого разыскивают...

– Видимо, вы правы...

– Ваш муж был нервным?

– Скорее, пожалуй, беспокойным. Это даже в одежде проявлялось...

– Человек действия?

– Я бы скорее сказала, что он был ужасно осмотнительным.

– Вы уж, пожалуйста, не противоречьте сами себе. Исчезновение может быть либо активным, либо пассивным, и смысл его в зависимости от этого абсолютно различен.

– Во всяком случае, это факт, что он был увлекающейся натурой. До глупости...

– В чем же проявлялась его увлеченность?

– Во всем... он часто бывал похож на ребенка...

– Автомашина, фотоаппарат?..

– Да, автомашина, у него был даже диплом автомеханика...

– И он этим зарабатывал?..

– Он увлекался дипломами. Просто помешан был на дипломах... водительских прав у него было несколько, даже права на вождение тяжелых грузовиков двух типов, а кроме того – диплом радиста, диплом электросварщика, разрешение на работу со взрывоопасными материалами...

– Была ли какая-нибудь связь между характером его деятельности в фирме «Дайнэн» и разрешением на работу с взрывоопасными материалами?

– Видимо, да.

– У него, по всей вероятности, была практическая жилка.

Начинаю постигать неудобоваримое сочетание книг в его библиотеке. Электричество, связь, машиностроение, юриспруденция, статистика, языкознание – поразительный разнород. И притом не сугубо специальная литература, а сборники экзаменационных вопросов, справочники для поступающих в учебные заведения, – в общем, составить об этой литературе цельное представление трудно, потому что хозяин помешан на дипломах – эта его ярко выраженная склонность и определяла подбор библиотеки.

– Потом диплом инженера по киноаппаратуре, диплом преподавателя средней школы...

– Ну и неустойчивый же у него характер...

– Может быть, он просто любил одерживать победу.

– А в последнее время какой диплом его интересовал?

– Тогда... что же это было?.. да, он говорил, что хочет стать радистом второго класса, и все свободное время что-то выстукивал пальцем...

- Радистом второго класса?..
- Если бы он получил такой диплом, ему бы удалось наняться на большое торговое судно. И жалованье бы получал раза в три больше, чем сейчас, – в общем, журавль в небе...
- Простите, какое жалованье было у него в фирме «Дайнэн»?
- Пятьдесят тысяч иен.
- Будь он шофер такси, получал бы примерно столько же, правда?
- Но ему больше нравилась работа автомеханика, и он был... ну, что ли, маклером по продаже подержанных автомашин...
- Да, ваш брат мне уже говорил об этом.
- Брат? Вы с ним виделись?
- Как ни странно, мы с ним встречались везде, куда бы я ни направлялся. И как раз перед тем, как приехать к вам, мы с ним дружески выпивали.
- Действительно странно.
- Приятный человек. Если так пойдет и дальше, мы с ним, пожалуй, будем видеться раз по десять на дню. Да-да, пока не забыл... Мы с ним договорились, что завтра он принесет сюда дневник вашего мужа, так что...
- Дневник?..
- Кажется, в нем нет ничего интересного.
- Я наблюдаю. Чтобы не упустить малейшей перемены в выражении ее лица, после того как мы заговорили о брате. Чуть нахмуренные брови, напряженные губы... растерянность, смущение или, возможно, недовольство братом, неприятно поразившим ее... однако женщина, прикусив нижнюю губу, игриво улыбается.
- Брат всегда удивляет людей. Такой уж у него характер, с детства.
- Вы читали этот дневник – о чем мечтал ваш муж? Хотя бы в общих чертах можно себе это представить?
- Мечтал...
- Например, мечтал ли он о море?..
- Муж – реально мыслящий человек. Когда он стал начальником отдела, то очень радовался, что нашел наконец опору, чтобы не скользить вниз в этой жизни, где на каждом шагу тебя подстерегает обрыв...
- И все-таки ушел.
- Но не из-за мечты. Он без конца повторял, что дипломы – якорь в жизни.
- Бросать без конца якоря, плывя на маленьком суденышке, – не означает ли это тоже принадлежность к категории мечтателей? Не делай он этого, давно бы уж вышел в море.

Женщина медленно опускает на стол стакан, который она поднесла было ко рту, и сидит молча, задумавшись. То, что происходило, было похоже на снятое методом замедленной съемки увядание цветка: женщина увядала на глазах – ввалились глаза, заострился нос, кожа на лице, до этого гладкая и упругая, утратила эластичность и обвисла, губы запеклись и почернели, будто она ела тутовник. В душе я начал раскаиваться. Сколько бы больной ни умолял врача, тот не имеет права умертвить его, чтобы облегчить страдания, – закон разрешает убивать лишь солдат на поле боя и преступников, приговоренных к смертной казни.

Стенные часы бьют один раз.

Донесение

13 февраля. 10 часов 20 минут. Просматриваю в библиотеке подшивки газет. До 4 августа, когда исчез разыскиваемый, дождь шел 28 и 29 июля. Однако 28-го дождь пошел неожиданно, под вечер, а накануне предсказывалась лишь облачная погода. Следовательно, пропавший без вести последний раз надевал плащ 29 июля...

Начав писать, я останавливаюсь и в изнеможении закрываю глаза. Мне хочется не только закрыть глаза, но и выключить все чувства, все нервы, наконец, само мое существование. Читальный зал библиотеки. Хотя почти все места заняты, здесь тихо, будто нет ни души... посапывание, шелест страниц, крадущиеся шаги... в нос ударяет запах мастики, которым натерт пол, видимо, мастика низкосортная – пахнет нефтью...

В закрытых глазах вдруг появляется лимонный цвет. Уши женщины благодаря свету, отражаемому лимонной шторой, становятся лимонными... аромат лимонного цвета... лимонный... глупо, почему не сказать, что веснушки бананового или коричневого цвета?..

Ладно, это не поле боя и не эшафот. У меня нет никакого права ранить ее, даже если ранка будет с булавочный укол. Единственное, что мне остается, – продолжать донесение. Заявитель всегда прав. К примеру, если заявитель заведомую ложь называет правдой, она тут же превращается в правду. Но хотя факты никому не нужны и меня наняли лишь для того, чтобы уйти от них, – это пустое дело. И видимо, мне не остается ничего иного, как, продолжая охотиться за фактами, добиться лишь разочарования клиента. И я буду делать это, кружась на расстоянии вокруг любых, даже самых бессмысленных, фактов, объясняющих то, что не поддается объяснению...

Неожиданно студентка слева от меня низко склоняется над столом и лезвием бритвы начинает вырезать какую-то иллюстрацию. Я тоже опускаю голову, будто поведение девушки смутило меня, и продолжаю писать донесение.

...Таков вывод. Хотя доказательств, что в тот день *он* пользовался плащом, нет. Но вместе с тем существует большая вероятность, что в период с 29 июля до дня исчезновения, то есть в течение недели, он не надевал плащ, так как стояла сравнительно ясная погода и было тепло. Что же касается газеты и спичечного коробка (или номера телефона), то можно с уверенностью сказать, что он еще до этого не прикасался к ним. Вышеизложенное с достаточной степенью достоверности доказывает возможность того, что исчезновение разыскиваемого было, скорее всего, не внезапным, а заранее запланированным и заранее подготовленным.

Студентка рядом со мной кончила вырезать из журнала иллюстрацию. Я отрываю от последней страницы блокнота для донесения полоску шириной сантиметра в три и быстро пишу записку:

«Все видел. Буду молчать, но за это идите за мной. Если согласны, сложите записку и возвратите мне».

Складываю записку вдвое и подталкиваю ее под локоть девушки. В страхе съежившись, она посмотрела на меня, но я с невинным видом стал собирать со стола газеты и бумаги. В замешательстве девушка разворачивает записку и начинает читать, и сразу же ее круглое, коротконосое лицо становится пунцовым. Она замирает, похоже, даже дышать перестала... Наслаждаясь пикантной ситуацией, я терпеливо жду ответа...

Наконец оценивающий взгляд студентки. Она облегченно вздыхает, будто освобождая плечи от тяжести, неумело скручивает записку и щелчком возвращает ее мне. Но девушка не рассчитала как следует, и записка падает на пол. Наклонившись, чтобы подобрать ее, я поднимаю глаза – впечатление, что черные туфли без каблуков под толстой лодыжкой с трудом несут тяжесть ее тела. И лишь ложбинки под коленями говорят о невинности и чистоте. Уходящая юность – возраст неустойчивый, как начинающийся насморк. Видимо почувствовав мой взгляд, девушка плотно сжимает колени.

Подняв свернутую бумажку, сую ее в карман, закрываю газетную подшивку, кладу в чемодан свои записи и авторучку и как ни в чем не бывало встаю со стула. По натертому до блеска полу с быстротой, приличной для библиотеки, иду не оглядываясь к кафедре выдачи. Закончив все формальности, я лишь один раз украдкой смотрю в ту сторону, где сидит

девушка. Она все еще на своем месте и, выглядывая из-за ограждающего стол барьера, следит за мной. Подняв слегка руку и сделав ей знак, я сажусь на скамейку в отведенном для курения месте, между читальным залом и выходом, и закурываю. Не успеваю я выкурить и четверти сигареты, как студентка неуклюжей походкой приближается к столу выдачи. Она невольно выглядывает наружу, но места, где я сижу, ей, скорее всего, не видно. Девушка быстро сдает книги, берет в гардеробе пальто и тут же направляется к двери, но вдруг замечает меня и, точно оступившись, сбивается с шага. Я сразу же встаю и тоже направляюсь к двери. Девушка, даже не помышляя о бегстве, семенит вслед за мной.

Когда я подгоняю к входу оставленную на стоянке машину, девушка стоит на середине лестницы, уткнувшись в воротник пальто. Я подъезжаю к ней, опускаю слева от себя стекло, и девушка, перехватив поудобнее портфель, своей неуклюжей походкой спускается по лестнице прямо к машине. В стекле отражается побелевший от холода нос. Ее недовольное лицо – может быть, голова у нее кружится или из-за мороза – производит неприятное впечатление. И зеленый шарф, выглядывающий из-под воротника пальто, чересчур ярок и как бы подчеркивает, с каким трудом сдерживает девушка внутреннее напряжение.

Приоткрываю дверцу:

– Я вас подвезу. Куда вам?

– Куда? – И неожиданно спокойным, даже вызывающим тоном: – Разве это я должна решать?

Невольно усмехаюсь – она, вероятно, видит в зеркале мою улыбку и тоже ухмыляется.

– Вы проголодались?

– Слюняй!

Перед самым ее носом я с силой захлопываю дверцу. Даю газ – колеса взмывают гравий, нос легкой машины высоко задирается, как у моторной лодки, мчащейся по волнам. Студентка застывает, безучастная, невыразительная, точно рыба в холодильнике...

Я замираю. Замираю у телефона около стойки в кафе «Камелия», хотя и теряю напрасно время.

– Умер?

– Да, кажется, убийство, – доносится из трубки необычно взволнованный голос шефа. – Что же мы будем делать? Я не допускаю мысли, что у тебя нет алиби.

– Да разве такая штука существует на свете?

– Ну ладно, давай сейчас же звони заявительнице. Она мне телефон оборвала, с утра уже три раза звонила.

– Откуда вам стало это известно?

– От заявительницы. Разве не ясно? – И, резко изменив тон: – А откуда еще могли поступить такие сведения?

– Я только спрашиваю. Ясно. Немедленно звоню ей.

– Как это ни неприятно, но я настаиваю, чтобы каждый сам нес ответственность за то, что он делает.

– Ясно. В общем, днем я забегу...

И я замираю. Погиб этот человек! Кладу трубку и продолжаю стоять. Наверно, сейчас полиция там уже, всех подняла на ноги. Исключена ли возможность, что в сеть их розысков попадут и сведения о моем существовании? И если попадут, то шупальца расследования дотянутся до топливной базы М... Человек в малолитражке... человек, приехавший, как он заявил, из фирмы «Дайнэн»... в «Дайнэн» направляется запрос... там тоже человек в малолитражке... и вот, как ни прискорбно, выплывает факт моего существования. Правда, это не значит, что у меня могут возникнуть неприятности. Прежде всего, у меня не было никакой необходимости

убивать его. Кроме того, вокруг него крутилось сколько угодно подозрительных личностей. Но все же по возможности мне бы не хотелось оказаться замешанным в это дело...

Думаю, особенно опасаться мне нечего. Да и вообще нет оснований предполагать, что полиция свяжет самую обыкновенную на первый взгляд драку с топливной базой М. И единственное, о чем приходится теперь сожалеть, – это о том, что так и не удалось выяснить, каким образом он собирался шантажировать...

И еще одно коренным образом изменилось в связи с его смертью... иссяк источник, позволявший покрывать расходы по розыску и, значит, вопреки желанию заявительницы они ограничатся одной этой неделей.

Но тогда почему же я чувствую себя чуть ли не обворованным? Вернувшись на свое место и помешивая остывший кофе, я впадаю в тусклую сентиментальность, от которой невозможно избавиться. Может быть, я служу панихиду по умершему? Нет, вряд ли. Сквозь черную сетчатую штору сегодня тоже видна продрогшая, будто простуженная платная стоянка автомашин. Вчера, примерно в то же время, что и сейчас, он окликнул меня как раз у того, второго столба, плотно, точно желе из агар-агара, прилипнув ко мне своим телом, пропахшим жиром... До сих пор я не излечился от нервной сыпи, появляющейся всякий раз, как я вспоминаю о нем.

Если какая-то перемена и произошла, то, пожалуй, изменилось мое отношение к его заносчивости, граничащей с высокомерием. Заявитель действительно является нанимателем, платящим тебе деньги. Но, как правило, он либо смотрит на тебя умоляющим собачьим взглядом, либо выдавливает из себя виноватую поддельную улыбку. В этом случае, чтобы подбодрить заявителя, мы тоже подлаживаемся под него, изображая смиренную улыбку – такова, мол, жизнь, даем понять, что вместе с ним готовы ступить в дерьмо. И поскольку в глубине души мы питаем тайную уверенность, что жизнь именно такова, нам удается вернуть ему самоуважение, способность увидеть в жизни надежду и свет. А он был обломком крушения, но не хотел этого показывать. С самого начала он не скрывал, что запачкан дерьмом, – потому-то и не позволял мне притронуться к этому дерьму и даже не разрешил взглянуть на него. Он был совершенно иным, чем все предыдущие клиенты. Надо признать, он был странным типом – это уж точно, но нельзя и отрицать, что я относился к нему с предубеждением. Когда я пытаюсь вот так, по-новому, взглянуть на него, мне кажется, что, как сквозь туман, начинает вырисовываться упущенная, вернее, умышленно упускаемая мной другая сторона этого человека. К примеру, возникшее на миг полусерьезное выражение лица, когда он спрашивал мое мнение о «сестре как женщине»... или его забота обо мне, когда он распорядился, чтобы хозяин микроавтобуса приготовил яйца... если бы я не был так настроен против него, если бы я с самого начала не решил, что он и есть та стена, которая скрывает нечто важное от моего взора, а старался быть с ним на равных, не исключено, что не кто иной, как он сам, нашел бы в стене дверь и впустил меня.

Сейчас, впрочем, и самой стены уже не существует. Но вместе с ее исчезновением исчезла и возможность обнаружить дверь.

Ему уже ничем не поможешь. В последний раз я видел его со спины, когда он, похожий на зонт с обломанными спицами, полз в сухой траве под насыпью, и то, что он не хотел сказать, и то, что он, возможно, хотел сказать, – всего этого уже не существует. Разорванное кольцо разума не имеет ничего общего с разумом.

Смотрю на часы... 11 часов 8 минут... если бы я и решил записать это время на бланке донесений, то больше мне нечего было бы сообщить... нет, не только в это время – и через час, и через три часа, и через десять часов у меня нет никакой надежды наткнуться на нечто такое, о чем следовало бы написать в донесении... поспешно допиваю кофе и поднимаюсь... но что же предпринять?... должен ли я что-то делать?... я снова замираю... замираю, как та студентка, которую я бросил у библиотеки... когда тебя, лишив свободы, не говоря, куда и зачем, волокут

во тьме – это, конечно, очень обидно, но когда без всяких объяснений и извинений бросают посреди дороги – это во много раз унизительнее...

Хозяин кафе почти весь скрылся за стойкой, погрузившись в газету. Мрачная официантка, опершись локтем о кассовый аппарат и прижав к уху чуть слышно играющий транзистор, рассеянно смотрит на улицу. Не отрываясь от окна, она насмешливо улыбается – смешит ли ее то, что она слышит по радио, или она смеется надо мной, видя, как я замер, а может быть, смеется над тем, что происходит на улице?... заинтересовавшись, я тоже смотрю в окно и вижу нечто, сильно взволновавшее меня. Мимо окна идут три человека, по виду коммивояжеры, с одинаковыми портфелями под мышкой, сердито и горячо обсуждая что-то... дальше, на мостовой непрерывный поток автомобилей... еще дальше – автостоянка... а около нее что-то бередающее мою память, как острый обломок коренного зуба... цифры... семизначная цифра в самом низу вывески автостоянки... тот самый номер телефона!

Этикетка спичечного коробка... кафе «Камелия»... объявление в старой газете... и, наконец, узкая полоска бумаги, прикрепленная к краю лимонной шторы... и везде один и тот же номер телефона.

Ко мне возвращается ощущение времени, возвращаются, хоть и туманные, воспоминания о карте. Громко обращаюсь к девушке, которая, крутя ручку кассового аппарата, не отрывает от уха транзистор.

– Заказы на пользование вон той стоянкой у вас принимают?

Девушка, вместо того чтобы ответить, метнула взгляд на хозяина. Тот прячет газету под стойку и только тогда снизу вверх смотрит на меня. Встретившись со мной взглядом, он усиленно моргает и говорит тоненьким голоском, который совсем не вяжется с его густой щетиной, отчетливо видной даже после бритья.

– Там все заполнено, к сожалению.

И он с недовольным видом – почитать, мол, не дадут – снова склоняется над газетой.

– Видно, много у вас здесь свободного времени, в кафе...

– Что? – резко переспрашивает девушка, оторвав от уха транзистор и всем своим видом показывая, что ее раздражает даже мое шуточное поддразнивание. Я испытываю неловкость, но зато неожиданно мной завладевает фантастическая мысль. Точно теплым ливнем, с меня смывает плохое настроение, и, пульсируя, разрастается чувство освобождения, вызывающее желание, схватившись за живот, разразиться дурацким смехом. Может быть, я и в самом деле рассмеялся. Продолжая смотреть на девушку, я обхожу кассу и беру телефонную трубку. Набрав номер фирмы «Дайнэн», связываюсь с тем самым молодым служащим Тасиро.

...Тасиро-кун? Благодарю за вчерашнее... Когда я называю себя, в его голосе какое-то мгновение слышится растерянность. Он удивляется, когда я спрашиваю, не слышал ли он о смерти того человека, хотя мог бы, кажется, этого и не делать. Но как только я напомнил ему о нашем договоре выпить, тон его сразу становится дружеским и доверительным, – видимо, он не любит иметь с посторонними людьми общие тайны. И, глядя на едва прикрывающие уши стриженные густые волосы девушки... Встретимся на станции S., можно на том месте, что отмечено на плане, который вы вчера нарисовали мне. Да-да, там, где вы договаривались встретиться с Нэмуру-сан... я тоже хочу еще раз во всем убедиться... время – семь часов... договорились?... и прошу вас, не забудьте о главном – я имею в виду тот самый альбом ню... Девушка поспешно прикладывает транзистор к уху, но не похоже, что она его включила... Ню, повторил я еще раз, и, если возможно, мне бы хотелось сразу же встретиться с той девицей, которая служила ему натурщицей... Ответ молодого человека, заговорившего деловым тоном, не был, конечно, слышен окружающим, и поэтому, естественно, им могло показаться, что собеседник не собирается помочь мне. И, понизив голос, между прочим, – нет, скорее не между прочим, а в этом, возможно, и состояла моя истинная цель... Мне бы хотелось, чтобы вы подумали еще вот о чем: к каким методам можно прибегнуть, если, допустим, возникнет

желание шантажировать хозяина топливной базы? Обыкновенной топливной базы, да, розничной... я очень хочу, чтобы до нашей встречи вы продумали этот вопрос – какие существуют способы шантажа...

Кажется, мой разговор произвел такой же эффект, как если бы физиономию девушки, а может быть, даже и физиономию хозяина я в кровь расцарапал ногтями. Правда, лицо девушки было заслонено рукой, державшей транзистор, и отсюда как следует не было видно. Хозяин же, уткнувшись в газету, даже не шелохнулся. Прикрепленная прямо над его головой открытка с изображением кофейной плантации в Южной Америке, где яркое солнце окрасило далекую горную цепь в желтый цвет, а людей и растения сделало темно-коричневыми, резко контрастировала с покрытым толстым слоем пыли светильником и выглядела нелепо. На втором этаже слышатся чьи-то шаги. Они медленно движутся в мою сторону, замирают прямо над головой и так же медленно удаляются. Я тоже не могу уже спокойно стоять на месте. Если страх и отступает, он все равно вернется снова, как возвращаются вновь и вновь бьющиеся о берег волны. Его смерть, волной взметнувшись в неожиданную высь, разбрасывая вокруг себя брызги, омыла мои ноги и слизнула узенькую тропку, вившуюся по краю обрыва, но и когда волна отступит, ничего нового не прибавится, и, следовательно, особенно суетиться смысла нет. К тому же возложенное на меня поручение ограничено первыми тридцатью тысячами иен – это тоже облегчение. Мало того, поскольку и положение самой женщины резко изменилось... значит, я обязан продолжать розыски оставшиеся пять дней, но... совсем не исключено, что она прямо сейчас заявит о расторжении контракта, пожелав, чтобы я с сегодняшнего дня прекратил розыски, – я не застрахован от того, что она этого не сделает. Мне немного жаль бросать эту работу, остался какой-то неприятный осадок. Но с точки зрения дела баланс, в общем, в нашу пользу. И шеф будет мной доволен, да и ругать перестанет.

Может быть, в этом и заключается основная причина, почему я не решаюсь позвонить женщине... подумал я неожиданно... и меня охватывает удивительное чувство стыда, будто, стоя перед зеркалом и прижав к глазам бинокль, я подглядываю за тем, как я *подглядываю*. Что же это значит? Я, хотя меня об этом и не просили, сам того не заметив, по рассеянности расписался в получении суммы, превышающей тридцать тысяч иен. Я стану посмешищем. Среди моих приятелей-агентов моя глупость станет предметом насмешек. Шеф всегда повторяет: заявитель не человек, он пища, которой мы набиваем наши желудки, помните об этом. А вас люди считают – кем вы думаете? – бродячими собаками, да еще и бешеными.

А ведь бинокль действительно, в зависимости от того, как его использовать, может дать тот же результат, что и просвечивание рентгеновскими лучами. Например, с помощью бинокля даже на обычной фотокарточке, помимо встречи лицом к лицу с тем, кто на ней изображен, можно прочесть множество выражений лица, проникнуть в характер. Сначала поставить фотокарточку вертикально, по возможности распрямив углы, и тогда фон станет совершенно черным. Источник света расположить таким образом, чтоб не было бликов. Потом встать на колени на расстоянии, равном длине двадцати-тридцати диагоналей фотокарточки... конечно, на колени становиться совсем не обязательно – просто фотокарточка должна быть на уровне глаз... бинокль пяти- или десятикратный. Такой бинокль позволяет свободно создать в своем воображении фон, а легкая дрожь руки помогает придать воображению подвижность. Сначала покажется только всплывшее, примерно в метре, увеличенное изображение. Нужно запастись терпением по меньшей мере минут на десять. И когда от напряжения начинается резь в глазах, обычный фотопортрет неожиданно превращается в объемный, кожа приобретает живые краски. Значит, все удалось. Теперь нужно смотреть неподвижно, не моргая, не отрываясь, напрягая изо всех сил зрение, пока не заболят глаза. И не в силах выдержать пристального взгляда, уголки глаз на фотографии или углы рта начнут подрагивать. Если лицо снято в профиль, оно тревожно обратит к тебе украдкой вопрошающий взгляд, если – анфас, то, избегая

устремленного на него взгляда, будет беспрерывно моргать. Потом из его глаз и твоих глаз, из его губ и твоих губ, из всех мускулов, создающих выражение лица, начнут пробиваться волоски нервов, сплетутся в воздухе между ним и тобой, и ты, как в своем собственном сердце, начнешь читать то, что скрыто выражением лица. Особенно важно, что проникаешь в самое сокровенное, скрытое от посторонних взоров... крепко стиснув зубы, выпятив нижнюю губу, широко раскрыв узкие глаза, *он* беспокойно шарит взглядом где-то у ног, избегая твоего лица, и его чувства, всегда набриолиненные, аккуратно расчесанные и безмятежные, встают дыбом, точно шерсть на спине кошки, столкнувшейся с врагом... это *его* мгновенное... никому не показываемое выражение, когда он наедине с самим собой... Я проделал все это вчера утром перед уходом, и теперь *он* бы уж ни за что не ускользнул от моего внимания, даже если бы мы ехали на эскалаторе в разные стороны. Этот метод придуман мной, и другие агенты очень высоко оценили его, и теперь им пользуюсь уже не я один. Шеф в счет не идет. Для него вообще любая инициатива, только потому, что это инициатива, выглядит нелепицей.

Конечно, в идеале такого рода наблюдения лучше всего вести ночью. И требуется для этого как минимум два часа. Разделив с портретом воображаемую трапезу, нужно, став начальником, приказывать ему, став товарищем, выслушивать жалобы, став подчиненным, получать от него выговор; если это женщина, попытаться лечь с ней в постель, если это мужчина, попытаться самому превратиться в женщину и предложить ему себя. Но в отношении *его* я еще подобный метод не использовал. И скорее не из-за пренебрежения к своим служебным обязанностям, а потому, что в самой заявительнице было нечто такое, что связывало инициативу, — здесь уж ничего не поделаешь. Гораздо больше, чем *его* исчезновение, не давали мне покоя, казались дурно пахнущими истинные намерения заявительницы. Действительно, я и теперь далеко не освободился от подозрения, что, возможно, ее заявление о розыске — ловкий трюк, рассчитанный на то, чтобы еще лучше утаить место, куда *он* скрылся...

Однако тот, кто сеял семена подозрений, тот, кто обволакивал все вокруг меня непроницаемой тучей — зять исчезнувшего, — мертв... и сильный ветер уже разогнал на небе тяжелые тучи, и теперь сквозь разрывы в них выглянуло долгожданное солнце... и если сейчас снова посмотреть на *его* фотографию...

Его фотография, повернутая ко мне головой, снова лежит перед сторожем автомобильной стоянки... облитый ленивым голосом: «Восемьдесят иен», я протягиваю пятисотиеновую бумажку, положив на нее *его* фотографию: «Сдачи не нужно»... Не особенно редкие, но уже начавшие редеть волосы, неровно подстриженные на висках...

— Хотел вас кое о чем спросить...

Беспрерывно двигающий губами старик — ноги укрыты одеялом, поверх которого на коленях лежит раскрытый комикс, — подняв на лоб очки, подозрительно переводит налитые кровью глаза с фотографии на пятисотиеновую бумажку.

— У вас под одеялом, наверно, стоит хибати, чтобы ноги греть. Это вредно для здоровья. У вас и глаза такие красные от газа.

— Электрическая она у меня, хоть и плохонькая...

— Значит, здесь у вас слишком сухой воздух.

— Чайник я на ней грею...

— Простите, немного отвлекся. — Смеюсь я нарочито весело и поддвигаю еще ближе к старику пятисотиеновую бумажку. — Человека на этой фотографии не припоминаете? Может быть, дело это и давнее, но все же...

— А что такое?

— Машину угнанную ишу.

Стоило мне произнести эти слова, первыми пришедшие на ум, как тут же улавливаю исходящее от лица, запечатленного на фотографии, огромное своеобразие, и тогда вроде бы без

всяких причин мое отношение к *нему* как к потерпевшему неожиданно оказывается поколебленным. Нет никаких оснований считать его потерпевшим – с таким же успехом можно предположить, что он преступник, как говорится, пятьдесят на пятьдесят. Если довести эту мысль до крайней точки, можно даже предположить, что именно *он* был тем самым подстрекателем, который стоял за спиной убийц *его* зятя... нет, такое воздаяние за содеянное, в духе детективных романов, вряд ли мыслимо... если бы это была игра в закрытой комнате, тот, кого угадывают, должен был бы сидеть на соседнем стуле, в реальном же мире нужно искать человека, который укрылся с головой маскировочным халатом и спрятался за линией горизонта. Видимо, придется и сегодня ночью еще раз подольше пообщаться с ним при помощи бинокля. Ведь главное действующее лицо остается главным действующим лицом, даже если я уже опоздал...

– Угнанную машину?

– Может, и не угнанную, а попавшую в аварию. – Откровенно отступая перед неприветливым лицом старика, которое напоминает заржавевший, не поддающийся замок, и кладу на ассигнацию еще три стоиеновые монеты. – Сколько на вашей автостоянке постоянных клиентов, которые платят помесечно, и сколько тех, кто оставляет здесь машину на короткое время?

– Для случайных посетителей отведено... – глядя попеременно на приманку, возросшую до восьмисот иен, и на окно «Камелии», он против воли пробалтывается, – пять мест вон в том ряду...

– Это что же, ради каких-то пяти машин вы здесь целыми днями торчите – не слишком ли большая роскошь?

– Да я ведь больше ни на что и не гожусь – только и могу сидеть в помещении, чай пить да телевизор смотреть...

– Темнишь, стыда у тебя нет.

Старик рукой, казавшейся обтянутой перчаткой из кожи какого-то пресмыкающегося, сгреб случайный доход, не такой уж, видимо, для него редкий.

– Еще на восемь мест, которые днем обычно свободны, делясь с их владельцами, я пускаю случайных клиентов... для старика место приличное. Подходящее, когда ноги от ревматизма еле передвигаешь, да и на табачок перепадает – здесь уж ничего не скажешь.

– Но все равно машин много стоит. Почти все те же, что и вчера, когда я сюда заезжал. Это, наверно, машины ваших постоянных клиентов?

– Вон те два ряда – все постоянные.

– Странно... поблизости вроде бы никаких контор мне не попадалось, а смотрите, сколько у вас здесь машин постоянных клиентов оставлено на день...

Видимо, я добрался до уязвимого места. И прежде малоподвижное лицо старика застыло, как высохшая резина, и он пробормотал запинаясь:

– Это, наверно, потому, что дешево.

– Или, может быть, здесь собрались люди, которые занимаются такими делами, что приходится пользоваться машинами по ночам?

– Не знаю я. Обязан я, что ли, за каждым следить?

– И все-таки вы не припомните этого человека?

Только после того, как я взял фотографию обратно, вложил в записную книжку и спрятал в карман, лицо старика снова стало спокойным. И, не думая о том, что опять растроваю его, я бью вдогонку:

– Послушайте, неужели хозяин «Камелии» такой страшный? – (Иссохшие морщинистые веки старика ползут вверх. Их красные края воспалены.) – Да не тряситесь вы так. Во всяком случае, все, о чем вы мне сказали, может увидеть каждый, а если вас спросят, вы всегда можете ответить, что я старался втянуть вас в какую-то историю – показывал фотографию человека, которого вы и в глаза не видели. На самом-то деле лицо, может быть, вам знакомо, но...

– Говорю же, не знаю я его! – Заметив, как он обозлился, стукнув в сердцах комиксом по коленям, я подумал, что, может быть, он действительно говорит правду. Как видно, истинное положение сильно отличается от того, что мне плел этот покойный братец. – Разве каждого упомнишь?..

– Ладно, вот еще двести иен... теперь ровно тысяча... под нашими расчетами я подвожу черту, подведем черту и под нашим разговором... – Следуя за ускользающим от меня злобным взглядом старика, я кладу локоть на окошко и бросаю ему на колени еще две стоиеновые монеты. – Я никому не скажу, что вы взяли тысячу иен... знать об этом будут только двое – вы и я... ну, быстрее говорите.

– Что?..

– Кому нечего сказать, тот не станет без зазрения совести тысячу иен припрятывать.

– Вы же мне их сами дали.

– Хозяин «Камелии» следит за нами. Думаете, он поверит, что ни за что ни про что вы заработали тысячу иен?

– Я их верну! Если верну, ничего не будет.

– Зря вы так. Что за люди ставят здесь машины? Из ваших слов я понял лишь, что не те, кто живет поблизости...

– Ну что вы плетете? Кто вам такое наговорил? Разве сами вы не ставили здесь машину?

– Я имею в виду постоянных клиентов. Ничего удивительного, если люди, работающие в окрестных магазинах, не имеющих гаражей, ставят у вас на день свои машины. Но вы честный человек, и вам поэтому трудно лицемерить. Да к тому же вы сказали, что каждого не упомнишь, верно? Вот вам и доказательство, что и постоянные ваши клиенты, бывает, тоже меняются. Ведь если как следует присмотреться, так здесь найдется немало машин, которых вчера не было, а?

– Вы... – прерывисто дыша, будто сдерживая душивший его кашель, еле слышно, – не из полиции?

– Да бросьте вы, разве полицейский будет сообщать первому встречному секретные данные? А тут еще и чаевые в тысячу иен – это уж уголовное дело.

– Дело – это чепуха... но вот я, спасибо хозяину «Камелии», могу, не выходя из кафе, и на лошадь поставить, и в патинку поиграть... старость... пока сам не состаришься, не поймешь, что такое старость... даже внуки и те вслед за невесткой прямо в лицо мне: грязный старикашка.

– Я не сделаю ничего, что могло бы вам повредить. Обещаю.

– Что вы хотите узнать?

– Я ищу человека, которого вы видели на фотокарточке.

– Вчера уже приходил один – то же самое спрашивал... постойте-ка, да он вроде бы ваш знакомый?.. каких только людей здесь не бывает... много всяких типов – ни запоминать, ни даже по имени их знать не хочется... у меня два раза удар был, я уже наполовину соображать перестал, а проболтаться я всегда могу... вот и стараюсь и к лицам не приглядываться, и имен не запоминать...

– Если вы сами затрудняетесь мне сказать, у кого я могу спросить? Подскажите хоть это.

Старик, будто его приперли к стене, как мышь в поисках выхода, перебегая взглядом с меня к черному окну «Камелии», а потом к дыре, прожженной в одеяле, которым были укрыты его колени, коротко покашливает, прячет руки под одеялом, снова выдергивает их оттуда и наконец, видимо решившись, вытирает глаза тем же пальцем, которым только что ковырял в носу, прищелкивает языком и говорит, точно плюет:

– Выберите время, часов в семь утра, поездите здесь в округе, выберите время.

– Как будто случайно?

– Угу, случайно...

Тот же день. 12 часов 6 минут. Посещаю господина Томияма, которому разыскиваемый за день до исчезновения продал свою машину. Его не было дома, но я узнал, что у него больной желудок и он имеет обыкновение приезжать на обед домой, поэтому я прошу разрешения подождать. Господин Томияма живет не в доме двадцать четыре, как мне сказала заявительница, а в доме сорок два, и поэтому поиски заняли довольно много времени. Правда, мне все равно нужно было его ждать, и таким образом я сократил время ожидания – как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Дешевый грязный домишко. За сломанной изгородью в маленьком дворике торчит нос «короны» образца шестьдесят третьего года. Не исключено, что это машина, купленная у пропавшего без вести. Она содержится в образцовом порядке, покрышки почти новые.

Жене господина Томияма лет тридцать. Двое детей, обе девочки, двух и четырех лет. Во дворе обтянутое полиэтиленовой пленкой сооружение, похожее на теплицу, – атмосфера домовитости и уюта. После долгого ненастья наконец выглянуло солнце, и двор превращается в солнечную заводь, становится так тепло, что хочется сбросить пальто. Я отклоняю приглашение войти в дом и прошу разрешения присесть на сырой веранде.

Судя по словам жены господина Томияма... (Раздаются два коротких автомобильных гудка, – видимо, приехал господин Томияма.)

Тот же день. 12 часов 19 минут. Возвратился господин Томияма. Он очень спешит, и поэтому мы беседуем за обедом. Еда его состоит из протертого супа и хлеба. Он жалуется на свою жизнь: нужно, мол, и силы поддержать, и в то же время желудок щадить, да и шофером работать – тоже радости мало, но все же, тревожась о судьбе пропавшего, охотно отвечает на все вопросы.

Ниже следует запись беседы с господином Томияма.

Я. Каким образом вы купили машину у Нэмуру-сан?

Томияма. По рекомендации одного моего приятеля, который незадолго до этого купил машину у Нэмуру-сан. Он мне очень советовал: цена, мол, невысокая, машина в полном порядке – в этом можно не сомневаться. Действительно, покупка, как мне кажется, оказалась удачной.

Я. Вы встретились с Нэмуру-сан, случайно, не в кафе «Камелия»?

Томияма (несколько удивленно). Да. В то время из-за какого-то пустяка я вылетел с работы в таксомоторной компании и некоторое время пробавлялся работой у ворот и случайными заработками.

Я. А что это значит «работа у ворот»?

Томияма. Направляешься прямо к какой-нибудь таксомоторной компании, останавливаешься у ворот, и тебя, случается, нанимают на временную работу, потому так и называется: работа у ворот. Крупные компании, как правило, у ворот на временную работу не нанимают, но если, случается, шофер заболел или просто не вышел на работу, а машину вести надо – дураков нет, чтобы убытки терпеть. Да к тому же еще для тех, кого нанимают у ворот на временную работу, главное – деньгу зашибить, и они забывают обо всех правилах – работают хоть по двадцать четыре часа в сутки. Две-три компании обойдешь – где-нибудь да наймут.

Я. Между «Камелией» и наймом у ворот есть какая-нибудь связь?

Томияма (с некоторой растерянностью). Я теперь вернулся в свою старую компанию и полностью порвал с «Камелией», но... об этом не хотелось бы говорить... для некоторых людей «Камелия» все еще спасительная отдушина, а я не намерен предавать своих товарищей шоферов.

Я. Единственное мое желание – как-то нащупать след Нэмуру-сан. Значит, для шоферов, подыскивающих временную работу, «Камелия» была своего рода частной биржей труда?

Томияма. Да... кофе в этом заведении крепкий, да к тому же открыто оно с раннего утра, вот так и получилось, что его облюбовали шоферы. Это и надоумило тамошнего хозяина взяться за такое дело.

Я. Вы сказали «деньгу зашибить», а чем, собственно, временные работники отличаются от постоянных?

Томияма. Временная работа не предусматривает гарантированного минимума заработной платы, социального страхования, выходного пособия, но зато шоферу выплачивают четыре процента от выручки. Дней десять в месяц поработаешь, самое меньшее сорок-пятьдесят тысяч в кармане. Шофер-левак в дни больших праздников, если, конечно, он профессиональный подшибала и как рыба в воде на бегах, автомобильных гонках, у всяких увеселительных заведений, то дня за три можно и сто тысяч заработать.

Я. Прибыльное дело.

Томияма. Когда парень молодой, одинокий, любит красиво пожить, такое беззаботное житье нравится. Но если заболеешь или права отберут – тогда крышка, если же забыть о том, что будет с тобой завтра, тогда весь мир – твой.

Я. И много таких людей ходит в «Камелию»?

Томияма. Да нет. Водителей такси в Токио примерно тысяч восемьдесят. И если из этих восьмидесяти тысяч там бывает человек двадцать-тридцать, разве это много? А кроме того, процентов шестьдесят из тех, кто ходит в «Камелию», – люди случайные, как, например, я. Как ни приятна беззаботная жизнь, в конце концов и она человеку приедается. Беззаботность того, кто думает лишь о том, чтобы подзаработать, в конце концов оборачивается меланхолией. Хотя и костюм на нем самый лучший, и ботинки самые лучшие, и часы у него импортные, а он всегда в суете и беспокойстве, иногда и до драк доходит. Лет пять подшибалой поработаешь – даже лицо совсем другим становится, с первого взгляда видно, что за птица.

Я. Нэмуру-сан догадывался об этой скрытой деятельности «Камелии»?

Томияма. Я, помнится, говорил ему об этом.

Я. А есть еще такие же кафе, как «Камелия»?

Томияма. Думаю, что есть. Ведь временная работа – излюбленное занятие многих шоферов. Совсем недавно в газете была статья о налете полиции на одну такую посредническую контору, не имевшую на то разрешения.

Я. За этим, наверно, следят?

Томияма. Еще бы – это ведь нарушение закона о трудоустройстве. С теми, кто его нарушает, поступают как с содержателями воровских притонов.

Я. Интересно, с кем связана «Камелия»?

Томияма. Не знаю. Так глубоко в их деятельность я не влезал, да и не собирался влезать.

Я. Нельзя ли предположить возможность того, что Нэмуру-сан и сейчас прибегает к услугам «Камелии» или другой аналогичной посреднической конторы?

Томияма (несколько удивлен, серьезно обдумывает сказанное мной). Но ведь Нэмуру-сан, кажется, был начальником отдела солидной торговой фирмы. Если только он допустил какую-то серьезную оплошность... конечно, среди шоферов есть люди, которые в прошлом чем только не занимались... бывшие школьные учителя, бывшие рыбаки, бывшие монахи, бывшие художники... работа трудная, но зато, в отличие от любой другой, ты все время на людях. Хорошая профессия для человека, который по своему характеру в любой толчее способен остаться самим собой. И приходится тебе без всякой надежды на будущее круглый год носиться по городу ради других, и даже не представляешь себе, куда в конце концов приберешься. Когда-то таких людей называли перелетными птицами – они и есть перелетные птицы. Носятся по свету из одного конца в другой и думают, наверно, что они связывают мир, но ничего похожего – ни одна профессия не разобщает мир так, как эта. И шумные центральные улицы, и тихие переулки – дорога есть дорога. И богатые, и бедные, и мужчины, и женщины – пассажиры есть

пассажиры, и пассажиры эти порой не столько люди, сколько отвратительный болтливый груз. Каждый день носишься, продираясь сквозь тысячи, десятки тысяч людей, а тебе представляется, что ты несешься в пустыне, где нет ни живой души, так что можно даже проникнуться любовью к людям. Такая работа по мне, и, если бы мне кто и предложил подыскать другую, потому что, мол, эта уже поперек горла стоит, я б даже и слушать не стал. Но чтобы начать все заново, здесь нужна большая смелость, верно? Конечно, если у человека есть собственный грузовичок, для него все просто, а вот с Нэмуру-сан дело обстоит иначе – ему трудно было бы на такое решиться, не будь какой-то крайности.

Я. Допустим, попадет человек в «Камелию», может он там что-либо вывести?

Томияма. Трудно. Если речь идет о солидной компании, то во время вступительных экзаменов очень тщательно выясняют личность претендента, и никто, в общем, не выражает недовольства по поводу такого расследования... Если же речь идет о «Камелии»...

Я. Возникнут сложности?

Томияма. Там существует обыкновение не интересоваться биографиями друг друга, это уж само собой, и даже имени не спрашивать.

Я. А в случае если будут объяснены обстоятельства, заставившие обратиться к ним?

Томияма. Узнав об этих обстоятельствах, постараются выгородить человека.

Я. Вы, зная, чем занимаются в «Камелии», тоже откажетесь представить сведения, если их у вас запросят?

Томияма (немного подумав). Почему это люди решили, что имеют право следовать по пятам за человеком?.. Он ведь, кажется, преступления не совершил... никак в толк не возьму, почему люди думают, что имеют право и считают совершенно естественным преследовать человека, скрывшегося по своей собственной воле?

Я. Но я хочу подчеркнуть, что, следуя подобной логике, скрывшийся тоже не имеет права скрываться.

Томияма. Скрыться – это не право, а воля.

Я. Может быть, преследовать – тоже воля.

Томияма. В таком случае я сохраняю нейтралитет. Я не хочу быть ничьим врагом и не хочу быть ничьим другом.

– Какое голубое.

Эти слова удивленно произносит мальчик в школьной форме, посмотрев на небо. Привлеченный словами товарища, другой школьник удивленно открывает рот, сощуривается, ослепленный ярким светом, и вздыхает:

– Смотри, и правда – голубое-голубое.

Однако по мере того, как небо голубеет, постепенно усиливается и ветер, и мальчики, дожидаясь, пока поднимут шлагбаум, прижимая портфелями полы пальто и вцепившись в козырьки фуражек, сгибаются в три погибели. За переездом налево сразу же станция пригородной электрички. К выходу на платформу, где стоит контролер, ведут четыре бетонные ступени. Поднимаешься по ступеням, и тут же газетный киоск, на прилавке разложены газеты и журналы, сверху они накрыты тонкой полиэтиленовой пленкой, и поэтому киоскер, немолодая женщина в ватном капюшоне, ладонями, локтями и даже грудью вынуждена воевать с полиэтиленом, который рвется улететь. Небо холодно сверкает, точно присыпанное алюминиевым порошком: напоминающие растрепанную вату облака бешено несутся с северо-запада на юго-восток. Солнце справа, и тени пересекают дорогу под прямым углом.

По небу стремительно мчатся облака, по земле беспорядочно носятся обрывки бумаги. Даже не верится, что на дороге их может быть разбросано так много. Я, разумеется, никогда не думал, что улицы сверкают чистотой. Но впервые вижу, чтобы обрывки бумаги вот так занимали главное место в пейзаже. Есть и белая бумага, но большей частью она цвета палых листьев

– бумага, несомненно, пропылилась, наметенная ветром в кучи. А теперь эти обрывки пляшут по дороге и железнодорожным путям. Почему-то выше двух метров от земли они не поднимаются и, будто заигрывая с людьми и машинами, беспрерывно выются вокруг них в каком-то причудливом танце. Беспорядочное движение бумажных обрывков предугадать невозможно, и для людей оно так же неожиданно, как немыслимые пируэты, которые проделывают в воде рыбы. Так снова постигаешь, что воздух материален. Обрывки бумаги скользят по земле, неожиданно взмывают вверх, меняя направление, летят в противоположную сторону и липнут к дверцам машины, а потом, снова бессильно опускаясь на землю, превращаются в мягкую подстилку под колесами. Но стоит машине проехать по ним, как это уже не обрывки бумаги – мгновенно превратившись в маленьких собачонок, они вцепляются в ноги идущих навстречу пешеходов.

Вместе с обрывками бумаги в потоки и водовороты втягиваются, естественно, и песок и пыль – они точно прошивают насквозь полотно ветра. Моя грязная машина должна была бы, казалось, затеряться в этом месиве, но происходит обратное – она еще больше бросается в глаза. Кажется, будто в водовороте носятся не пылинки, а лучи света, лишь принявшие облик пыли. Поэтому вкус и запах февральской пыли ассоциируется с ранней весной. Сегодня лучи солнца особенно золотисты. Значит, чтобы моя машина не бросалась в глаза, лучше всего вымыть ее как следует на заправочной станции – а я уже больше двух недель ленюсь и езжу на грязной.

Предупредительный сигнал умолкает, стрелка, указывающая направление, в котором шла электричка, гаснет, шлагбаум, ограждающий широкий переезд – здесь ходят экспрессы и поэтому железнодорожных путей очень много, – подскакивает вверх. В узкую горловину, как песок в песочных часах, устремляется поток людей, среди которых медленно ползут машины. Не успевают миновать переезд первые машины, как снова раздается предупредительный сигнал – моя машина последняя, которой с трудом удастся проскочить.

Поворачиваю на вторую улицу слева. К счастью, у первого же столба нахожу крохотное свободное пространство. Чтобы припарковаться, места мало, но я все же с трудом втискиваюсь в промежуток. Выхожу из машины. Сбоку, на пыльной дверце, огромными иероглифами написано «дурак» – просто представить себе не могу, когда это успели сделать. Видимо, очень торопились – конец слова едва дописан, и остался след перчатки.

На правом углу широкой улицы, пересекающей узкую улочку, куда я приехал, – броская современная витрина, выполненная в фиолетовых тонах... на тонких золотых спицах висят отдельные части манекенов – рука, кисть, туловище, нога, – они прекрасно демонстрируют различные предметы туалета. Ничем другим витрина не украшена, но она притягивает прохожих, а искусно расположенные в глубине зеркала создают иллюзию, что в витрине расставлено с десяток манекенов.

Еще года три назад эта улица не позволила бы себе такую витрину... но все имеет лицевую и оборотную сторону – эта же улица была типичной улицей предместья, на которой вокруг грязного кинотеатрика, где крутят фильмы трехмесячной давности, выстроились мелкие лавки, торгующие только дешевыми товарами, казино, откуда доносится музыка старых-пре-старых пластинок, и поддерживают видимость, что эта самая настоящая современная улица... по мере того как весь город насыщался и уже начинал пресыщаться, возможно, произошли изменения и в закономерностях отношений между лицевой и оборотной его сторонами. В этом смысле и здесь приметы центральных улиц выглядели вполне естественно. Действительно, через дорогу, чуть в глубине, строится огромный универмаг самообслуживания, в котором будет даже станция метро. Бесполезно спорить, почему все это происходит: из-за благоприятных ли перспектив, из-за случайного ли везения. В общем, я сдаюсь.

«Ателье европейской одежды Пикколо»

С торчащей вперед трубки, напоминающей по форме флейту, свешивается толстый молочно-белый лист пластмассы, к нему прикреплены тонкие алюминиевые буквы, нарочито небрежные, точно написанные разлохмаченной кистью. Даже я не могу не признать, что замысел, хоть и несколько претенциозный, свидетельствует о колоссальной самоуверенности. Пикколо – кажется, это прозвище моей жены в школе. Я не думаю, что ее прозвали так из злых побуждений, но и не уверен, что только из добрых чувств. Однако жена, считая прозвище ласкательным, потом даже сама называла себя Пикколо – так оно ей понравилось. Может быть, действительно в ней что-то напоминало пикколо. Я тоже был очарован характером своей жены. Да и сейчас убежден, что она вполне добропорядочна, хотя и не лишена некоторых недостатков.

Дверь рядом с витриной сделана из цельного куска прозрачного черного пластика. Точно в зеркале, в нем отражается забор, ограждающий строительную площадку напротив. В блестящей двери я помещаюсь во весь рост и сам встречаю себя. Какой-то странный тип: растрепанные ветром грязные волосы, сутулые плечи – будто только что после болезни, – больше похож не на охотника, а на того, за кем охотятся... однако здесь не место приводить волосы в порядок... ведь это отсюда дверь кажется зеркалом, а изнутри она совершенно прозрачна.

Нажимаю на дверь плечом и боком протискиваюсь внутрь – приятное тепло щекочет нос, и я неожиданно чихаю. Это не просто тепло – здесь какой-то специфический воздух: смесь пара от утюга, просачивающегося из пошивочной, запаха одеколона, краски и крахмала, которыми пахнет новая материя. Слева – стеллаж для образцов тканей, журналов мод, готовых изделий. Здесь же стеклянная витрина, в которой выставлены пуговицы, меховые шкурки, украшения. Справа – два кресла цвета слоновой кости и диван, стоящие у круглого стола с доской под мрамор, на тонких металлических ножках. И стены, и потолок затянуты грубым полотном, на котором по ярко-желтому фону рассыпаны шоколадные цветы, из того же материала и портьера, отделяющая пошивочную, – все сделано хотя и броско, но с отменным вкусом и прекрасно гармонирует с простотой светильников – стеклянных прямоугольников в узких рамках.

Жена стоит спиной к портьеру, опершись о кресло, и смотрит на меня, насмешливо улыбаясь. В такие минуты начинаешь завидовать людям, носящим очки. Очки ведь, как известно, запотевают, и, протирая их, можно выиграть время. Я же не ношу очков и с бесстрастным выражением лица молча опускаюсь на диван, с краю, ближе к проходу. Пружины стонут, и неожиданно я глубоко проваливаюсь.

– Ты все пружины переломашь. Придется диван отдавать в починку, – смеется жена, усаживаясь, скрестив ноги, в самое дальнее от меня кресло. Выглядывающие из-под короткой юбки колени кажутся мне чуть полнее, чем когда мы виделись в прошлый раз. Почувствовав мой взгляд, жена резким движением, будто убивает мышку, хлопает по колену и одним духом выпаливает: – Юбки становятся короче и короче – дешевка. Ведь когда стоимость материала снижается, плату за шитье не очень-то повысишь. А вот когда носят то длинное, то короткое и каждый раз приходится шить все заново...

– Говорят, что, если юбки укорачиваются, это к войне, а?

– Во всем есть определенная цикличность.

– Видимо, так.

– Сегодня опять какое-нибудь дело?

– Хочу кое о чем спросить... можно прямо сейчас?..

Портьера сзади нас раздвигается, и выглядывает молоденькая помощница жены.

– Здравствуйте. Как всегда, чаю или, может быть, кофе?

Красавицей не назовешь, но личико милое, чуть наивное... у жены очень ладная фигурка – что бы ни надела, все ей идет, – и поэтому она носит неброскую, простую одежду, а девушке сшила самое что ни на есть модное платье, – видимо, принимался в расчет и, так сказать, психологический эффект, который это могло произвести на заказчиков. Хозяйка ателье европей-

ской одежды в слишком ярком платье вызывает неприязнь заказчиков, но и чересчур простой туалет тоже может вызвать недоверие к ее мастерству и вкусу. И то и другое нежелательно. А вот такое сочетание дает наилучший результат. Однако девушка, высунув головку, продолжает из-за плеча жены пристально меня рассматривать. Открытый, простодушный взгляд, как у птички, кажется – вот-вот запоет. Может быть, в ней нет никакой настороженности, потому что перед ней муж ее хозяйки? Да к тому же она не может побороть любопытства – как же, муж, живущий врозь с женой, и стесняться ей, в общем-то, нечего. Кажется, что девушка, скрытая портьерой, совершенно обнажена. Однако кокетство ее – не кокетство перед мужчиной. Когда жена впервые привела эту девушку, у меня сразу возникло подозрение, а нет ли у моей жены некоей порочной склонности. Во всяком случае, девушка смотрит на меня с горячностью не большей, чем если бы перед ней был стол или стена.

– Что-нибудь важное?

– Я хочу знать наконец, что ты решила?

– А ты не мог заранее позвонить по телефону?

– Зачем же, я хотел услышать неподготовленный ответ. Отрепетированные ответы мне уже надоели.

Девушка, скривив губки, покачала головой и, бросив на прощание ласковый взгляд, скрылась за портьерой.

– Возьму немного вещей. Девочка, – жена понижает голос и со смешком, как сообщница, почти убежденная, что та слышит ее, – какая она милая, как искусна в любви – просто очаровательная девочка.

– Ты тоже достаточно опытна. Ну да ладно. Скажи лучше, почему все-таки мы должны были расстаться?

– И ты пришел, чтобы спросить меня об этом? – Она смотрит на меня изумленно. – Среди бела дня, в ателье...

– Я хочу, чтобы ты, не особенно размышляя над ответом, сразу же сказала, что ты об этом думаешь.

– Просто мне показалось, что я поняла, о чем ты мечтаешь, и согласилась расстаться с тобой. И сколько б ты ни старался переложить на меня вину...

– Значит, ты предвосхитила мои мысли?..

– Конечно.

– Я в самом деле был категорически против того, чтобы открывать это ателье, – вот почему мы и расстались.

– И теперь тоже?

– Уверен, что вся эта затея провалится.

– Дело не в том, провалится или не провалится...

– Люди часто спрашивают, почему я стал агентом частного сыска. Как ты думаешь, что я в таких случаях отвечаю?

– Во всяком случае, правды не говоришь.

– Тогда послушай. Жена наняла сыщика, чтобы следить, как я себя веду. Однако сыщик этот вдруг переметнулся и потребовал с меня денег за то, что он будет молчать. У меня рыльце было в пушку – это правда, но, когда тебе так беспардонно не доверяют, нужно быть круглым дураком, чтобы стараться сохранить лицо...

– Ты не успокоишься, пока хотя бы в своих фантазиях не сделаешь из меня злодейку.

Смеющееся лицо жены медленно испаряется и наконец вовсе исчезает. Подобная отливу бесцветная грусть, обратившись к далекому морю, замыкается в себе.

– У меня и в мыслях не было делать из тебя злодейку, я просто хотел выставить сыщика в дурацком свете.

– Не нужно разговаривать со мной в таком тоне.

– А твой строитель оказался весьма искусным, верно?

– Моя ошибка в том, что я совершенно непреднамеренно ранила твое самолюбие. Но и у тебя есть слабость. Ты необычайно ревнив.

– Ревнив? Никогда не предполагал...

– Прости. Мне не следовало об этом говорить. Но ты сам виноват, ты вынудил меня. Вот так всегда мы возвращаемся к одному и тому же. И не можем понять, в чем причина того, что случилось... и все равно продолжаем без конца ссориться...

– Может быть, лучше не подавать пока на развод?

– Но ведь ты однажды уже сам об этом просил?

– Это потому, что я был категорически против того, чтобы открывать это ателье.

– А сейчас ты уже примирился с ним, да?

– Примирился потому, что ты игнорировала мои возражения и в конце концов сделала все по-своему. Я не собираюсь упрекать тебя. Ведь в конечном счете ты оказалась права, я же ошибался – это неоспоримый факт... Ревность... нет, здесь что-то другое... похожее, но, думаю, другое... вопрос вот в чем: почему всегда ошибался один я, а ты никогда не ошибалась?

– Я просто теряюсь, не знаю, что и сказать, когда человек вот так сразу превращает себя в жертву.

– Но ведь ты же сама не можешь не признать, что наше совместное существование не имеет никакого смысла.

– Ну а если бы... – Жена вытягивает ноги, кладет на них, сцепив, руки и подается вперед. – А что, если бы мы поменялись местами, а? Если бы, предположим, ты добился большого успеха в деле, против которого я возражала, и по этой причине я бы завела разговор о разводе?..

– Мне, видимо, было бы трудно понять это.

– Какой же ты эгоист.

– А что, разве лучше, если бы тебе было трудно понять?

– Мне действительно трудно.

– Но ведь ты только что говорила, что тебе все понятно.

– Я просто похвасталась.

– Вот оно что... значит, ты заставляешь меня выпутываться из положения, которое я сам не могу как следует объяснить, так, что ли?..

Неожиданно жена выпрямляется и, всплеснув руками, прижимает их к груди. Ее глаза, впившиеся в меня, блестят.

– Поняла. Ты просто ушел из дому, сбежал.

– Сбежал?

Что ж в этом удивительного? У меня действительно было такое намерение, и она понимает это, хотя мы никогда не говорили на эту тему. Пожалуй, лучше всего прикинуться удивленным, будто для меня ее слова нечто совершенно неожиданное. Так я решил, но слова жены, более чем естественные, привели меня в некоторое замешательство. Это правда. Я почувствовал себя униженным, будто мне прямо в лицо вытряхнули содержимое пепельницы... почему?... может быть, потому, что мне почудилось, что *он*, разыскиваемый, вдруг слился со своей собственной тенью. На улице солнце припекает все сильнее, оно окрасило дверь в зеленый цвет, и моя тень, вытянувшись вдоль дивана, примостилась в кресле, стоящем у другого его конца. Голова растаяла, ее не видно.

– Да, я считаю, ты сбежал.

Жена утвердительно кивает и пристально смотрит на меня. Мол, если только она сумеет получить от меня подтверждение, то все будет разрешено...

– От кого? От тебя?

– Нет, не от меня, – энергично качает она головой. – От жизни... От того, что заставляет без конца хитрить, от напряжения, словно приходится ходить по канату, от того, что делает

тебя пленником спасательного круга – в общем, от всего этого бесконечного соперничества... правильно?... а я? я была лишь предлогом...

Неожиданно в левом глазу ярким пламенем вспыхивает резкая боль, будто в него вогнали крючок. Это, конечно, из-за зуба. Надо бы наконец пойти к врачу, пока не воспалилась десна.

– А разве в жизни агента частного сыскного бюро не нужна ни хитрость, ни борьба?

– Не занимайся демагогией. Соперничество на самой оживленной центральной улице и такое же соперничество на окраинных улочках, где подвизается частный сыщик – обыкновенный соглядатай, – в обоих случаях это соперничество, но смысл его различен. Ты оставил свою прежнюю работу и поэтому ушел из дому – в этом я убеждена... и, что самое главное... ведь одно из этих двух в чем-то было и хорошим, почему же ты бросил их одновременно... если причиной было не соперничество... правда? Ты считал, что поскольку ты против ателье, то, даже если б тебе и позволили здесь остаться, одно это не было бы разрешением проблемы, вот в чем дело... это была бы жизнь, проблемы которой не разрешишь иначе как победой в соперничестве...

– Неужели я был настолько расчетлив?

– У тебя что-то болит?

– Зуб сломал.

– Это еще ничего. – Она двумя пальцами сняла приколотую к груди брошь в виде корочки, открыла крышку – в ней лежали в ряд три плоские маленькие таблетки. – Мое лекарство, которое у меня всегда наготове... в последнее время опять начались головные боли...

Будто девушка только этого и ждала – портьера сильно заколыхалась, и она появилась, пятясь задом. Короткое платье цвета вялой зелени так плотно обтягивает ее, что кажется – вот-вот разойдутся швы... жемчужно переливающиеся ажурные чулки... тупой воротник, как на военной форме... проказливо-веселые огромные глаза... манжеты с отворотами, скрепленные перламутровыми пуговицами... и, наконец, наполненные до краев, вот-вот расплескаются, кофейные чашки... На каблучках своих туфелек – тоже цвета вялой зелени – девушка поворачивается кругом, искоса бросает на меня взгляд и скользящей походкой не спеша идет вперед. Движение каждого мускула на бедрах вырисовывается настолько четко, что кажется, будто касаешься их ладонями. Я не мог не восхититься искусством жены, сумевшей так скроить это платье.

– Может, запьешь водой?

– Ничего, боль как будто прошла.

В какой-то момент, это кажется неправдоподобным, боль действительно исчезла. Девушка, закусив нижнюю губу, напряженно улыбается, но в тот миг, когда она ставит чашки на стол, неожиданно вздрагивает, и кофе проливается. Она громко смеется и усаживается на стул прямо передо мной. Видимо, это была игра – наивность, помогающая продать свой товар подороже. Жена, обращаясь за подтверждением к девушке:

– В его комнате всегда прибрано, чтобы он мог вернуться в любое время, правда?

Девушка, бесстыдно заглядывая мне в глаза, радостным шепотом:

– Мужчина, как интересно...

Я все равно убежден, что не должен возвращаться.

Если считать белым – кажется белым; если считать черным – кажется черным высушенное солнцем покрытие скоростной автострады... скорость девяносто километров – на десять километров больше разрешенной... ревет мотор, издавая такой звук, будто металлической спицей касаются лопастей вентилятора, шуршат покрышки, будто отдирают липкий пластырь... погруженный в шум, я ничего не слышу – или, наоборот, замкнут в безмолвии... и вижу одну лишь бетонную дорогу, уходящую прямо в небо... нет, это не дорога, это полотно текущего времени... и я не вижу, а лишь ощущаю время...

Просто не верится, что где-то впереди пункт взимания платы... не верится – и ладно, и не нужно верить... не поддается объяснению даже сам тот факт, что вот именно сейчас я мчусь здесь... время, когда я обещал вернуться в агентство и встретиться с шефом, давно прошло... не позвонил я и заявительнице... а есть ли у меня какая-нибудь цель, у человека, которому здесь и делать-то нечего?... время в чистом виде... бессмысленная трата времени... какое расчётливость... до упора нажимаю на акселератор... стрелка спидометра ползет вверх и показывает девяносто шесть километров... ветер рвет из рук руль... напряжение сжимает меня почти в точку... ощущение, что однажды, в день, не отмеченный в календаре, в пункте, не нанесенном на карту, я неожиданно проснулся... если хочешь обязательно назвать это ощущение побегом, пожалуйста, называй – когда пираты, став пиратами, поднимают паруса, чтобы отправиться в неизведанные моря, или когда разбойники, став разбойниками, прячутся в безлюдных пустынях, в лесах, на дне городов, то хоть однажды и они, несомненно, сжимаются в такую же точку... я – никто; пожалуйста, можно и не соглашаться со мной... человеку, который, захлебнувшись, утонет, погибший в пустыне от жажды представляется глупцом, не достойным пролитых слез...

Но если время в чистом виде есть бодрствование, то путь к нему преграждает следующее сразу же за ним продолжение сна. Пункт взимания платы. Продолжение бесконечного сна после короткого искусственного пробуждения. Резко разворачиваюсь и еду обратно в город. Но, не знаю почему, прежнее состояние уже не возвращается. Может быть, потому, что меня обогнала красная спортивная машина, оставив за собой приглушенное завывание. Или, скорее, потому, что мысль – не остается ничего иного, как возвратиться, – выпустила воздух из упругого резинового мяча, который так хорошо подпрыгивал. А может быть, просто из-за того, что солнце припекает затылок. Теперь уже не дорога, а небо подавляет своей бесконечностью. Кое-где на нем появились облака, и все же голубизна расстилается, как накрахмаленное полотно. Возможно, это закон перспективы? – но вот в небе собрались тучи, и оно немного помрачнело. И под этим потемневшим небом лежит улица. Покинутая мной полчаса назад улица. Она распростерла покрытые струпьями огромные руки и ждет моего возвращения. Пират, посадивший корабль на мель, раскаявшийся пират – неужели это просто мираж?... нет, такого не может быть... не существует никаких доказательств, что улица, которую я покинул, и улица, на которую я возвратился, абсолютно одинаковые... может быть, сдвиг крошечный, в один микрон, и потому, что сдвиг этот слишком мал, его невозможно осознать... и есть этот один микрон или его нет – огромная разница – если даже раз в неделю покидать улицу и отправляться в путешествие по платной скоростной автостраде, в месяц соберется четыре микрона – в год – сорок восемь микрон... и если прожить еще тридцать лет – тысяча четыреста сорок микрон... почти полтора миллиметра – процесс более стремительный, чем разрушение Фудзи, – в общем, цифры, о которых можно и стоит говорить.

Грязное пятно неба все больше разрастается, оттесняя и оттесняя голубизну. Опять заныл зуб – почему я должен все время оправдываться?... для того чтобы убедить жену в своей правоте?... для того чтобы уверить заявительницу, что я не имею никакого отношения к смерти ее брата?... или, может быть, для того, чтобы доказать шефу, что у меня и в мыслях не было влезать в эту историю глубже, чем необходимо?... ну что ж, это дело... «хороший охотник никогда не гонится слишком долго за добычей. Он ставит себя на ее место, ищет путь к спасению, охотится сам за собой и в конце концов настигает себя» (из «Воспоминаний об одном уголовном деле»)... несомненно, очень убедительно, но правильно ли это?... а вдруг действительно я в глубине души хотел соперничать с *ним*?.. соперничать с *ним*?.. да я просто обязан оправдываться перед *ним*, ушедшим и не вернувшимся назад, за свою нерешительность: и не убегаю, и не возвращаюсь.

Возможно. С подобным утверждением я бы согласился. И это гораздо важнее того состояния, в котором я пребывал раньше, когда, потрясенный смертью *его* шурина, я забыл о самом

важном – о *нем*. Возможно, где-то я уже видел *его*. Здесь и там попадающиеся на улицах разверстые черные ямы... тени *его*, не существующего, – и если представить себе, сколькими ямами уже изрыта улица... если они – *его* тени, то *он* не один – *он* существует в бесчисленных обликах... *он* во мне, *он* в женщине, *он* в самом себе. В моем душевном состоянии начинают происходить какие-то огромные изменения...

Подъезжаю к остановке, у которой стоит телефон-автомат. В ту самую минуту, когда я вылезу из машины, солнце зайдет, будто его счистили щеткой. Но в согретой им будке еще тепло и, может быть, оттого, что ею редко пользуются, ужасно пахнет плесенью.

– Долго не звонил вам, простите, пожалуйста.

– Наоборот, хорошо. Я все время плакала, а теперь у меня уже и слез больше нет.

В ее точно заржавевшем голосе обычное спокойствие – оттого ли, что уже какое-то время прошло, или, может быть, благодаря все тому же пиву?

– Вы опаздываете, и все уже, наверно, волнуются.

– Да что там, разве дело во мне. Конечно, все расходы взяли на себя товарищи. Эти люди ведут себя просто как родные... траурное платье пришлось взять напрокат...

– Оно вам к лицу. Мои слова, может быть, покажутся неуместными, но вам очень идет черное.

Крутой спуск, прорезающий в южном направлении жилой массив на холме... длинная каменная лестница... по обеим сторонам заросли бамбука... резко очерченная линия затылка женщины, спускающейся впереди...

– Вы уже выясняли обстоятельства, при которых это случилось с вашим братом?

– Мне просто не верится, что это произошло с братом. Да, в общем-то, я о нем почти ничего не знала.

– Это, видимо, случилось сразу же после того, как мы расстались вчера вечером. Я чувствую себя виноватым.

– Но мне никто не говорил, что вы были вместе с ним.

– Становится холодно. Снова напозли тучи...

Заросли бамбука переходят в кладбище... сразу же справа, как только кончается лестница, древний, запущенный маленький храм, и только его черепичная крыша выглядит торжественно и нарядно. Город совершенно изменился, и прихожан, наверно, стало меньше, единственный источник дохода – похороны. Столбы обветшавших, изъеденных термитами ворот пришлось даже привязать толстой веревкой к подпоркам. Хотя, казалось бы, с ростом населения должно расти и число похорон. Значит, храм пришел в запустение либо потому, что настоятель безалаберно ведет финансовые дела, либо это просто хитрая политика, чтобы избежать высоких налогов, – ничего другого не придумаешь.

За воротами, в некотором отдалении – черно-белый шатер. По обеим сторонам дороги, от конторки привратника, зябко греющего руки над переносной жаровней, и до самого шатра, на равном расстоянии, точно телеграфные столбы, рядами стоят подростки, почти дети, и один за другим, как только мы приближаемся, точно заведенные, кланяются. Ноги их слегка расставлены, ладони прижаты к ляжкам, и эта стереотипность позы чуть жутковата и, пожалуй, немного комична. В мое агентство тоже приходят люди, которые любят церемонно раскланиваться, но, конечно, не в такой подчеркнута старинной манере.

В шатре царят торжественность и тишина. Аромат благовоний напоминает о смерти, нагоняет тоску. Священник в одиночестве тихим голосом читает молитву. Четыре венка, на каждом из них огромными иероглифами выведено: «Синдикат услуг Ямато» – в общем, похороны недорогие, по второму разряду.

В храме, справа и слева от входа, деревянные галереи для участников церемонии. Бросятся в глаза множество свободных дзабутонов, особенно справа, где на почетном месте лишь

один полноватый мужчина средних лет – с первого взгляда ясно, что он занимает руководящее положение, – сидит с закрытыми глазами перед электрической печкой и как будто дремлет. Слева в напряженных позах преклонили колени пять-шесть человек.

Один из них, узнав нас, быстро сбегает по лестнице. Долговязый, с раздвоенным подбородком. Следом – плотный человек в темных очках, голова у него растет прямо из туловища. Он идет медленно, неуверенно. И не потому, что ноги затекли, – он, видимо, просто пьян. Я помню эти темные очки. Да, он действительно похож на одного из тех троих, что прошлой ночью сидели вокруг костра на берегу реки. Кривые ноги, длинные волосы, слегка выходящие на висках. Липкий пластырь и мазь на разбитом лице – это, конечно, следы той драки.

– Добро пожаловать, – низко кланяется Раздвоенный подбородок. – Примите наши глубокие соболезнования. Заместитель босса и начальники групп из-за неотложных дел вынуждены были уйти несколько раньше. Они просили передать вам наилучшие пожелания. – И, бросив взгляд на дремлющего мужчину на почетном месте, а потом быстро осмотрев меня с ног до головы, добавляет: – Управляющий взял на себя все заботы, так что можете не беспокоиться.

Женщина представляет меня Раздвоенному подбородку:

– Это тот самый человек, о котором я вам уже говорила... я бы хотела, чтобы он встретился со старшим группы брата...

Неожиданно кто-то хлопает меня по плечу:

– Живы-здоровы, вот хорошо... я ведь предупреждал... все так и стряслось, как предсказывал...

Что это за образина в сером? Знакомый голос... ну конечно же, хозяин микроавтобуса... если бы не голос, ни за что бы, наверно, не узнал... действительно, никак не верилось, что свежевыбритое, одутловатое лицо и болтающийся под ним галстук принадлежат тому самому человеку, который вчера на берегу реки варил лапшу. Я почему-то тоже поднимаю руку и растягиваю губы в нечто напоминающее улыбку, отвечая на его приветствие. Когда на двух людей в какой-то мере может пасть подозрение, они, как свидетели, моментально заключают молчаливое соглашение о едином фронте.

Обращение ко мне этого человека тут же сказывается на поведении Раздвоенного подбородка. Настороженность отваливается, как фальшивая борода, прилепленная слюной.

– Старший, должно быть, там... сейчас позову его.

С этими словами он быстро идет к шатру и скрывается в нем. Но тот, что в темных очках, с трудом передвигавший ноги, будто нес тяжелый груз, даже не пытается прятать враждебного взгляда, который не могут скрыть и темные стекла. Он, наверно, злится на меня за то, что вчера ночью, когда они с товарищами цеплялись за мою удиравшую машину, пытаюсь спастись, я, прекрасно понимая, что им было нужно, отделался от них. Губы под замазанным носом нервно дрожат, он изо всех сил сдерживается. И, сочтя за лучшее ретироваться, обращается к женщине:

– Пойдемте отдадим ему последний долг.

– Я уже сделала это.

Спокойно, будто разговор идет о еде. Интересно, как уживаются в этой женщине замеченное мной раньше стремление, о чем бы ни заходила речь, сразу же вытаскивать на свет спасительного брата, с этим поразительным будничным спокойствием, когда дело коснулось его смерти. Конечно, похороны – не свадьба, они не доставляют ни удовольствия, ни радости. Но и похороны очень удобная церемония, на которой можно заколотить гвоздями память об ушедшем и успокоить живых. Безразличие на похоронах может объясняться либо безразличием к покойнику, либо любовью, превосходящей и жизнь, и смерть. Меня охватывает дурное предчувствие.

Ступени из толстых цельных досок... снимаю ботинки и надеваю шлепанцы... поднимаюсь на пять ступенек и оказываюсь прямо под алтарем... толстый, красный, обшитый золотом

шелковый дзабутон... невыразительная, белого дерева курильница... встав на колени, я вдруг замечаю, что все еще в перчатках, и поспешно сдергиваю их... досадуя, что сомнутся брюки, зажигаю курительную палочку и наконец вижу его фотографию, висящую прямо передо мной. Я бормочу себе под нос... да, вот такие-то дела, ну что ж... точно дожидаясь, пока я поднимусь, священник перестает читать молитву и быстро исчезает. И тогда трое парней, с трудом сдерживавшие желание закурить, с облегчением усаживаются поудобнее и разом подносят огонек к сигаретам. Сидевший на почетном месте пожилой мужчина, которого называли управляющим, сморкается, протягивает руку к электрической печке и быстрым движением что-то переворачивает, будто печет рисовую лепешку.

Раздвоенный подбородок появляется там, где был священник, и настойчиво манит меня рукой. Женщина у левой галереи о чем-то разговаривает с хозяином микроавтобуса. Нет, сказать «разговаривает» не совсем верно. Не знаю, слушает ли она его или бездумно теревит рукава непривычной для нее траурной одежды, то расправляя, то подворачивая их. Небо опять в молочных облаках без единого просвета... ветер как будто совсем утих.

Меня провели в небольшую комнатку рядом с алтарем, напоминающую приемную. Газовая печка старой конструкции горит сильным голубым пламенем – мускулы на лице начинают сразу же расслабляться. У самого входа, положив руки на колени и низко опустив голову, меня ждет молодой человек. Раздвоенный подбородок заглядывает мне в глаза:

– Я вам не нужен?

Я отрицательно качаю головой, и он, пожав плечами, покидает комнату. Знакомство происходит без всякого представления, само собой. Я никак не могу сообразить, о чем следует спрашивать этого юнца, и мне совершенно безразлично, будет присутствовать Раздвоенный подбородок или не будет. Сажусь за облупленный кое-где черно-золотой чайный столик напротив молодого человека. Этот хрупкий детский затылок не особенно подходит старшему группы – видимо, начальнику тех молодых ребят, которые сидят сейчас в храме. И его лицо, которое он поднял, распрямившись в ту самую минуту, когда я опустился на свое место, точно такое, каким его можно представить себе, глядя на затылок. Будто отполированная, нежная детская кожа. Мягкая линия подбородка – не поймешь, юноша перед тобой или девушка. Если бы не следы выбритых редких усов – губы совсем девичьи. Форма носа тоже неплохая. Правда, глаза странно-темные, диковатые, напоминают легко воспламеняющуюся нефть. И в то же время такие слабые мускулы... кажется, самое большее, на что он способен, – это нагонять страх на детей и командовать ими. Видимо, он был лисой, облеченной властью тигра. В таком случае со смертью брата он лишился опоры, на нем может сосредоточиться давняя злоба остальных, и сейчас самое подходящее время, чтобы по возможности вывести у него все, что меня интересует. Правда, если он, не имея мускулов, искусно владеет ножом да еще до безумия отчаянный парень, тогда не пропадет. С помощью насилия можно выдвинуться среди своих товарищей. Для спорта, для драки, для убийства требуются совершенно разные данные. Даже тигру не сравниться с голодной одичавшей собакой.

Хорошо, но все-таки какую цель преследовала женщина? Для чего хотела она познакомиться меня с этим молодым человеком? Вряд ли это пришло ей в голову неожиданно и она не имела возможности или случая предупредить меня об этом. Такой же точно значок в виде молнии, какой носил покойный. Может быть, это эмблема организации, именуемой «Синдикат услуг Ямато». Коль скоро этого юношу называют старшим, не значит ли это, что ребята, выстроившиеся вдоль дороги, – караул, находившийся в непосредственном подчинении умершего?.. но постой, действительно значок этого молодого человека такой же, как у Раздвоенного подбородка, однако... нет, он точно такой же формы, как у него, но цвет другой... у этого голубой значок, а у Раздвоенного подбородка – ярко-красный... по возрасту тот, пожалуй, старше, но, видимо, цвет нужно понимать не как различие в возрасте или положении, а как различие в

принадлежности к той или иной группе. Следовательно, группа покойного в том же «Синдикате услуг Ямато» была, возможно, самостоятельной организацией.

Чего же хочет женщина?

Здесь ли, на месте, пришла ей в голову эта мысль? Или, может быть, до последнего момента было нечто, заставлявшее ее опасаться нашего знакомства? А возможно, она решила, что ей удастся извлечь выгоду из этой встречи, воспользовавшись тем, что я не был к ней подготовлен?

– Старшие у вас меняются?

– Нет.

Бесстрастный, официальный тон, конечно напускной. Отсутствие выражения, – казалось, он выгладил и расправил мельчайшие морщинки страстей, чтобы уравновесить в себе абсолютное подчинение и абсолютный протест. Расположить к себе такого парня не в тюрьме, а в обычных условиях почти невозможно. Есть лишь один выход: сесть вместе с ним в тюрьму и бросить ему вызов в опасной игре «кто кого». Сейчас же такой возможности нет и...

– Трудно, наверно, и вам тоже – такая неожиданная смерть начальника группы...

– Трудно.

– Теперь вы сами будете возглавлять группу? Или, может быть, назначат нового начальника?

– Распустят, наверно.

– Почему?

– У босса было много сложностей с начальником нашей группы... Несовершеннолетних ведь легко выследить... будь то просто убежавшие из дому, будь то такие, из которых шайка кровь сосет... а уж как выследят – глаз не спускают, морока... дело с ними иметь хлопотно...

Ребята, убежавшие из дому... в сердце что-то оборвалось, даже дух захватило... значит, это ребята, убежавшие из дому?... и тот был начальником группы в синдикате, использующем убежавших из дому ребят, и, значит, у него, естественно, была совершенно иная, чем у нас, точка зрения на него, человека, который исчез. Знала ли об этом женщина? Не исключено, что, зная все, она и решила познакомить меня с этим юношей.

– Я от имени всех прочел надгробную речь. – Может быть, из желания разрядить гнетущую атмосферу, он сел более непринужденно. И вдруг вызывающе: – Ха, я даже плакал. Начальник группы любил людей. Да, я плакал. Сколько ни делала налетов полиция, ни один из нас даже рта не раскрыл. И мы ни за что не хотим теперь домой возвращаться. А боссам невдомек... все любили начальника группы... прямо влюблены были в него... ну ничего, просто так это не пройдет...

– Но если известен преступник, нужно отправить его в полицию.

– Что вы глупости говорите? Его ведь убили-то по ошибке. Начальника группы застрелили из пистолета. А разве у тех рабочих были пистолеты?

– Кого же вы подозреваете?

– Ну знаете...

– А самый старший босс, наверно, не согласен?

– Может, он потому и пугает, что распустит нашу группу?

– А как же деньги, они будут и в дальнейшем поступать?

– Да, конечно, наши клиенты все первосортные. И потом, мальчики, те, которых вы видели на улице, тоже сто`ящие.

Я наконец с трудом начинаю постигать характер деятельности этой группы. Мне как-то не приходило в голову, что на парковке микроавтобусов у реки не было никого из этой группы... клиенты... сто`ящие мальчики... я начинаю понимать... группа мальчиков... торгующих собой... и тот человек – их наставник... и если все это делается достаточно ловко, никакой закон им не страшен... но далеко не каждый способен вести такое дело... если не

быть с ними в одной упряжке, выполнять роль пастыря трудно... когда выгода не сочетается со склонностью, дело проваливается. Рассудив, я, кажется, начинаю понимать, почему такое тягостное впечатление произвели на меня эти похороны. Теперь никто не знает, что делать с этой группой. Потому-то начальство быстро ретировалось, оставив в качестве своего представителя управляющего. Одна лишь выгода не заставит этих обезумевших животных подчиняться новому начальнику. Если не быть человеком, способным вызвать к себе любовь этих юнцов и самому не любить их...

– Вы все прикреплены к определенным заведениям?

– Конечно. – Глаза его подозрительно сужаются. – С той компанией мы не имеем ничего общего. Вам, наверно, не понять... нет, конечно, не понять... сразу видно, что у вас к этому вкуса нет... члены нашего клуба все очень уважаемые клиенты... вы находите меня привлекательным? Глядя на меня, вы испытываете волнение?

– Да, вы красивый юноша.

– Ну а станете вы терпеть от меня побои? Станете пить мою мочу? Станете лизать подметки моих ботинок?

С трудом выдерживая его необыкновенно твердый, неподвижный взгляд, я ответил:

– Воздержусь, пожалуй.

– Ну вот. Одни грязные старики, мешки с деньгами... иногда актеры с телевидения – вот и все...

– Хочу спросить... вы, наверно, знаете... начальник группы не говорил недавно об одном владельце топливной базы?

– Владелец топливной базы? Клиент нашего клуба?

– Ну ладно, не слышали – и не надо.

– Вопросы там всякие, не люблю я их. Звон от них только.

– Тогда еще один, последний... вы не скажете, где до недавнего времени жил начальник группы?

– Начальник группы был справедливым человеком. И поэтому у него не было противной привычки долго жить у кого-нибудь одного.

– Но вещи-то ведь у него были. Чемодан, к примеру, в котором он держал самое необходимое...

– Рубахи, зубные щетки он, используя, выбрасывал. Были и ценные вещи. Попользуется он ими два-три раза и продает нам за полцены.

– Но ведь что-то должно же было остаться. Например, какие-нибудь дневники или еще что-нибудь нужное – не носил же он все при себе...

– Ни разу не видел.

– Я не собираюсь нарушать право собственности. Просто он обещал мне дать дневник одного человека... для вас и ваших товарищей никакой ценности он не представляет.

– И постельные принадлежности, и даже бриллиантин – в общем, все наши вещи были и его вещами... ему просто не нужно было ничего иметь.

– Вы не согласитесь как-нибудь выбрать время и обстоятельно поговорить со мной?

– Ни к чему это.

– А ваша семья?

– Бросьте вы, вечно простачи вроде вас об этом спрашивают.

– А что делал начальник группы, если кого-нибудь тянуло домой?

– У него были люди, которые присматривали. Стоило кому появиться на вокзальной площади, чик – и готово. Безошибочно действовал. Ну и учил как следует. Сразу занятие начинало нравиться.

– Но ведь молодость-то пройдет.

– Никуда не денешься. Годы, конечно, проходят, это точно. Ну что ж, кое-что можно будет сорвать со старых клиентов – пошантажировать их, устроят на автозаправочную станцию или еще куда.

– Вы с самого начала знали, что представляют собой эти юнцы?

– Да, но стоило бы мне рассказать о них, как вы убежали бы без оглядки. В общем, тогда было не время об этом говорить.

Женщина игриво смеется, втянув голову в плечи, в уголках губ застыла пивная пена. Она снова перед лимонной шторой, на улице еще светло, и комната наполнена лимонным светом. Лишь черная траурная одежда выглядит чем-то инородным, точно фотография, вырванная из другого альбома.

– Пробовал я выведать о дневнике, но безуспешно. Чем больше усилий прилагал, пытаясь взломать замок молчания, тем крепче сжимал он губы...

– Вам нужен дневник?

– Ну да, дневник вашего мужа. Брат обещал как раз сегодня принести его...

– А-а...

Не проявив никакого интереса, она продолжает понемногу, но не отрываясь, точно котенок, лакать пиво, я же, наоборот, возбужденно вскакиваю, подбрасываемый раздражением, буквально перехватившим дыхание.

– Недавно мне пришлось ехать по скоростной автостраде.

– Ну и что же? Не понимаю.

– И когда я ехал, все время думал, как было бы замечательно, если бы можно было мчаться вот так бесконечно. И мне казалось, что это действительно возможно. Но сейчас меня охватывает дрожь, стоит мне вспомнить тогдашнее мое душевное состояние. Представьте себе, что если бы вдруг и в самом деле сбылось мое желание и я бы ехал и ехал без конца и никогда не смог бы добраться до пункта взимания платы...

Женщина, подняв лицо от стакана:

– Беспокоиться нечего. Полдня проедете – и бензин кончится.

Наши взгляды сталкиваются где-то в пространстве. Женщина, казалось, не улавливает смысла ни того, что я сказал, ни своих слов и, заметив застывшее выражение моего лица, сразу же приходит в замешательство.

– Странно... муж ведь тоже пользовался скоростными автострадами... правда, чтобы испытать отремонтированные машины... вечером, когда внизу уже темно и только красным отсвечивают верхушки домов, а ты мчишься по скоростной автостраде и в конце концов становишься как пьяный...

– Видимо, о том же и я говорил...

– Когда проносишься по ней сотни раз, тысячи раз, начинает казаться, что количество выходов все сокращается, и в итоге оказывается, что ты заперт в автостраде...

– В тот момент, когда мчишься по ней, неприятно думать о конце. Хочешь, чтобы это длилось бесконечно. Но стоит автостраде кончиться – и с содроганием думаешь, что она могла не иметь конца. Между ездой и мыслями о езде – огромная дистанция.

На губах женщины появляется едва заметная улыбка. Даже обычная улыбка была бы неуместна, а тут волнующая улыбка, будто она старается подладиться к моему тону. И сразу же она опускает глаза и приводит меня в уныние, как коммивояжера, которому с приторной вежливостью указали на дверь.

– Так что, – продолжаю я еще по инерции, – может быть, действительно не стоит уделять так много внимания дневнику. Дневник – это все-таки лишь мечта о езде, а ваш муж ведь на самом деле уехал.

– А-а, о дневнике...

– О чем вы думали?

– Думала, что пойдет разговор о мужчине и женщине.

Она безразлично бросает слова, будто кусочки кожуры мандарина, и снова опускает рассеянный взгляд в стакан.

– О содержании дневника вы что-нибудь знаете? – Все это меня уже начинает раздражать. – Почему, объясните мне, почему вы не проявляете никакого интереса к дневнику мужа?.. О ком вы, наконец, беспокоитесь, я перестая что-либо понимать.

– Но брат как будто не придавал ему особого значения.

– Вы до такой степени доверяли брату?.. больше, чем своему мнению?

– В конце концов я осталась совсем одна.

Закрыла глаза, слегка покачивается и, кажется, совсем забыла о моем присутствии. Интересно, в сердце этой женщины воет ветер, бушуют волны, отвечающие ее настроению?

– Ну что ж, поступайте как знаете. Мне неизвестно, что вы думаете о своем брате. Но вы ведь знаете правду, при каких обстоятельствах это случилось с ним?

– Да-да, я должна вам рассказать.

Она кладет на колени большую белую прямоугольную сумку, совсем не гармонирующую с ее траурной одеждой, вынимает пакет, завернутый в газету, кладет его на стол и пододвигает ко мне. Неаккуратный, странной формы сверток. Судя по звуку, когда она его клала, сверток, видимо, достаточно тяжелый.

– Это что такое?

– Человек, который заговорил со мной... помните, такой небритый...

– А-а, хозяин микроавтобуса. Он как раз торговал на берегу реки, когда все и случилось...

– Подарок принес на память о брате.

Не успел я спросить, что это такое, как сквозь дыру в газете резко сверкнула черная металлическая трубка. Пистолет! Подумав, что лучше не оставлять на нем отпечатков пальцев, я через газету берусь за ствол и осторожно отодвигаю подальше от края. Из свертка выпадает маленькая, похожая на пуговицу, серебристая вещица. Тот самый значок.

– Что это такое?

Я буквально оторопел от ее хладнокровия. Что за женщина! Каков ее обычный мир?

– Вы не знаете? Шестизарядный браунинг. Игрушечный.

– Игрушечный.

– Конечно, отверстие в стволе залито.

Я посмотрел, она была права. Но и цветом, и формой, и весом пистолет несколько не отличался от настоящего. Ощущение мертвящего холода, которое исходит от поблескивающего изгиба спускового крючка. Для психологического воздействия достаточно натурален.

– Оттого что брат вытащил пистолет, он еще сильнее распалил своих врагов.

– Странно... ведь этот человек убежал оттуда еще раньше, чем я, и, значит, не мог видеть, что происходило...

– Он оставил машину в безопасном месте и снова вернулся.

После этих слов мне нечего сказать. Мне бы самому следовало поспешить в контору строительства или в полицейский участок или предпринять еще что-нибудь. А я просто-напросто сбежал. На моих глазах убивали человека, а у меня не нашлось доброй воли, хотя бы такой же, как у хозяина микроавтобуса.

– Да, я не вернулся...

– Ему, кажется, каблуком ботинка проломили голову.

– Это странно. По словам старшего группы, его как будто застрелили.

– Не слушайте, что говорят эти мальчишки. Собственная выдумка моментально превращается для них в правду. Да и в полиции мне сказали, что он умер от побоев...

- Нельзя быть такой доверчивой.
- Вы думаете?
- Полицейские не спрашивали вас о муже, обо мне?
- Нет, не спрашивали...
- Эта штука, в общем-то, не стоит того, чтобы о ней говорить, – разозлившись, что пистолет ввел меня в заблуждение, и теперь уже смело оставляя на его поверхности отпечатки пальцев, – но все равно я сомневаюсь, следует ли считать занятие брата таким уж безобидным.
- Конечно. Этот пистолет раньше принадлежал мужу.
- Мужу... ему-то он зачем понадобился?..
- Он где-то купил его и похвастался брату, а тот отнял и отругал еще.
- Тоже странная история. Все должно было произойти наоборот. Если представить себе, чем занимался брат, он просто права не имел ругать за игрушечный пистолет. Вы, например, знаете, что делал брат там, на берегу, когда все это случилось?
- В общем...
- Собирал плату и открывал новые заведения для тамошних рабочих... эти микроавтобусы... если бы просто питейные заведения, еще ничего, но он держал там женщин и в открытую поощрял их заниматься проституцией... вы знали об этом?
- Да, в общем...
- В каких отношениях были ваш муж и брат? Я не думаю, что они одного поля ягода, но... когда я слушаю ваш рассказ, у меня создается впечатление, что вы относитесь к брату не критически...
- Мне кажется, я понимаю... брат не мог допустить, чтобы муж шутил подобным образом, так мне представляется...
- В таком случае какие у него основания предостерегать вашего мужа?.. я не думаю, что он имел на это право...
- Право? Когда мне говорят о праве... – Женщина погружает палец в стакан и слизывает приставшую к нему пену. – Действительно, какая дикая случайность... из-за этой игрушки брат был убит... получается, будто муж убил его...
- В выражении ее лица уживаются полнейшее безразличие и вот-вот готовое вылиться наружу напряжение. Женщина изо всех сил сдерживает вопль отчаяния, и меня вдруг пронзает эта ее разрывающая душу боль. Теперь моя очередь растеряться.
- Не преувеличивайте. Это простая случайность.
- Быстрее выбросьте его. Я ненавижу, ненавижу эту игрушку...
- Я возьму его себе. А сумка?
- И ее тоже... лучше всего выкинуть все это...
- В шесть часов я должен буду уйти...
- Пива больше не хотите?
- Лучше бы я посмотрел альбом, если он у вас есть.
- Альбом?
- Ну да, семейный альбом...
- Есть, но... что за интерес, но если хотите...
- Женщина, изогнувшись и слегка привстав, достает с полки, сзади себя, вложенный в футляр большой альбом. Внизу на обложке типографским способом напечатано: «Смысл воспоминаний». Присмотревшись, обнаруживаю, что это не напечатано, а выклеено из отдельных иероглифов, вырезанных из какого-то журнала.
- «Смысл воспоминаний» – это что-то вроде названия, правда?
- Видимо, свойственная этому человеку изысканность.
- Действительно ли это *свойственная* ему изысканность?
- Фотографии в альбоме тоже, наверно, изысканные?

– Как вам сказать.

– Какими фотографиями в последнее время он интересовался? – с безразличным видом забрасываю я удочку, открывая первую страницу альбома.

– Да вот... увлекался цветной фотографией и как будто часто ходил в фотолабораторию... он как-то хвастался мне фотографией радуги, отраженной в луже.

Радуга?.. видимо, она не знает о ню... но сейчас вряд ли стоит посвящать ее в это... На первой странице альбома пожелтевший портрет пожилой женщины... фоном служат точно нарисованные море и скалы – по всему видно, что фотография сделана еще в начале двадцатых годов...

– Мать мужа, она живет с золовкой в провинции, – комментирует женщина, заглядывая в альбом, и мои ноздри щекочет свежий запах ее волос.

Этой страницей и ограничиваются фотографии, связанные только с *ним*, и со второй страницы сразу же переносишься во время, когда он уже был женат. Напыщенная, традиционно невыразительная фотография молодоженов...

– Фотографий вашего мужа до женитьбы совсем нет?

– Нет, старых не сохранилось. Мы их собрали и отправили его матери.

– Какая-нибудь причина была?

– Просто мы не из тех, кто любит вспоминать давние времена, ну и...

С каждой страницей время меняется. Но большую часть фотографий неизменно занимают портреты женщины. Видимо, он давно увлекался фотографией – все они выполнены в нарочито неестественных ракурсах, в стиле так называемой художественной фотографии. Но раздражало не столько это, сколько вызывающие позы женщины. Лицо поглощенной собой, не обращающей ни на что внимания женщины, стоящей перед зеркалом. Лицо женщины, которая явно думает о другом человеке, устремив взгляд куда-то вдаль, предавшись своим мыслям, чуть улыбаясь, приоткрыв губы. Но еще больше я удивился, обнаружив снятую против света фотографию в ночной сорочке, сквозь которую просвечивало тело. Поразительная женщина. Действительно вопрос, видимо, нужно поставить иначе: *он* ее фотографировал или, может быть, скорее она фотографировалась?

Кроме таких фотографий, были и другие, правда весьма немногочисленные, которые рассказывали о его семье. Снятая на память фотография, запечатлевшая момент, когда их, уже супругов, благословляет мать... маленький провинциальный городок... перед лавкой, одновременно табачной и мелочной... видимо, это происходило летом... длинная скамья, посредине сидит мать, справа от нее – *он* с женой, слева – сестра с мужем... все весело смеются, держа в руках чашки с водой, в которых плавает лед. Я внимательно изучаю выражение лиц *его*, сестры и матери. Нет ли каких-то общих черт у этих трех людей? Какого-нибудь дурного знака, который бы помог понять причину *его* исчезновения... указания на таящееся в крови безумие, что ли... хорошо бы иметь увеличительное стекло...

И тут вдруг совсем иная фотография. В каком-то саду *он* возится с посадками.

– Вы там жили до того, как переехали сюда?

– Да, это когда он был еще представителем фирмы «Дайнэн».

– Что же побудило его заняться этой работой?

– После того как первая фирма, в которой он начал работать, обанкротилась, ему пришлось некоторое время торговать журналами. И тут, совершенно неожиданно, товарищ брата по университету продает землю и открывает собственную торговлю, а мужу уступает свои права представителя фирмы «Дайнэн».

– А деньги?

– Выплачивали ежемесячно. Прошлым летом рассчитались полностью.

– Теперь вы уже не поддерживаете отношений?

– Дело в том, что с самого начала все переговоры вел брат.

– Значит, и все документы по передаче прав тоже были оформлены на имя брата?

– Действительно, как же это было?.. во всяком случае, из представителей он стал начальником отдела фирмы – этого уж он добился сам. Так что в общем не важно, на чье имя были документы.

– Я имею в виду, что пришлось, наверно, уплатить комиссионные...

– А-а, вы вот о чем... – Женщина устало улыбается и, доливая пива в оба стакана, мой и свой: – Видите ли, мы, я и брат, еще в детстве лишились родителей, остались вдвоем на свете и вынуждены были перемогаться чем придется... если кто-нибудь издевался над одним из нас, другой, точно издевался над ним, бросался на обидчика. Даже после моего замужества это не изменилось. По правде говоря, муж перешел работать в фирму опять-таки с помощью брата... это точно... мы не хотели, чтобы дети испытывали лишения, и поэтому решили не заводить их, пока не будет обеспечена страховка и выходное пособие и месячное жалованье после всяких вычетов станет больше шестидесяти тысяч иен... теперь я была бы на восьмом месяце.

– Теперь?

– Да, если бы не выкидыш...

– Муж знал о том, что вы беременны?

– Конечно.

– Чем занимался брат до того, как связался с этим синдикатом?

– Когда он был студентом, то чересчур рьяно участвовал в студенческом движении, и его исключили из университета... а может быть, и сам ушел... толкался туда-сюда, но подходящей работы найти не мог... только совсем недавно устроился секретарем к какому-то члену муниципалитета, и вот...

В самом конце альбома я наконец наткнулся на то, что искал. Фотография, на которой изображен брат заявительницы. Место – тот же самый сад. Наискось стоит автомобиль старой модели с открытым капотом. Мужчина – по-видимому, *он* – лежит на циновке под автомобилем и, упершись локтями о днище, кажется, что-то говорит шурину – и смеющееся во весь рот лицо брата. Но взгляд, обращенный к объективу, – беспокойный. Брат в гэта и рубашке с короткими рукавами. Обстановка вполне домашняя.

Я в полном отчаянии. Должен бы вздохнуть с облегчением, а я падаю духом, точно мои надежды обмануты. Но совсем не потому, что мои подозрения подтвердились. Я считал их не состоящими в кровном родстве, самозванными братом и сестрой. В домовоей книге, правда, записан брат, имеющий ту же фамилию, то же имя, это верно, но сейчас нет средств получить доказательства, подтверждающие это. Однако атмосфера, которая царит на этой фотографии, бесспорно, указывает, во всяком случае процентов на семьдесят-восемьдесят, что тот человек и в самом деле ее брат. В прах рассыпается порожденная литературными ассоциациями химера, будто тот человек – шарлатан, выдававший себя за брата, будто он вступил с женщиной в тайные сношения и убрал *его*.

– Ваш муж и брат как будто были в самых добрых отношениях?

– Да, смотря по настроению, прямо как щенки – то играли, то дрались...

– В то время, когда была сделана эта фотография, брат уже связался с синдикатом?

– По-видимому, да...

– А как относился к этому муж?

– Не одобрял, конечно... но его ведь это не касалось непосредственно...

– В таком случае предположим... может быть, это слишком смелый вопрос... считал ли брат вас и мужа одинаково близкими себе людьми или же делал между вами различие – вы были для него родной, а муж – родным в кавычках, то есть чужим человеком... другими словами, когда у вас возникали с мужем столкновения, выступал ли брат в качестве третьей стороны или же открыто становился на вашу сторону, защищая ваши интересы?..

– Видите ли... я как-то над этим не задумывалась...

– Ну ладно, представьте себе обратное: между вашим мужем и братом возникло резкое расхождение по какому-то вопросу и создались обстоятельства, когда, если бы дело происходило в давние времена, был бы неизбежен поединок... вы бы как поступили?.. возможность выступить в качестве третейского судьи уже отпала, нужно выбрать одного из двух... Кого вы выбираете?

– Зря вы это все...

– Но вы должны выбрать.

– Ведь брат помогал мужу, как никто другой.

– Но, может быть, наоборот, для мужа помощь превратилась в обузу?

– Почему я должна отвечать вам на такой вопрос?

– Прежде всего защита заявителя – мой долг.

– Брат уже умер.

Неожиданно женщина тихо вскрикнула надтреснутым голосом, я возрадовался. Ну вот, наконец я заставил ее потерять над собой контроль.

– В шесть часов я уйду... – Часы показывали начало шестого. – Я договорился встретиться с тем самым Тасиро... может, удастся все-таки напасть на след... он ведь, что там ни говори, сталкивается в фирме с большим числом людей, чем остальные...

Однако женщина молчала. Может быть, она поняла? Она, конечно же, проникла интуитивно в мое тайное намерение повторять неприятные для нее вопросы, чтобы углубить пропасть, существовавшую между *ним* и братом еще до того, как один из них пропал без вести, а другой погиб, проникла в мое тайное намерение, которое я еще сам не мог ясно сформулировать. Я не отрицаю, что имел такое тайное намерение. И потому, что не могу отрицать, чувствую, что меня видят насквозь, и от этого прихожу в замешательство.

Вряд ли стоит утверждать, что совершенно не существовало тем, которые были бы уместны, соответствовали бы роли, которую я исполнял. Взять хотя бы мое утреннее донесение – разве стоило его отметить? Особенно многозначителен рассказ того шофера, который нарисовал подробную схему линии связи между *ним* и «Камелией». Она проще и достовернее всех схем, которые возникали до этого. Но все равно что-то заставляет меня колебаться. И я испытываю страх, что в тот момент, когда все будет высказано, наступит опустошение и мое существование утратит смысл. Но можно обиняком коснуться немного и «Камелии»...

– ...Да, кстати, в своих донесениях о том самом кафе я забыл кое о чем написать... помните, напротив него находится стоянка автомашин... как раз там я впервые встретил вашего брата. Он постарался сделать вид, что встреча случайная, но я подумал, что случайность слишком искусственная... ну да ладно... вам не известно, с какой целью брат оказался там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.